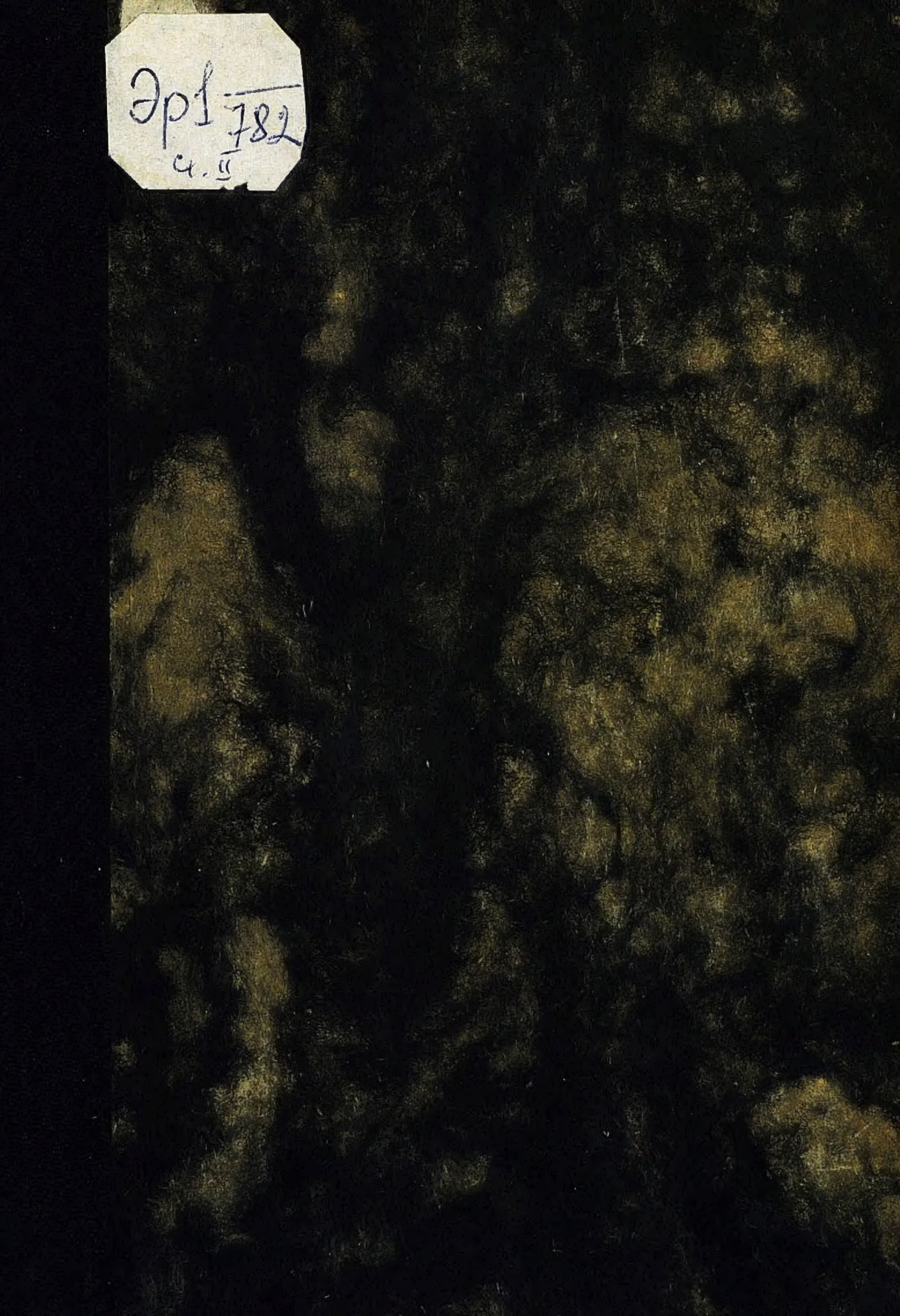

Эр1 782
ч. II

БИБЛIОТЕКА
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ"
РОССIИ

В. А. МАКЛАКОВЪ

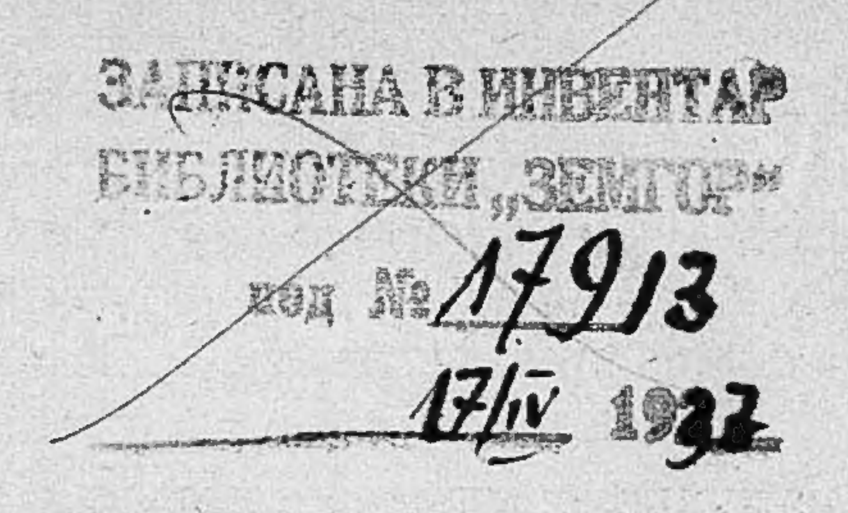
Власть и общественность на закатѣ старой Россiи

(Воспоминанiя современника)

II.

ПРИЛОЖЕНIЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССIИ"
на 1936 г.

Книга 24

Отдѣлъ третій.

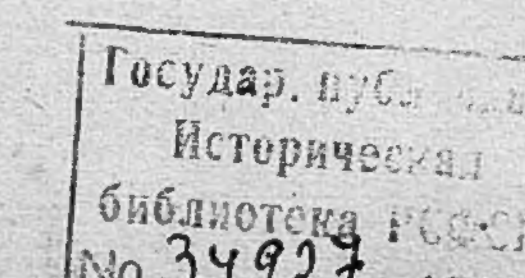
Уступки и паденіе Самодержавія.

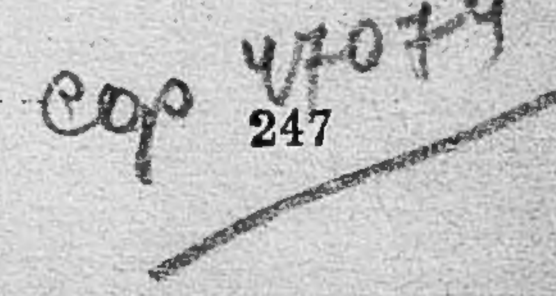
Глава IX.

ВИТТЕ КАКЪ ИДЕОЛОГЪ ЛИБЕРАЛЬНАГО САМОДЕРЖАВІЯ.

Первымъ человѣкомъ у власти, который понималъ, въ какой тупикъ заводятъ Самодержавіе его слѣпые сторонники, который сдѣлалъ попытку вернуть Самодержавіе къ его историческому долгу передъ Россіей, но вмѣсто успѣха ускорилъ развязку, былъ С. Ю. Витте.

Витте былъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ фигуръ послѣдняго времени; ее можно назвать и трагической. Даже его враги признавали его исключительныя государственныя дарованія. О немъ вспоминали всегда, когда ждали чуда; его одного считали на это способнымъ. Никто не можетъ отрицать и слѣда, который его короткое пребываніе у власти оставило въ жизни Россіи. А между тѣмъ у насъ, гдѣ государственныхъ людей оказалось такъ мало даже среди тѣхъ, кто самъ былъ о себѣ очень высокаго мнѣнія, Витте оказался всѣми отвергнутымъ. Послѣ его паденія *всѣ* боялись его *возвращенія* къ власти; пустые слухи объ этомъ заставляли тревожиться. Когда онъ умеръ въ началѣ войны, кромѣ близкихъ людей, никто о немъ не пожалѣлъ; ско-

рѣе напротивъ. Французскій посолъ Палеологъ сказалъ Государю, что со смертью Витте «потухъ источникъ интригъ», и Государь съ радостью съ такимъ сужденіемъ согласился. Самъ онъ не нашелъ даже нужнымъ сдѣлать послѣ его смерти общепринятый жесть, прислать вѣнокъ или выразить вдовѣ сожалѣніе. Онъ только приказалъ опечатать бумаги. Не лучше оказалось отношеніе къ Витте и либеральнаго общества. Это общество при жизни Витте чуждалось его. Послѣ 17-го октября 905 г. никто его не поддержалъ. Кадеты старались свалить его еще до 1-ой Государственной Думы и когда, наканунѣ созыва Думы, онъ былъ отставленъ, съ торжествомъ приписывали эту *побѣду* себѣ. Послѣ роспуска I-ой Думы я слышалъ, какъ на октябристскомъ собраніи въ Москвѣ октябристскій ораторъ А. В. Бобрищевъ-Пушкинъ заявлялъ, что имя графа Витте, какъ «политически нечестное», навсегда вычеркнуто изъ исторіи Россіи; и такое заявленіе по адресу *автора* 17-го октября поддерживалось оглушительными аплодисментами на собраніи *Союза* 17 октября! Подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести безъ конца. Витте пришелся рѣшительно всѣмъ не ко двору; отвергнутый властью онъ былъ отвергнутъ и обществомъ и умеръ всѣми покинутый.

Чѣмъ заслужилъ Витте такое къ себѣ отношеніе? Если взять литературу о немъ, нетрудно увидѣть главный упрекъ, который съ разныхъ сторонъ ему дѣлали. Его укоряли за неискренность, за неправдивость, за двоедушіе; его считали способнымъ на все для карьеры; его постоянно заподазривали въ коварныхъ подвохахъ. Если бы это было справедливо, судьба Витте не была бы трагедіей; она была бы имъ заслужена; ее приготовила бы ему

«О ты, столь чтимая у древнихъ Немезида»!

Но дѣло было совсѣмъ не такъ просто.

Было бы самонадѣянно съ моей стороны брать на себя защиту такого человѣка, какъ Витте. Его защититъ та исто-

рія, которая прочно забудетъ многихъ изъ торжествующихъ его порицателей. Я не претендую давать и простой его характеристики. Моихъ личныхъ впечатлѣній для этого мало; они односторонни. Я Витте часто видалъ и въ условіяхъ благопріятныхъ для откровенной бесѣды; но познакомился съ нимъ только въ 1907 г., когда онъ былъ уже въ опалѣ. Я не зналъ его въ эпоху его всемогущества. Это имѣетъ свою хорошую сторону; онъ могъ со мною быть вполнѣ искреннимъ. Ему нечего было ни меня опасаться, ни передо мною рисоваться; я не могъ ему ни помочь, ни повредить. Никому изъ насъ не могло прійти въ голову, что я когда-нибудь о немъ буду писать; онъ могъ показываться мнѣ безъ прикрасъ и говорить то, что думалъ. Но зато и я не могъ наблюдать его поведенія у власти, возможнаго расхожденія его слова и дѣла.

Общеніе съ нимъ не подтверждало ходячей мысли о его «двоедушіи». Напротивъ: онъ былъ вспыльчивъ и рѣзокъ, въ спорахъ часто непріятенъ; недостаточно собою владѣлъ, чтобы скрывать свои настроенія. Въ немъ было мало придворнаго и даже просто свѣтскаго человѣка. Двоедушные и умѣлые карьеристы бываютъ другими. И общепризнанный упрекъ въ двоедушіи и даже предательствѣ я объясняю другимъ; я вижу въ немъ поучительный результатъ власти надъ умами «шаблона». «Шаблоны» существуютъ для всѣхъ направленій. Для обычныхъ наблюдателей отступленія отъ шаблоновъ представляются столь неожиданными, что они ихъ не понимаютъ, а потому часто въ искренность ихъ и не вѣрятъ. А Витте какъ разъ не подходилъ подъ шаблонъ ни «консерватора», ни «либерала». Онъ совмѣщалъ черты, которыя рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ, и этимъ приводилъ своихъ сторонниковъ и враговъ въ недоумѣніе; «когда же онъ искрененъ и гдѣ онъ хитритъ»? А *оригинальность его была въ томъ, что онъ совсѣмъ не хитрилъ.* Его политическій обликъ, мѣсто, которое онъ могъ занять въ нашей исторіи, не укладывались въ шаблонныя представленія.

Если бы нужно было опредѣлить его какой-либо формулой, я бы назвалъ его послѣднимъ представителемъ «либеральнаго Самодержавія», какихъ мы видѣли въ эпоху 60-хъ годовъ. Онъ олицетворялъ собой то, что въ обреченномъ на гибель, разрушающемъ себя Самодержавіи еще оставалось здороваго и что могло спасти ему жизнь. Кипучая дѣятельность Витте представляется какъ бы послѣдней борьбой этого государственнаго организма со смертью.

Я невольно сопоставляю его съ Столыпинымъ. Это сопоставленіе возмутило бы и того и другого; они ненавидѣли другъ друга и мало было людей, которые по характеру были такъ непохожи. Но въ ихъ судьбѣ было нѣчто общее. Оба были послѣдними ставками погибающихъ порядковъ; оба были много крупнѣе своихъ самодовольныхъ и побѣдоносныхъ критиковъ и противниковъ; оба были побѣждены ими на несчастье Россіи. Витте могъ спасти Самодержавіе; а Столыпинъ могъ спасти конституціонную монархію.

Въ пятидесятыхъ годахъ Самодержавіе дало доказательство своей жизненности. Оно не связало своей судьбы съ порядкомъ, основанномъ на существованіи привиллегированнаго класса — дворянства и порабощеннаго имъ крестьянскаго населенія; оно начало рядъ глубокихъ реформъ, превращавшихъ постепенно Россію въ современную демократію. Реакція 80-хъ годовъ пыталась остановить этотъ процессъ, вернуть Россію на покинутый ею путь, и этимъ подставило себя подъ удары исторіи. Спасти Самодержавіе можно было лишь тѣмъ, чтобы вернуть его къ традиціямъ великихъ реформъ, связать его съ той новой Россіей, которая на этомъ пути уже создавалась и крѣпла. Самымъ яркимъ представителемъ именно *этого* направленія и сдѣлался Витте.

Критики Витте часто указывали, что въ его политикѣ не было плана. Если бы это было вѣрно, это было бы только лишнимъ примѣромъ того, какъ геніальная интуиція у практика замѣняетъ доктрину; такова по Ключевскому бы-

ла реформа Петра. Но поскольку я Витте зналъ, я не могъ бы согласиться съ этимъ сужденіемъ его критиковъ. Правда, Витте своего плана нигдѣ полностью не излагалъ; онъ вообще былъ человѣкомъ мысли и дѣла, не слова; онъ любилъ говорить только о конкретныхъ мѣрахъ, которыя можно сейчасъ же принять. Но въ принципіальномъ значеніи этихъ мѣръ онъ отдавалъ себѣ совершенно ясный отчетъ. Онъ былъ самъ человѣкомъ той *новой* Россіи, которая возникла въ результатѣ «великихъ реформъ». Онъ зналъ, что Россія вступила на путь европейскаго капитализма, успѣхъ котораго требуетъ свободной, на правѣ основанной, защищенной закономъ иниціативы и дѣятельности личности и общества. Это воззрѣніе опредѣляло его политику. Онъ не былъ врагомъ историческаго «дворянства», какъ справа его упрекали; напротивъ. Онъ думалъ, что этотъ классъ благодаря унаслѣдованнымъ отъ прошлаго связямъ, просвѣщенію и богатству могъ бы сдѣлаться однимъ изъ строителей *новой* Россіи; только для этого онъ долженъ былъ *работать* на новой дорогѣ. Витте презиралъ тѣхъ праздныхъ людей, которые мечтали о безвозвратномъ прошломъ, о привилегіяхъ, о поддержкѣ ихъ за государственный счетъ во имя прежнихъ заслугъ. Онъ цѣнилъ всѣхъ созидателей цѣнностей, всѣхъ активныхъ «буржуевъ»: *они* были творцами новой Россіи. Въ 1903 году на процессѣ Алчевскаго въ Харьковѣ я слышалъ на судѣ незабытые анекдоты о томъ, какъ Витте, проѣзжая черезъ города южной Россіи, демонстративно отдѣлывался отъ офиціальныхъ визитовъ, чтобы посвящать свое время дѣловымъ разговорамъ съ тузами промышленности. По тогдашнему времени это производило сенсацію, казалось ново и символично.

Покровительство національной промышленности, подъемъ экономической жизни, которымъ посвящалъ себя Витте, не представляли ничего неожиданнаго для Министерства Финансовъ; это давно было программою вѣдомства. Но Витте глубоко понималъ связь между всѣми сторонами го-

сударственной жизни, понималъ справедливость стариннаго изреченія, что нѣтъ хорошихъ финансовъ безъ хорошей политики и здоровой общественной атмосферы. Его финансовая дѣятельность поэтому развернулась въ цѣлую программу общей внутренней и даже внѣшней политики. Только онъ подходилъ къ ней не отъ теоретическихъ предпосылокъ либерализма, а отъ конкретныхъ нуждъ русской дѣйствительности.

Въ этой программѣ онъ немедленно столкнулся съ тѣмъ, что было тогда главнымъ, недостаточно оцѣненнымъ зломъ русской жизни, съ *правовымъ* положеніемъ нашего крестьянства. Витте разсказалъ въ своихъ мемуарахъ, что раньше онъ, какъ и всѣ, мало интересовался крестьянскимъ вопросомъ. Онъ и подошелъ къ нему не какъ сторонникъ теоретическихъ лозунговъ равенства и равноправія, а какъ финансистъ, понимавшій важность крестьянскаго рынка въ экономическомъ здоровьи Россіи. Столкнувшись съ этимъ вопросомъ, онъ быстро усвоилъ, что крестьянская реформа, вѣрнѣе завершеніе крестьянской реформы въ Россіи стоитъ въ центрѣ всего. Постановка этого вопроса ребромъ на первый планъ государственныхъ заботъ была главной заслугой и, удивительно сказать, главнымъ своеобразіемъ Витте. По мнѣнію Витте, этотъ вопросъ и въ 90-хъ годахъ, какъ и въ 60-хъ, въ эпоху «великихъ реформъ», долженъ былъ быть исходной точкой всего. Все остальное было второстепенно и явилось бы само собою такъ же неизбѣжно, какъ за реформой 61-го года послѣдовали и другія реформы. Изучивъ крестьянскій вопросъ, Витте сталъ непримиримымъ врагомъ крестьянской сословности, особыхъ крестьянскихъ законовъ и прежде всего — зависимости крестьянъ отъ общины. Всю важность этого вопроса въ Россіи Витте понялъ раньше Столыпина и глубже его. Онъ сознавалъ, что пока крестьяне не станутъ «буржуями», не создастся того, что соціалъ-демократія презрительно называла мелко-буржуазной идеологіей, эра капитализма со всѣми своими послѣдствіями

въ Россіи не сможетъ расцвѣсть. Съ крестьянскаго вопроса надо было начать. За невнимательность къ нему онъ упрекалъ и нашу власть и наше общество. Помню его укоры I-ой Государственной Думѣ за то, что она, хотя этотъ вопросъ и подняла, но въ погонѣ за большимъ не сумѣла сдѣлать того, что въ то время было совершенно возможно. Превращеніе крестьянъ изъ *сословія въ соціальный классъ* мелкихъ землевладѣльцевъ — для Витте было предпосылкой тѣхъ политическихъ перемѣнъ, о которыхъ въ то время мечталъ свободолюбивый либерализмъ.

Въ этомъ пунктѣ обнаруживалось и сходство и разница между Витте и либеральной общественностью. Витте не находилъ, что *очередная задача* момента есть замѣна Самодержавія конституціей. По его мнѣнію нельзя было вводить конституціонный строй въ странѣ, гдѣ большинство населенія еще стоитъ внѣ общихъ законовъ. Пусть исторія знала олигархическія конституціи, въ Россіи для нихъ не было почвы. Говорить о конституціи раньше, чѣмъ покончено съ крестьянской сословностью, значило не понимать необходимыхъ для конституціоннаго строя условій. Начинать надо съ крестьянскаго освобожденія. За то, когда Самодержавіе эту свою историческую задачу исполнитъ и освобожденіе доведетъ до конца, тогда Россія сама собой придетъ и къ конституціи. Витте былъ чуждъ національнаго мистицизма, вѣры въ россійскую самобытность, которая будто бы съ конституціей никогда не помирится. «Почему вы думаете», говорилъ онъ Шипову еще въ 902 году, «что русскій народъ какой-то особенный? Всѣ одинаковы, какъ англичане, французы, нѣмцы, японцы и русскіе. Что хорошо для однихъ, почему не будетъ хорошо для другихъ? Развѣ въ государствахъ съ представительной формой правленія дѣло хуже идетъ»? *).

Понятно, что тѣ правые, которые стремились заморозить

*) Шиповъ — Воспоминанія и Думы, стр. 187.

Россію, сохранивъ навѣки ея прежній сословный укладъ, ненавидѣли Витте. Онъ былъ для нихъ опаснымъ врагомъ. Но и либеральное общество, которое программѣ Витте о крестьянахъ не могло не сочувствовать, его все-таки считало чужимъ. Ихъ раздѣляло отношеніе къ Самодержавію. Въ ту суровую эпоху представители либеральной общественности сами не смѣли публично заявлять себя конституціоналистами и напротивъ увѣряли, будто режимъ шестидесятыхъ годовъ Самодержавію не противорѣчитъ; никто поэтому не сталъ бы требовать конституціонныхъ заявленій отъ Витте. Но либерализму объ этомъ щекотливомъ вопросѣ полагалось молчать; ставить его могли господа вродѣ Грингмута для провокаціи. А Витте о немъ *не* молчалъ. Несмотря на близость къ либерализму онъ заявлялъ себя убѣжденнымъ сторонникомъ Самодержавія. Болѣе того: онъ выступилъ его агрессивнымъ защитникомъ и въ знаменитой запискѣ о Сѣверо-Западномъ земствѣ *во* имя *Самодержавія* отрицалъ наше *земство*. Эта позиція съ его стороны была такъ противна всему, чего можно было ждать отъ человѣка либеральнаго образа мыслей, что репутація Витте въ либеральномъ лагерѣ была этимъ подорвана. Этого мало; никто даже въ искренность его не повѣрилъ и записка явилась образчикомъ безпринципнаго коварства и двоедушія.

Сенсаціонность этой записки, излагавшей политическое credo Витте, превзошла эффектъ всякихъ революціонныхъ изданій. Она распространялась въ безчисленныхъ копіяхъ и была перепечатана «Освобожденіемъ». Современныхъ читателей могло въ ней прельщать и то, что она открыто трактовала о такомъ вопросѣ, какъ конституція для Россіи, о чемъ въ то время запрещалось и думать. Но значеніе ея было не въ этомъ. Записку и сейчасъ можно прочитать съ неослабѣвающимъ интересомъ. Въ ней много правды, которую раньше обѣ стороны старались скрывать. Эту правду Витте разоблачалъ безъ стѣсненій, ходилъ всѣмъ по ногамъ.

Не знаю впечатлѣнія, которое разсужденія Витте произвели въ правомъ лагерѣ; вѣдь оффиціальную политику власти онъ въ своей запискѣ судилъ тоже безъ снисхожденія. Но помню недоумѣніе въ лѣвомъ общественномъ лагерѣ. Витте показался измѣнникомъ, который ради карьеры скрылъ или предалъ свои либеральныя убѣжденія. Иные стали искать болѣе хитроумныхъ объясненій. Въ разговорѣ съ Д. Н. Шиповымъ В. К. Плеве изложилъ оффиціальное пониманіе этой записки: «она была-де направлена не противъ земства, а противъ Горемыкина; ни одинъ министръ больше Витте не убѣжденъ въ необходимости общественной самодѣятельности». Для Д. Н. Шипова это объясненіе показалось неубѣдительнымъ. Онъ не безъ простодушія разсказалъ, что, прочтя записку два раза, пришелъ къ двумъ выводамъ, совершенно обратнымъ; подумалъ сначала, что записка направлена противъ земства; прочтя второй разъ, убѣдился, что главной цѣлью ея было доказать необходимость конституціи для Россіи и, что только изъ-за осторожности Витте не рѣшился сказать это прямо *).

Психологически такія сужденія были естественны; но оригинальность самого Витте въ томъ, что въ запискѣ онъ былъ только искрененъ и говорилъ то, что дѣйствительно думалъ. Этимъ онъ расходился какъ съ оффиціальнымъ міромъ, такъ и съ либеральной общественностью.

Плеве былъ правъ, что Витте горячій сторонникъ свободы и общественной самодѣятельности. Это онъ не только доказалъ практикой *своего* министерства; въ запискѣ онъ *это* начало горячо защищалъ и *теоретически*. Онъ съ горечью клеймилъ власть, которая борется съ обществомъ, *боится* его вмѣсто того, чтобы привлекать лучшія силы его на служеніе государству. Власть, по мнѣнію Витте, должна какъ можно меньше посягать на свободу общественной дѣятельности. Чѣмъ власть сильнѣе, тѣмъ *больше* свободы

*) Шиповъ — Воспоминанія и Думы, стр. 128-129.

она можетъ дозволить; а такъ какъ Самодержавная Власть самая сильная власть, то именно она наиболѣе полно должна обезпечить свободу — таково было убѣжденіе Витте.

Признаніе необходимости «свободы» для общества не мѣшало Витте заявлять себя противникомъ *земства.* Это кажется противорѣчіемъ. Но для Витте это было очень понятно. Идея земскихъ учрежденій совсѣмъ не въ «свободѣ». Земство проявленіе *иного начала.* Оно не свободная, а обязательная, принудительная организація; у земства государственныя права и обязанности. Оно выросло не изъ принципа свободы, а изъ принципа «народоправства»; а *этотъ* принципъ дѣйствительно съ Самодержавіемъ несовмѣстимъ. Поэтому въ самодержавномъ государствѣ земство существуетъ какъ инородное тѣло; между Самодержавіемъ и имъ фатально происходитъ борьба. Земство, какъ представитель народовластія, естественно старается свою компетенцію расширить и къ верху и къ низу и добивается «конституціи». А Самодержавіе, поскольку въ этомъ оно уступать не желаетъ, съ такимъ стремленіемъ *борется.* Надо быть въ политикѣ послѣдовательнымъ и честнымъ. Если Самодержавіе хочетъ конституціи, пусть оно *къ ней* ведетъ черезъ земство и помогаетъ земству расширяться и укрѣпляться въ странѣ; если же оно конституціи не желаетъ, пусть не провоцируетъ страну земствомъ. Какъ очень цѣльный и логическій умъ, Витте до болѣзненности былъ чувствителенъ къ непослѣдовательности; она такъ глубоко его задѣвала, что казалась неискренностью. Въ самыя трагическія минуты нашей исторіи (знаменитый докладъ 17-го октября 905 г.) онъ настаивалъ именно *на ней* для государственной власти. Только это онъ говорилъ и въ запискѣ о земствѣ: «будьте честными—въ общихъ чертахъ писалъ онъ; хотите конституціи, покровительствуйте земству; хотите сохранить Самодержавіе, не лукавьте и не вводите земства только затѣмъ, чтобы на него же обрушиться. Земство вовсе *не необходимо* для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ;

мѣстное управленіе *можно* поставить совершенно иначе и нисколько не хуже. И единеніе власти и общества *можно* удовлетворить по другому. Источникъ популярности земства въ Россіи въ томъ, что оно осуществляетъ начало народоправства, является зародышемъ, изъ котораго выраститъ конституція. Если власть *этого* хочетъ, пусть выращиваетъ этотъ зародышъ. У насъ поступаютъ не такъ: построивъ земство на этомъ началѣ, государство съ его развитіемъ борется. Отсюда вѣчный антагонизмъ администраціи и земства; вмѣсто сотрудничества подвохъ ихъ другъ подъ друга, развращающій и власть и общество, нездоровая атмосфера, при которой общественная дѣятельность уважается только, если она направлена противъ правительства, а въ заслугу мѣстной администраціи вмѣняется наибольшая придирчивость къ тому же самому земству.

Едва ли теперь это нужно оспаривать. Либеральное общество дѣйствительно цѣнило земство не столько за результаты его работъ на благо мѣстнаго населенія, сколько за практическую *конституціонную* школу. Только *тогда* раскрывать этого секрета было нельзя; свои конституціонныя надежды общество принуждено было замалчивать и проповѣдывать совмѣстимость земства съ Самодержавіемъ. Витте поступилъ противъ традиціи, грубо разрушивъ эту иллюзію. Онъ сдѣлалъ то, что у насъ очень поспѣшно называлось «доносомъ», сыгравъ на руку противникамъ великихъ реформъ. Это было такъ непохоже на Витте, что если одни въ этой запискѣ увидѣли подвохъ подъ Горемыкина, то другіе, какъ Шиповъ, предпочли усмотрѣть подвохъ подъ Самодержавіе.

Либеральная общественность иначе смотрѣть не умѣла. У нея были кумиры, которымъ она ни при какихъ условіяхъ не измѣняла; они были для нея дорогими символами, были легальными воплощеніями «народоправства». Къ такимъ кумирамъ принадлежали судъ присяжныхъ и земство; мы не могли представить себѣ либеральнаго дѣя-

теля, который рѣшился бы отрицать судъ присяжныхъ или осуждать принципъ земской реформы. И такъ какъ русское общество не могло считать Витте простымъ обскурантомъ, оно естественно обвинило его въ двоедушіи.

А между тѣмъ въ этомъ вопросѣ было не двоедушіе, а только разномысліе Витте съ либеральной общественностью. Для общественности будущность Россіи была связана съ земствомъ, а не съ Самодержавіемъ. Общественность старалась развивать и расширять земскую дѣятельность, считая полезнымъ, что эта работа подрываетъ Самодержавіе. Поставленную альтернативу она рѣшила въ пользу земства. Витте въ отличіе отъ нея былъ преданъ Самодержавію и считалъ вреднымъ все, что его дискредитировало и ослабляло. Въ этомъ пристрастіи либеральнаго и свободолюбиваго Витте къ Самодержавію состоитъ интересная и даже загадочная черта его политической физіономіи. И едва ли можно объяснить ее какимъ-либо *однимъ* доводомъ.

На первомъ планѣ въ этомъ сказалось основное свойство Виттевскаго склада ума — его практицизмъ, свобода отъ предвзятыхъ теорій; на все онъ смотрѣлъ глазами «реализатора». Если бы не опасеніе слишкомъ упрощенныхъ объясненій, я бы сказалъ, что въ этомъ сказывалась его профессія—желѣзнодорожника. Въ своей работѣ онъ привыкъ принимать обстановку такъ, какъ она сложилась внѣ его воли. Дорогу можно построить и черезъ болото и черезъ скалы; нужно только знать, скала ли передъ нами или болото, и не пытаться ихъ передѣлывать. Пока *существуетъ* Самодержавіе, нерасчетливо съ нимъ бороться, тратить силы и время на эту борьбу. Преимущество Самодержавія въ томъ, что оно уже реальность; надо къ нему приспособиться и всѣ его хорошія стороны использовать. Витте былъ исключительнымъ мастеромъ примѣняться къ «обстановкѣ», находить при всякихъ условіяхъ лучшіе пути для осуществленія цѣли. Нехитро было понимать, что для успѣха внѣшней торговли Россіи надо ввести золотую валюту. Бунге

понималъ это не хуже, чѣмъ Витте. Но надо было умѣть это практически сдѣлать, преодолѣть сопротивленіе среды. Виртуозность Витте была именно въ этомъ. Передовыя идеи Витте не отталкивали; но онъ оцѣнивалъ ихъ въ формѣ конкретныхъ мѣръ, спрашивая, какъ легче ихъ провести и что изъ нихъ выйдетъ на практикѣ? Цѣлая пропасть лежала въ этомъ отношеніи между нимъ и нашей общественностью, которая привыкла «излагать» теоріи и въ нихъ свято вѣрить. Витте судилъ о годности принциповъ по ихъ результатамъ, а не расцѣнивалъ жизнь по ея соотвѣтствію принципамъ. Декларацiи, которыми наша общественность разрѣшала всѣ затрудненія, въ которыхъ она видѣла «смѣлость» и «глубину», вызывали въ немъ ту досаду, съ которой практическій работникъ слушаетъ критику и совѣты безотвѣтственныхъ наблюдателей. Этотъ складъ ума Витте поразилъ меня при нашемъ первомъ знакомствѣ, во время II-ой Государственной Думы, въ домѣ графа Гудовича. Мы перебрали тогда съ нимъ много вопросовъ, о смертной казни, о крестьянскихъ законахъ, о положеніи національностей и т. д. Витте почти ни въ чемъ съ к.-д. партіей не соглашался; но его критика была непохожа на то, съ чѣмъ въ этихъ вопросахъ намъ до тѣхъ поръ приходилось бороться и справа и слѣва. Вспоминая это я невольно думаю, что Витте и либеральная общественность могли бы очень хорошо *дополнить* другъ друга.

Но предпочтительное отношеніе Витте къ Самодержавію нельзя объяснять только тѣмъ, что въ Россіи Самодержавіе было положительнымъ фактомъ, а конституція теоретическимъ идеаломъ. Витте, — и этимъ онъ отличался отъ либерализма — всерьезъ предпочиталъ Самодержавіе конституціонному строю. Въ своей запискѣ онъ сочувственно цитируетъ слова Побѣдоносцева, что «конституція есть великая ложь нашего времени». Въ преданности Самодержавію онъ былъ не одинокъ; многочисленныя группы нашихъ общественныхъ верховъ тоже держались за Самодержавіе,

какъ за свое достояніе. Но отношеніе Витте къ Самодержавію было инымъ, чѣмъ у этихъ людей, какъ и самъ онъ былъ другимъ человѣкомъ. Витте былъ человѣкомъ *новой* Россіи, хотя во многомъ на нее не похожимъ. Въ то время какъ большинство сторонниковъ Самодержавія видѣло въ немъ главную защиту существовавшаго строя и держалось за Самодержавіе, какъ за оплотъ *противъ* реформъ, Витте въ Самодержавіи видѣлъ лучшее орудіе для безпрепятственнаго и полнаго проведенія именно *этихъ* реформъ.

Это могло тогда удивлять и даже казаться неискреннимъ. Но когда въ наше время самыя демократическія конституціи безсиліе свое показали и когда появились современныя диктатуры, только чтобы сдѣлать широкія реформы возможными, такое міровоззрѣніе воспринимается проще.

Да и по личнымъ свойствамъ своимъ Витте принадлежалъ къ типу людей, которымъ ненужно парламентовъ, чтобы проявлять свою силу. Есть люди, которыхъ вдохновляютъ публичные споры и которые правду ищутъ въ постановленіяхъ *большинства.* Такимъ людямъ для нихъ самихъ нужна арена для споровъ, а для формулированія своего убѣжденія нужны постановленія коллективовъ; на вопросъ, что нужно Россіи, они допытываются отвѣта въ изъявленіяхъ ея *воли.* Въ такомъ преклоненіи передъ народоправствомъ есть свои удобныя стороны. Съ ними жить очень просто. С. А. Муромцевъ когда-то формулировалъ мнѣ принципы демократическаго міровоззрѣнія: защищать свое мнѣніе съ яростью, пока не состоялось рѣшенія, а потомъ повиноваться безпрекословно. По такимъ принципамъ вырабатывается демократическая дисциплина, при которой индивидуальныя убѣжденія обезличиваются въ анонимныхъ коллективахъ. Въ условіяхъ подобной политической жизни создаются соотвѣтственные типы общественныхъ дѣятелей, которыхъ болѣе интересуетъ *процедура,* чѣмъ *результаты* работы. Въ публичной защитѣ своихъ взглядовъ они видятъ raison d'être своей жизни, сущность своей дѣятельности и

источникъ популярности въ обществѣ. Въ государственной жизни начинаютъ тогда торжествовать «ораторы» и «публицисты», которые охотно требуютъ того, что завѣдомо для нихъ невозможно, и создаютъ иллюзію, въ которую начинаютъ вѣрить и сами, будто только реакція помѣшала имъ дать странѣ нужное благо. Личной отвѣтственности на нихъ не лежитъ никакой.

Витте былъ изъ другого матеріала и тѣста. Онъ былъ сильной индивидуальностью, убѣжденія которой складываются въ ея головѣ, а не по постановленіямъ большинства. Онъ самъ зналъ, *что* нужно Россіи и вѣрилъ *себѣ*. Его не увлекалъ политическій спортъ, который развивается при конституціонномъ порядкѣ; не интересовало впечатлѣніе, которе онъ производитъ на публику, ни газетные отзывы, въ которыхъ современные политическіе дѣятели ищутъ оцѣнки себѣ. Занималъ его одинъ *результатъ*, возможность хотя бы за кулисами, безъ газетнаго шума, провести въ *жизнь* то, что онъ считалъ полезнымъ Россіи. Онъ любилъ *достигать*, а не *парадировать* передъ публикой. И онъ предпочиталъ порядокъ, при которомъ конкретныхъ результатовъ казалось всего легче достигнуть, хотя бы съ наименьшимъ личнымъ успѣхомъ. Такимъ порядкомъ онъ считалъ Самодержавіе по тѣмъ основаніямъ, которыя излагаются въ элементарныхъ учебникахъ права. «Самодержецъ выше партій и классовъ; у него нѣтъ соблазна противополагать себя государству; его личное благо и счастье есть всегда благо и счастье страны. Если Самодержецъ ошибается, у него нѣтъ побужденія на ошибкѣ настаивать. Отвѣтственность, которую онъ ни на кого не можетъ сложить, побудитъ его не закрывать глазъ на указанія опыта и не затыкать ушей къ представленіямъ умныхъ совѣтчиковъ». Такъ думалъ Витте. Конечно, убѣждать и иногда переубѣждать Самодержавнаго Государя задача не легкая; но она не труднѣе, чѣмъ убѣждать «общество». При конституціяхъ, гдѣ общество *управляетъ*, политическимъ дѣятелямъ, которые хотятъ проводить *свои*

взгляды, а не послушно подчиняться массѣ, приходится продѣлывать *это же* съ своимъ властителемъ-обществомъ; создавать *въ немъ* нужныя настроенія, проводить кампаніи прессы, зависѣть отъ выборовъ и для этого находить подходящія для уровня и развитія страны аргументы. Это не легкое дѣло. И ему угрожаетъ опасность: вмѣсто того, чтобы учить и воспитывать общество, являются люди, которые ему льстятъ и этой лестью преуспѣваютъ. Въ свободныхъ режимахъ угодничество еще опаснѣе, чѣмъ въ абсолютныхъ монархіяхъ. Общественное мнѣніе часто во власти невѣжества, страстей, выгодъ и интересовъ; его воспитаніе идетъ труднѣе и медленнѣе; его ошибки должны быть очень видны, чтобы оно ихъ сознало. Витте любилъ указывать на реформы, которыя могло сдѣлать только Самодержавіе. Въ своихъ мемуарахъ онъ не безъ удовольствія передаетъ, будто присланный Феликсомъ Форомъ французъ Монтебелло, дальній родственникъ послу, изучивъ постановку винной монополіи, которой Витте очень гордился, нашелъ, что эта реформа, несмотря на всю свою очевидную пользу, не могла бы быть во Франціи сдѣлана; власть кабатчиковъ надъ общественнымъ мнѣніемъ тамъ слишкомъ сильна.

Но предпочтеніе Самодержавія конституціи не мѣшало ему понимать, что Самодержавіе все же не вѣчно, что конституціонный строй его непремѣнно когда-нибудь смѣнитъ, какъ это онъ сказалъ Шипову въ противовѣсъ славянофильскимъ взглядамъ послѣдняго. Конституціонный строй придетъ и въ Россіи какъ повсюду, но не потому, что онъ лучше. Нельзя говорить про строй, что онъ лучше самъ по себѣ. Онъ только лучше подходитъ къ состоянію и настроенію общества. По мѣрѣ того, какъ общество богатѣетъ, привыкаетъ къ самостоятельной дѣятельности, привычка къ повиновенію въ немъ исчезаетъ. Оно начинаетъ не только желать власти, но пріобрѣтаетъ и способность къ ней; конституціи требуетъ тогда весь укладъ привыкшаго къ свободѣ и общественной дисциплинѣ народа. Къ этому постепенно

пришли всѣ государства, когда-нибудь придетъ и Россія. Это естественный процессъ жизни. Его нельзя остановить, но безсмысленно его стараться ускорить; все придетъ въ свое время. Витте не могъ понять, зачѣмъ русское общество *сейчасъ* вступаетъ въ трудную борьбу съ Самодержавіемъ, почему оно стремится *ускорить* естественный процессъ его отмиранія, вмѣсто того, чтобы использовать Самодержавіе для осуществленія предпосылокъ, безъ которыхъ конституція Россіи пользы не принесетъ. Россія къ конституціонному строю пока не готова, здоровымъ инстинктомъ сама это чувствуетъ и конституціи *не* добивается. Желаетъ конституціи не народъ, а только малочисленный классъ, который быть можетъ одинъ ее понимаетъ, т. е. интеллигенція. А это совсѣмъ не Россія. Къ интеллигенціи Витте относился съ уваженіемъ; цѣнилъ не только ея знанія, но и стремленіе безкорыстно работать на пользу страны. Но онъ считалъ, что власть должна интеллигенціей только *пользоваться* какъ спецами, по современному выраженію. Никто болѣе Витте не пристраивалъ культурныхъ, хотя бы политически неблагонадежныхъ людей къ государственному дѣлу. Ученые, которымъ не давало ходу Министерство Народнаго Просвѣщенія, находили пріютъ въ его Министерствѣ. Витте цѣнилъ гласность, критику, прессу, дебаты въ ученыхъ обществахъ— всякую работу мысли, спеціальность интеллигенціи. Отъ общенія съ ней разумная власть можетъ многому научиться. Но власть должна у нея *учиться*, а не ей *подчиняться*. Онъ не находилъ въ интеллигенціи тѣхъ свойствъ, которыя сдѣлали бы ее готовой для управленія государственнымъ дѣломъ. Качества, которыя составляютъ обаяніе интеллигенціи, повернутся противъ нея, если она станетъ властью, угрожаютъ ошибками, заплатить за которыя пришлось бы Россіи. Витте отказывался видѣть въ интеллигенціи подлинныхъ представителей Россіи и даже выразителей ея воли. Россія на нихъ совсѣмъ непохожа. Но что хуже — страна *за ними* пойдетъ. Противъ демагогіи страна беззащитна; она не су-

мѣетъ устоять противъ громкихъ фразъ и легкомысленныхъ обѣщаній. Въ самомъ интеллигентскомъ слоѣ особенный успѣхъ будутъ имѣть люди не жизни и опыта, а пера или слова. Къ этой категоріи дѣятелей Витте относился съ большимъ скептицизмомъ; онъ самъ не былъ краснорѣчивъ, не умѣлъ говорить «фразъ» и имъ не поддавался. Онъ возмущался при мысли, что полемическое искусство и краснорѣчіе будутъ сходить за государственный умъ. Задача политика не критиковать, а строить изъ того матеріала, который имѣется. Этого интеллигенція и не пробовала; она знаетъ только себя и судитъ о странѣ по себѣ. По этимъ причинамъ строй Россіи долженъ быть пока построенъ на принципѣ либеральнаго управленія сверху, а не народоправства. Наше правительство пока выше нашего общества и просвѣщенный абсолютизмъ — лучшій порядокъ для насъ.

Указанія на неподготовленность народа обычно встрѣчаются однимъ возраженіемъ. Страна всегда окажется не готовой, если ее не готовить. Такъ и у насъ; лучшее средство готовиться къ конституціи — школа земской работы, т. е. мѣстное самоуправленіе; а Витте отрицалъ наше земство. Это могло показаться непослѣдовательнымъ, но въ этомъ отрицаніи не только оригинальность, но глубина взглядовъ Витте. Земство, говорилъ онъ, необходимая и превосходная школа въ странѣ, гдѣ власть построена на принципѣ *народовластія*.. Гдѣ *есть* конституція, тамъ должно быть и *мѣстное самоуправленіе*, какъ естественное ея добавленіе и лучшая къ ней подготовка. Но земство *при отсутствіи* конституціи, земство при Самодержавіи и для борьбы съ Самодержавіемъ есть аномалія, которая не воспитываетъ, а развращаетъ. При такихъ условіяхъ въ земствѣ главнымъ образомъ привлекаетъ политическая сторона — борьба за конституцію. Но это привлекательно не для многихъ. Настоящую земскую работу или выносятъ на своихъ плечахъ идеалисты, или къ ней примазываются дѣльцы,

которые ищутъ въ ней личной выгоды. Отсюда равнодушіе *средняго обывателя* къ земству, абсентеизмъ. Земство въ нашихъ условіяхъ плохая школа и для общества и для администраціи; она создаетъ нездоровую атмосферу общественной жизни. Общество надо готовить къ самоуправленію совершенно *иначе,* а не игрой въ народной суверенитетъ.

Здѣсь положительная часть программы Витте. Всѣмъ людямъ, говорилъ онъ, свойственна забота о личномъ ихъ благѣ; имъ и надо дать свободу добиваться этого блага личными или объединенными силами. Не надо соблазнять страны призракомъ народоправства; надо бросить ей старый классическій кличъ: обогащайтесь, который всѣмъ понятенъ и на который откликнутся всѣ. На поприщѣ *такой* дѣятельности воспитается и личность и цѣлое общество: всѣ поймутъ блага не только свободы, но и порядка, научатся разсчитывать на себя и сознавать свои силы. Въ этомъ основная задача разумной власти. Надо, чтобы русскіе люди и общество въ борьбѣ за свои интересы привыкли надѣяться на себя, перестали воображать, что о нихъ кто-то долженъ заботиться. Безъ такой психологіи не можетъ быть конституціи. Помню характерный разсказъ Витте объ Америкѣ (разсказъ вовсе не точенъ, но онъ тѣмъ характернѣе). Витте увѣрялъ, будто въ Америкѣ автомобилистъ будетъ наказанъ, если задавитъ не только ребенка или калѣку, но даже корову. Но если онъ задавитъ взрослаго и здороваго человѣка, ему этого въ вину не поставятъ: «пусть не ротозѣйничаетъ». Витте отзывался о такой психологіи съ большой похвалой; только при ней есть база для здороваго народоправства. Ее можно выработать суровой школой «борьбы за существованіе», за свой личный успѣхъ, а не политической игрой въ суррогаты парламента. Пускай отдѣльныя лица и коллективы учатся управлять своими дѣлами безъ указокъ, совѣта и контроля начальства; пускай привыкаютъ провѣрять своихъ выборныхъ; вотъ школа, которую надо пройти. «Кооперація» гораздо полезнѣе земства. Страна до

этой школы созрѣла и требуетъ только ея. Самодержавіе сначала должно дать ей *это*. Задача власти въ Россіи не въ томъ, чтобы строить новый порядокъ по вкусамъ интеллигентскаго меньшинства, а въ томъ, чтобы воспитывать страну на доступныхъ ей и для нея понятныхъ началахъ, втравлять ее въ активную борьбу за личныя блага и отметать тѣ преграды, которыя на этой дорогѣ лежатъ въ Россіи въ такомъ ужасающемъ изобиліи.

Вотъ та своеобразная позиція Витте, которая дѣлала его подозрительнымъ для обоихъ лагерей русскаго государства. Поклонники историческаго Самодержавія считали его чуть не измѣнникомъ, заподозривали въ желаніи низвергнуть Монархію и стать Президентомъ Россійской Республики; съ ихъ стороны эта злоба естественна. Витте былъ, конечно, не съ ними. Но и то либеральное общество, которое могло бы считать его *своимъ* человѣкомъ, въ его преданности Самодержавію и критическомъ отношеніи къ общественной зрѣлости видѣло если не измѣну, то какой-то маневръ. Позиція Витте казалась такъ парадоксальна, что въ немъ предпочитали видѣть хитраго человѣка, который свои взгляды скрываетъ, боясь, что эти взгляды ему повредятъ; никто не понималъ, гдѣ его настоящее мѣсто. И этому сужденію нельзя удивляться. Что такой трезвый, умный и наблюдательный человѣкъ, какъ Витте, могъ въ 90-хъ годахъ лелѣять мечту о «либеральномъ Самодержавіи», о повтореніи 60-хъ годовъ, представлялось настолько парадоксальнымъ, что этому было трудно повѣрить. А между тѣмъ, вспоминая Витте, я не сомнѣваюсь, что эту надежду онъ сохранилъ и до самой смерти своей. И мы не поймемъ этой загадки, не допустивъ, что реалисту и практику Витте не была чужда ирраціональная, эмоціональная сторона человѣческой жизни и что онъ ей отдалъ дань въ этомъ вопросѣ.

Какъ это ни кажется странно, въ этомъ серьезномъ, вѣчно занятомъ, преданномъ то желѣзнодорожному, то государственному дѣлу человѣкѣ, которому по самой его про-

фессіи должна была бы быть чужда чувствительность—былъ неистраченный запасъ «сантиментальности».

Тѣ, кто знали Витте, были освѣдомлены объ его пристрастіи къ внуку, притомъ не родному, которое было бы смѣшно, если бы не было трогательно. Я видалъ самъ его долговязую фигуру бѣгающей съ озабоченнымъ видомъ по игрушечнымъ лавкамъ Виши, чтобы потомъ порадоваться довольной улыбкѣ на дѣтскомъ лицѣ. Но привязанность къ членамъ своей семьи, обожаніе ихъ еще не характерно. Исторія знаетъ, что эти черты встрѣчались въ людяхъ, которые оказывались недоступны какому бы то ни было доброму чувству. Витте былъ не таковъ. Онъ вообще умѣлъ привязываться къ людямъ и своимъ привязанностямъ не измѣнять. Онъ много разъ это доказывалъ въ жизни. И я не могу отдѣлаться отъ убѣжденія, что его пристрастіе къ Самодержавію и Самодержцу имѣло въ основѣ такой же сантиментальный элементъ. Было ли это, какъ онъ говорилъ въ мемуарахъ, его семейной традиціей, унаслѣдованной отъ временъ, когда Самодержецъ казался олицетвореніемъ силы, славы, всего государственнаго начала въ Россіи, когда отъ встрѣчи съ нимъ особенно бились сердца, о чемъ такъ поэтично много разъ разсказывала наша художественная, вовсе не тенденціозная литература? Этого я рѣшать не берусь. Мое поколѣніе было уже свободно отъ подобнаго культа монархіи. Монархисты моего времени признавали пользу Монархіи, какъ невѣрующіе люди могутъ признавать пользу религіи. Монархизмъ держался на разумѣ, на политическихъ доводахъ. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ монархисты ненавидѣли Самодержавіе, какъ въ 1917 г. они же безъ борьбы и безъ надобности упразднили Монархію. Въ своемъ отношеніи къ Монарху Витте былъ не таковъ. Не Монархія вообще, а именно русское «Самодержавіе» было для него историческимъ знаменемъ, обаяніе котораго онъ въ себѣ ощущалъ; но у Витте это традиціонное чувство стараго поколѣнія обострилось еще и другимъ. Витте столкнулся съ Само-

державіемъ въ такой исключительной обстановкѣ, при которой нѣкоторыя впечатлѣнія не забываются, а продолжаютъ владѣть человѣкомъ вопреки доводамъ разума.

Витте не готовилъ себя къ государственной службѣ. Онъ былъ начальникомъ частной желѣзной дороги и на «чиновниковъ» смотрѣлъ критическими глазами дѣльца. Направленію тогдашней политики онъ не сочувствовалъ; курсъ Александра III уже сложился. Александръ III сталъ представителемъ реакціи противъ дорогихъ Витте шестидесятыхъ годовъ, подчинился идеямъ Каткова и Побѣдоносцева. Направленіе новаго Самодержца сказалось и въ государственной практикѣ; уже былъ введенъ новый университетскій уставъ, Положеніе о земскихъ начальникахъ и т. д. Государственная власть раздавила и революцію, и либерализмъ; а широкое общественное мнѣніе, какъ это бываетъ, отвернулось отъ побѣжденныхъ. Витте былъ бы удивленъ, если бы въ это время ему предсказали роль, которую онъ будетъ играть при этомъ Государѣ. Началась эта роль характерно. Витте, какъ начальникъ дороги, отказался вести царскій поѣздъ съ той быстротой, которой требовало Министерство Путей Сообщенія. Онъ находилъ такую скорость опасной; Александръ III услышалъ его споръ съ Министромъ — Посьетомъ и вмѣшался. «Почему только на вашей жидовской дорогѣ это опасно? Мы вездѣ ѣздили такъ», и отошелъ, отвѣта не слушая. Витте продолжалъ препираться съ Министромъ и сказалъ фразу, которую услыхалъ Императоръ: «я несогласенъ сломать голову своему Государю». Отвѣтъ не понравился; Александръ III показалъ неудовольствіе, отказавшись проститься съ Витте, при переходѣ поѣзда на другую дорогу.

Для служебной карьеры это было плохое начало; но черезъ два мѣсяца произошла Боркская катастрофа. Государь вспомнилъ объ упрямомъ желѣзнодорожникѣ и лично потребовалъ его участія въ слѣдственной комиссіи о катастрофѣ. А потомъ такъ же лично поручилъ привлечь его къ государственной службѣ на посту Директора Департамента желѣз-

нодорожныхъ дѣлъ при Министерствѣ Финансовъ. Витте не хотѣлъ отказываться отъ частной службы, которая шла успѣшно и превосходно оплачивалась. Государь предложилъ удвоить окладъ директорскаго содержанія изъ своихъ личныхъ средствъ. Витте пришлось подчиниться. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. У него былъ чинъ отставного титулярнаго совѣтника, безъ единаго ордена. Ему дали дѣйствительнаго статскаго внѣ всякой очереди. Такъ начиналъ онъ службу вопреки протоколу, по личному выбору и желанію Государя.

Этимъ дѣло не кончилось. Карьера Витте превзошла ожиданія. Назначенный директоромъ департамента, черезъ годъ онъ становится Министромъ Путей Сообщенія; еще черезъ годъ Министромъ Финансовъ. Все это опять не по протекціи, не по поддержкѣ чиновничьяго міра, а по личному желанію Государя. И чтобы сдѣлать эту карьеру, Витте не приходилось служить той реакціи, которая тогда въ оффиціальномъ мірѣ господствовала. Онъ могъ не лукавить и не угодничать; онъ служилъ Россіи по *своему*.

Такія впечатлѣнія безнаказанно не проходятъ. Витте оказался дѣтищемъ Самодержавія. Оно его отмѣтило, вознесло и дало ему возможность работать на пользу Россіи. Мудрено ли, что онъ привязался къ порядку, который его создалъ? Трезвый умъ Витте старался дать этому пристрастію логическое оправданіе. Онъ не могъ приписывать своей чудесной карьеры исключительной проницательности, государственнымъ дарованіямъ оцѣнившаго его Самодержца. Витте себѣ иллюзій не дѣлалъ. При всемъ преклоненіи передъ Александромъ III, онъ его не идеализировалъ; онъ считалъ его по уму и образованію человѣкомъ не выше средняго уровня, много ниже Николая II. Александръ III только однимъ обладалъ въ изобиліи — правдивостью, честностью, высокимъ пониманіемъ своего царскаго долга и вотъ этихъ свойствъ на посту Самодержца оказалось достаточно. По теоріи Самодержавія эти свойства должны быть присущи

всякому Самодержавцу, въ силу его положенія, независимо отъ его личныхъ качествъ. Витте на опытѣ убѣдился, что Самодержецъ, благодаря своей высотѣ въ государствѣ, могъ дѣйствительно видѣть вопросы такъ ясно и судить о нихъ такъ безпристрастно, какъ не могли бы обыкновенные люди. Теоретическія разсужденія о преимуществахъ Самодержавія Витте провѣрилъ на практикѣ и въ лицѣ Александра III встрѣтился съ ихъ живой иллюстраціей. И этотъ примѣръ Александра III надолго, если не навсегда, загипнотизировалъ трезваго Витте. Когда ему указывали на возможность пристрастія, предвзятости, упрямства Монарха, онъ изъ своей работы съ Александромъ III черпалъ убѣдительныя для себя возраженія. Развѣ Александръ III, начавъ съ подчиненія Побѣдоносцеву и Каткову, не сталъ поддерживать ту политику Витте, которая сама по себѣ разрушала реакціонныя начинанія восьмидесятыхъ годовъ? Витте былъ убѣжденъ, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ III разобрался бы въ безплодности совѣтовъ Побѣдоносцева, усвоилъ бы необходимость *новаго* курса и что если бы онъ жилъ дольше, Россія увидала бы новое либеральное царствованіе и новую либеральную политику. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ III Витте былъ неистощимъ въ примѣрахъ того, какъ можно было убѣждать и разубѣждать Александра III. Онъ спросилъ однажды Витте, правда ли, что онъ юдофилъ? Вопросъ опасный, ибо юдофобство было одной изъ врожденныхъ чертъ Александра. Витте не сталъ запираться. «Не знаю, отвѣтилъ онъ, можно ли меня назвать юдофиломъ. Но я *такъ* смотрю на еврейскій вопросъ. У васъ есть два пути: прикажите мнѣ уничтожить всѣхъ евреевъ въ Россіи, потопить ихъ въ Черномъ морѣ. Я это исполню, и ручаюсь, что мнѣ это удастся. Европа пошумитъ и примирится. Но, если вы почему либо предпочитаете, чтобы они въ Россіи продолжали жить, нѣтъ другого пути, какъ дать имъ жить на тѣхъ же правахъ, какъ у остальныхъ вашихъ подданныхъ». Александръ III такого отвѣта не ожидалъ и задумался: «Вы можетъ быть правы».

Витте говорилъ, что когда въ Александрѣ III зародится сомнѣніе, онъ не успокоится, пока не найдетъ рѣшенія, которое ему покажется правильнымъ. И тогда осуществитъ его безъ колебанія. И Витте былъ убѣжденъ, что Александръ III рѣшилъ бы еврейскій вопросъ, если бы ему было отпущено достаточно жизни.

Недостаточность такихъ аргументовъ для строгаго, логическаго ума Витте была такъ очевидна, что ихъ убѣдительности для него я не могу объяснить иначе, какъ наличностью въ его отношеніи къ Самодержавію ирраціональнаго элемента. Этотъ элементъ оказался сильнѣе разсудка. Я сошлюсь на него самого; онъ это и самъ сознавалъ. Разъ въ Виши, уже въ эпоху Столыпина, мы съ Витте спорили о Самодержавіи. Въ это время была конституція, съ которой онъ связалъ свое имя. Поведеніе Самодержца относительно Витте, когда именемъ Самодержца, его личнымъ приказомъ было покрыто покушеніе Казанцева на жизнь Витте и поощрялась злостная клевета, будто это покушеніе бутафорія, которую онъ самъ подстроилъ себѣ, должно было оставить въ Витте горькій осадокъ. И все же со страстью онъ Самодержавіе защищалъ и не какъ экстраординарную необходимость, а какъ нормальный порядокъ. Истощивъ возраженія, онъ воскликнулъ: «знаете, бываютъ распутницы, которыхъ все-таки любятъ; такъ я *люблю* Самодержавіе». На такой плоскости спорить дальше было уже безполезно. Но я помню, какъ, облегчивъ себѣ душу этимъ признаніемъ, онъ перешелъ въ наступленіе и съ горячностью сталъ доказывать, что наша «любимая» конституція, если страна къ ней не готова, оказывается хуже Самодержавія. Онъ рѣзко обрушивался на то, что изъ нашей конституціи вышло. Онъ все и всѣхъ осуждалъ, всѣ Государственныя Думы. Первую — за то, что она упустила исключительный моментъ быть полезной, послѣднія за то, что онѣ интересовъ страны не защищали. Конституціонная жизнь Россіи для Витте была яркимъ образчикомъ того, что получается изъ конституціи

въ странѣ для нея не созрѣвшей, гдѣ хочетъ ея одно меньшинство. «Чѣмъ депутаты, спрашивалъ онъ, оказались лучше тѣхъ старыхъ чиновниковъ, которыхъ вы часто осуждали за то, что они думаютъ о себѣ, а не о странѣ? И Дума воодушевляется только тогда, когда рѣчь заходитъ о *ея* правахъ, о *ея* привилегіяхъ. Тогда вы въ полномъ сборѣ, лѣзете на стѣну, горячитесь, а когда дѣло идетъ объ насущныхъ интересахъ страны, вы равнодушны. Потому-то Столыпинъ можетъ водить васъ за носъ; онъ васъ тѣшитъ игрушками, которыя вамъ такъ нравятся, даетъ вамъ волю болтать, что только хочется, вмѣшиваться во внѣшнюю политику, въ военныя дѣла, которыя изъяты изъ вашего вѣдѣнія, задерживать годами нужные законопроекты, оставлять страну безъ бюджета къ законному сроку. А *за это* довольное думское большинство безпрепятственно позволяетъ ему въ Россіи проявлять то беззаконіе, безправіе и жестокости, которыхъ не было при Самодержавіи».

Такая характеристика періода 907—914 г., какъ бы мы къ III-й и IV-й Государственной Думѣ ни относились, настолько тенденціозна, что я ее не стану оспаривать. Оба лагеря въ этомъ вопросѣ грѣшили предвзятостью. Поверхностныя сужденія «оппозиціи» при свѣтѣ позднѣйшихъ событій кажутся несправедливыми; это не мѣшало имъ быть искренними. И, вспоминая филиппики Витте, не сомнѣваюсь, что онъ былъ тоже искрененъ. Въ немъ въ этотъ моментъ говорилъ страстный, но и огорченный поклонникъ Самодержавія, какъ въ нашихъ нападкахъ на Думу 3-го іюня говорили разочарованные любовники «конституціи». Эта преданность Самодержавію, уцѣлѣвшая въ Витте, несмотря на всѣ уроки, которые онъ получилъ, сдѣлалась источникомъ его личной трагедіи при Николаѣ II.

Хотя послѣ смерти Александра III Витте и увѣрялъ, и я думаю вполнѣ искренно, что покойный императоръ могъ свою реакціонную политику измѣнить и возобновить линію 60-хъ годовъ, этому трудно повѣрить и невозможно провѣрить. Но

зато смерть Александра III и вступленіе на престолъ молодого Николая II, которое возбудило въ русскомъ обществѣ столько надеждъ на перемѣну политики, вѣроятно заставила и Витте подумать, что для *его* плановъ настало болѣе *благопріятное* время. По отзыву Витте, Николай былъ умнѣе и образованнѣе своего отца; какъ онъ, имѣлъ и высокое пониманіе своего царскаго долга. А самъ Витте для новаго Государя былъ не дерзкимъ желѣзнодорожникомъ, котораго только Боркская катастрофа научила цѣнить; Витте былъ уже въ зенитѣ успѣха. При этомъ Николай II благоговѣлъ передъ памятью отца, а Витте былъ созданіемъ покойнаго, пользовался его абсолютнымъ довѣріемъ. Умирая, Александръ завѣщалъ своему сыну: «Слушайся Витте». Наконецъ Николай всходилъ на престолъ подъ другими впечатлѣніями, чѣмъ первое марта. Самодержавіе имѣло право чувствовать себя настолько окрѣпшимъ, что могло вести за собою страну по новой дорогѣ, а не искать спасенія въ строгости и стѣсненіяхъ. Даже злополучный окрикъ 17 января могъ не разрушить у Витте этихъ надеждъ. Тогда многіе думали едва ли правильно, что Николай II осудилъ только «конституцію», превознесъ Самодержавіе. Для поклонника Самодержавія Витте *въ этомъ* не было ничего ни страшнаго, ни печальнаго. Для него важно было одно: *по какой дорогѣ* пойдетъ Самодержавіе? По пути ли прежней реакціи или по тому пути реформъ 60-хъ годовъ, на который его призывала осторожная политика Витте? И Витте, созданный личнымъ довѣріемъ Александра III, могъ разсчитывать на свое вліяніе на неопытнаго Николая II.

Въ этомъ Витте ошибся. Правда, первое время наружно все шло по старому. Прежняя финансовая политика Витте продолжалась; его главныя мѣры, какъ напр., введеніе золотой валюты, были произведены уже въ новое царствованіе, при этомъ при личной поддержкѣ Государя противъ Государственнаго Совѣта. Во время коронаціи Витте добился громаднаго успѣха на Дальнемъ Востокѣ, который

не былъ менѣе полезенъ отъ того, что его не сумѣли ни сохранить, ни использовать, а погубили нетерпѣніемъ не вполнѣ безкорыстнымъ и жадностью къ интересамъ совсѣмъ не Россіи. Подъ покровомъ внѣшнихъ удачъ Витте уже съ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Николая II, со времени проекта о Мурманскомъ портѣ, гдѣ пересилило вредное вліяніе великихъ князей — сталъ чувствовать противодѣйствіе его планамъ со стороны Императора, который прислушивался къ наговорамъ его личныхъ враговъ. Витте могъ тогда на собственномъ опытѣ увидать слабыя стороны Самодержавія. Онъ могъ убѣдиться, что умъ, образованіе, воспитанность, даже честность и преданность долгу, недостаточны, чтобы сдѣлать хорошаго Самодержца; что Самодержецъ, несмотря на высоту своего положенія, можетъ имѣть слабости и предразсудки, можетъ поддаваться плохому вліянію; а что неограниченность власти, которой онъ надѣленъ въ Государствѣ, дѣлаетъ эти возможности сугубо опасными. Но даже личный опытъ оказался безсиленъ противъ «пристрастія». Здѣсь была личная и глубокая трагедія Витте. Онъ не сдѣлалъ шага, который былъ бы самымъ естественнымъ для человѣка его калибра, т.-е. сознать свое безсиліе и уйти. Ему было бы все открыто на частной службѣ. Онъ остался на своемъ посту не ради почета. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, честолюбіе которыхъ не въ чинахъ, орденахъ и карьерѣ, а въ возможности *дѣйствовать*. И какъ практикъ, привыкшій бороться съ природными силами, онъ надѣялся приспособиться къ характеру новаго Государя. Чтобы вліять на Государя уже не годилась та рѣзкая правда, которая Витте такъ удавалась съ его покойнымъ отцомъ. Приходилось затрагивать тѣ спеціальныя струны, на которыя Государь откликался. Витте на это пошелъ и это было большимъ униженіемъ его жизни; но искусно дѣлать это онъ не умѣлъ. Въ немъ было слишкомъ мало настоящаго царедворца.

Въ глазахъ широкаго общества до самой отставки своей

Витте по старой памяти казался всесильнымъ. Но это было не такъ. Въ послѣднее время, передъ самой отставкой, ему пришлось столкнуться по вопросамъ Дальневосточной политики съ тѣми, кто легкомысленно или корыстно исказили всѣ его планы, обманули Китай и довели до Японской войны. И широкое общество не только тогда, но и послѣ приписывало Витте то, съ чѣмъ онъ безуспѣшно боролся, пока въ 1903 году не былъ отставленъ.

Съ этого времени главная роль Витте окончилась. Но такіе люди, какъ онъ, безслѣдно не исчезаютъ. Объ немъ еще вспомнили: Ему пришлось благополучно докончить войну, которую онъ такъ осуждалъ, и добиться неожиданнаго успѣха въ Портсмутѣ. Ему въ 1905 году пришлось самому, въ противорѣчіи со всей своей жизнью, дать Самодержцу совѣтъ октроировать «конституцію», и немедленно испытать на себѣ, насколько онъ былъ правъ въ своемъ недовѣріи къ зрѣлости русскаго общества. Ему было суждено пасть жертвой этой незрѣлости и не играя болѣе активной роли въ политикѣ наблюдать, какъ распадалась и гибла уже на Самодержавная власть, а Монархія, и прибѣгать къ безполезнымъ и унизительнымъ средствамъ, чтобы заставить себя услышать. Все это было позже. Сейчасъ я говорю не объ этомъ времени, а о его неудавшейся попыткѣ вернуть Самодержавіе къ творческой дѣятельности, къ работѣ надъ преобразованіемъ строя Россіи по иниціативѣ самого Самодержавія.

Въ чемъ былъ планъ этого преобразованія?

Витте упрекали, что для развитія русской промышленности онъ пожертвовалъ сельскимъ хозяйствомъ, земледѣльческимъ классомъ. Въ этомъ могла быть доля правды. Но если Витте не слушалъ землевладѣльческихъ жалобъ, то онъ хорошо понималъ насколько для нашей промышленности необходимъ былъ внутренній рынокъ, насколько основной предпосылкой экономическаго благополучія Россіи было все-таки *крестьянское*

благосостоянie. Такъ въ его глазахъ на первую очередь сталъ крестьянскiй вопросъ, т.-е. завершенie освобожденiя. Нѣкоторыя частичныя реформы въ этомъ направленiи были проведены имъ какъ Министромъ Финансовъ еще при Александрѣ III. Такъ въ послѣднiй годъ его царствованiя была отмѣнена крестьянская круговая порука. Въ принципiальномъ отношенiи эта реформа была колоссальна. Одно то, что круговая порука могла продержаться до 90 года, показываетъ глубину того безправiя, въ которомъ держали крестьянскую массу, и къ которому государство и общество привыкли какъ къ чему-то нормальному. Какое другое сословie подчинилось бы такому порядку, согласилось бы жить въ подобныхъ условiяхъ? А круговая порука общества за отдѣльныхъ крестьянъ давала основанie и къ той *власти общества надъ его отдѣльными членами*, которая составляла главную язву крестьянской жизни. Что Министерство Финансовъ отказалось отъ подобной гарантiи причитающихся казнѣ платежей, было уже шагомъ къ признанiю за крестьянами индивидуальнаго права на свободную жизнь. Этотъ принципъ равнаго права и свободы личности долженъ былъ проникнуть и дальше во всю правовую сферу крестьянства. Это было бы громадной реформой, которая переродила бы атмосферу деревни. Но здѣсь инициатива Министра Финансовъ столкнулась съ совершенно обратной крестьянской политикой Министра Внутреннихъ Дѣлъ и съ той общей политикой государства, для которой сословность казалась основнымъ укладомъ порядка. И тогда вопросъ о крестьянахъ Витте рѣшился поставить ребромъ.

Онъ поставилъ его въ формѣ доклада въ государственной росписи 1897 года. Отмѣтивъ, *что* въ области финансовъ имъ было достигнуто, Витте докладывалъ Государю, что наступилъ моментъ, когда надлежитъ взяться за самое главное, безъ чего идти дальше нельзя, за упорядоченie *крестьянскаго положенiя*, за обезпеченie его права на свободный трудъ и его результаты. Я за точный текстъ Виттевскихъ словъ не ручаюсь, но помню ихъ смыслъ; помню

также впечатлѣніе, которое этотъ докладъ въ странѣ произвелъ; помню восторгъ, въ который онъ привелъ народническій кружокъ Л. В. Любенкова. Непосвященнымъ людямъ Витте казался тогда всемогущимъ. Что именно *онъ* поставилъ крестьянскій вопросъ въ такой полнотѣ, казалось залогомъ правильнаго его разрѣшенія. А все переплетено въ государствѣ; пріобщеніе крестьянъ къ общему праву, освобожденіе ихъ отъ усмотрѣнія общества и начальства не могло не повлечь грандіозной перемѣны во всемъ крестьянскомъ быту и его *психологіи*. Перемѣна не могла не отразиться на всемъ, что было связано съ крестьянской жизнью. А что съ нею не было связано? Опубликованіе этого предположенія во всеобщее свѣдѣніе казалось почти равносильнымъ возвѣщенію новой эпохи великихъ реформъ. Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ были сказаны эти слова, они обязывали и не могли остаться словами.

Но Витте могъ убѣдиться, что онъ имѣетъ дѣло съ *другимъ* Государемъ. На докладъ, который раздался какъ ударъ грома, отъ котораго всѣ ждали послѣдствій, Николай II отвѣтилъ молчаніемъ. Все осталось по-прежнему. Ожиданія смѣнились недоумѣніемъ. Витте со своимъ докладомъ попадалъ въ фальшивое положеніе. Изъ опубликованныхъ воспоминаній мы узнали теперь, что Витте не остался бездѣятельнымъ. Онъ написалъ новое письмо Государю, текстъ котораго былъ имъ въ мемуарахъ опубликованъ. Онъ ставилъ передъ Самодержцемъ тотъ-же вопросъ, въ болѣе рѣзкой и рѣшительной формѣ, чѣмъ въ росписи; и на это письмо Государь опять промолчалъ. Витте могъ воочію видѣть, что не такъ легко убѣждать Самодержца, какъ ему это раньше казалось. Онъ смогъ тогда понять и пользу общественнаго мнѣнія, хотя бы неподготовленнаго, излишне шумливаго, но для воздѣйствія на Государя небезполезнаго. Однако, по старой привычкѣ Витте прежде всего искалъ причинъ въ личныхъ вліяніяхъ. Министромъ

Внутреннихъ Дѣлъ былъ тогда Горемыкинъ, въ крестьянскомъ вопросѣ по существу консерваторъ. Свою неудачу Витте приписалъ его отношенію къ этому дѣлу. Въ это время подошелъ эпизодъ съ Сѣверо-Западнымъ земствомъ. Въ своей знаменитой брошюрѣ, упрекая Горемыкина за его отношеніе къ земству, Витте не упустилъ случая съ горечью напомнить и крестьянскій вопросъ. «Не одни инородцы, писалъ онъ, поставлены внѣ общаго закона и общихъ условій государственнаго порядка. По причинамъ, изложеніе которыхъ повело бы слишкомъ далеко, въ особыя условія поставлена и масса сельскаго населенія — сословіе крестьянъ. Сходно съ инородцами сельскій обыватель тоже разсматривается, какъ особая группа населенія сословно обособленная». Плеве позднѣе сказалъ Шипову, будто вся записка Витте о земствѣ имѣла цѣлью только свалить Горемыкина. Если это правда, то я не сомнѣваюсь, что не «земскіе» взгляды Горемыкина, а именно его отношеніе къ крестьянскому вопросу было причиной Виттевской аттаки на Горемыкина, хотя бы эта аттака и была пріурочена къ введенію въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ земства. Эта аттака увѣнчалась успѣхомъ; земство въ Сѣверо-Западномъ краѣ не было введено, а Горемыкинъ вышелъ въ отставку. Тогда Витте рѣшилъ снова поставить на разрѣшеніе *крестьянскій вопросъ*. Онъ дѣйствительно былъ реактивомъ, по которому можно было судить о нашемъ «Самодержавіи». И потому ясная постановка *этого* вопроса сдѣлалась переломнымъ пунктомъ нашей новѣйшей исторіи.

Глава X.

ПОПЫТКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ.

Вмѣсто И. Л. Горемыкина Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1902 году былъ назначенъ Д. С. Сипягинъ. Онъ былъ представителемъ дворянскаго направленія, далекаго

отъ Витте. Казалось, что въ немъ Витте не могъ разсчитывать на союзника. Но, по общему мнѣнію, Сипягинъ былъ выдвинутъ именно *его* рекомендаціей. Это казалось столь непонятнымъ, что многіе немедленно заподозрили Витте въ коварномъ расчетѣ, а именно, въ желаніи руками Сипягина довести Россію до взрыва и воспользоваться этимъ въ своихъ политическихъ видахъ. Такъ, напримѣръ, объяснялъ себѣ это даже Д. Н. Шиповъ *).

Такое подозрѣніе характерно для сужденія о Витте, для общаго къ нему недовѣрія. Самый фактъ былъ неточенъ; не Витте выдвинулъ кандидатуру Сипягина **). Но до перваго назначенія Горемыкина Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Витте дѣйствительно поддержалъ кандитатуру Сипягина противъ другого кандидата — Плеве. Въ этомъ онъ потерпѣлъ частичную неудачу; назначенъ былъ не Сипягинъ, но и не Плеве, а Горемыкинъ. Но благодаря этому нѣкоторая доля отвѣтственности за позднѣйшее назначеніе Сипягина на Витте все же лежитъ. Но рекомендація имъ Сипягина въ хитроумныхъ объясненіяхъ не нуждается; она только характерна для условій, въ которыхъ приходилось тогда управлять. Витте не могъ бы провести своей программы, опираясь только на единомышленниковъ; въ правящей средѣ ихъ помощь могла бы планы Витте только компрометировать. Онъ поневолѣ долженъ былъ искать поддержки среди *консервативнаго* лагеря, вербовать въ *немъ* людей способныхъ не испугаться его взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Съ этой точки зрѣнія Сипягинъ могъ оказаться полезнымъ.

Старинной дворянской семьи, въ родствѣ и дружбѣ съ аристократіей, bon vivant et gourmand, страстный и прекрасный охотникъ, Сипягинъ былъ сдѣланъ изъ матеріала, изъ котораго стряпали въ старину предводителей, а иногда и тѣхъ губернаторовъ, которые, предоставляя управленіе пра-

---

*) Д. Н. Шиповъ — «Воспоминанія», стр. 130.

**) Витте — «Воспоминанія» т. I, стр. 147.

вителямъ канцелярій, занимались сами «представительствомъ» и «объединеніемъ» общества. Пока государственная машина вертѣлась безъ перебоевъ, они могли казаться на мѣстѣ; а тактомъ, воспитанностью и добродушіемъ могли и смягчать ненужныя тренія. Политическая программа такихъ людей глубоко не шла; она сводилась къ подчиненію «священной волѣ Монарха», и къ борьбѣ противъ тѣхъ, кто покушался «умалить» Самодержавную Власть. У Сипягина вдобавокъ была та личная преданность Государю, которая замѣняла программу. Чувствительный ко всему, въ чемъ можно было бы усмотрѣть покушеніе на прерогативы Монарха, онъ за то органически не могъ допустить, чтобы благо населенія могло оказаться въ чемъ-нибудь несовмѣстимымъ съ Самодержавіемъ. Онъ могъ поддерживать реформу въ крестьянскомъ вопросѣ, если его убѣдить, что она не затрагиваетъ интересовъ Самодержавія и для него даже полезна. Сословные интересы дворянства въ этомъ его остановить не могли бы. Сипягинъ принадлежалъ къ тѣмъ отживавшимъ типамъ дворянства, которые въ дворянскихъ привилегіяхъ видѣли не столько свою личную выгоду, сколько почетное средство обслуживать интересы страны. Мое поколѣніе еще застало носителей этой старомодной идеологіи. Они не походили на оппозиціонный шаблонъ, по которому привилегированному классу полагалось быть паразитами, а преданность общему благу была монополіей демократіи. Въ благодушныхъ баловняхъ жизни, которые не забывали и о нуждахъ другихъ, было не мало наивности, но и своеобразнаго шарма. Я видалъ въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ они возмущались стремленіемъ большинства использовать свое положеніе, увеличить свои привилегіи, какъ они негодовали на дворянскіе походы на казначейство или на Государственный Банкъ, словомъ, какъ они сопротивлялись стараніямъ дворянства взять все, что можно, съ политической ставки на вѣрность «передового» сословія. Эти «идеалисты» дворянства рѣдко выступали съ рѣчами;

они не были мастерами говорить на многолюдныхъ собраніяхъ, — да и во имя достоинства дворянства не хотѣли являться публично его обличителями; зато въ кулуарныхъ бесѣдахъ личнымъ примѣромъ, вліяніемъ, поведеніемъ и голосованіемъ бывали живымъ укоромъ дворянскимъ *дѣльцамъ*.

Конечно, богатство, независимое положеніе людей этого типа, избавляя ихъ отъ оборотной стороны «борьбы за существованіе», позволяли имъ больше думать о достоинствѣ своего положенія, чѣмъ объ извлеченіи изъ него выгодъ; эти условія дѣлали для нихъ легкой задачу себя не срамить. Но это вопросъ другого порядка. Важно, что благодаря этому они могли не оставаться равнодушными къ тому положенію, въ которомъ наше законодательство держало крестьянъ. А кромѣ того, вѣрные патріархальнымъ взглядамъ на жизнь они сочувствовали зажиточнымъ элементамъ крестьянства, «старичкамъ», какъ ихъ *тогда* называли, а по новѣйшей терминологіи «кулакамъ»; они не считали разумнымъ приносить ихъ въ жертву крестьянской демократіи, «бѣднякамъ и середнякамъ». Ихъ политическое провидѣніе не шло такъ далеко, чтобы понимать, насколько крестьянское неравноправіе неразрывно связано было съ существовавшимъ въ Россіи государственнымъ строемъ; насколько оно служило опорой Самодержавію. Понять это люди въ родѣ Сипягина были не въ состояніи. Для нихъ Самодержавіе казалось естественнымъ защитникомъ противъ соціальной неправды; Сипягинъ пришелъ въ ужасъ, если бы повѣрилъ, что явную соціальную несправедливость надо было бы *охранять* въ *интересахъ* Самодержавія. Его преданность Самодержавію побудила бы его привѣтствовать реформу, которая увеличила бы престижъ Самодержца въ странѣ, вызвала бы къ нему такія же благодарныя чувства крестьянства, какъ въ 61 году. Эта сантиментальная психологія создавала у Сипягина возможность общаго языка съ реалистомъ Витте, почву для соглашенія съ нимъ. На людей въ родѣ Сипягина

поневолѣ приходилось разсчитывать Витте въ томъ классѣ, который тогда правилъ Россіей; ихъ помощь или по крайней мѣрѣ нейтралитетъ были необходимы; имѣть Сипягиныхъ на своей сторонѣ было для Витте гораздо полезнѣе, чѣмъ пріобрѣсть лишняго сотрудника изъ либеральнаго лагеря.

И дѣйствительно при Д. С. Сипягинѣ, на котораго для Витте было тѣмъ легче вліять, что онъ былъ связанъ съ нимъ личной дружбой, Витте могъ наконецъ сдѣлать первый шагъ въ осуществленіи своей крестьянской программы. Крестьянскій вопросъ сдвинулся съ мѣста. По Высочайшему повелѣнію 22 января 1902 года было образовано «Особое Совѣщаніе для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображенія мѣропріятій, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ ней отраслей народнаго труда». Предсѣдателемъ Совѣщанія назначенъ былъ С. Ю. Витте. Такъ скромно начиналась глубоко задуманная попытка вернуть Самодержавіе на дорогу реформъ.

Объявленная программа работъ Совѣщанія носила характеръ техническій, никого не пугавшій. Но въ эту программу, однако, могло быть включено почти все; оставаясь на почвѣ Высочайшаго повелѣнія можно было поставить на обсужденіе *всѣ* главные вопросы нашей государственной жизни.

Самъ Витте, какъ предсѣдатель, не собирался Совѣщанія ограничивать. Онъ не скрывалъ, что въ Сельско-Хозяйственномъ Совѣщаніи предполагалъ поставить *во всей полнотѣ* правовой крестьянскій вопросъ. Онъ настаивалъ на этомъ передъ своими друзьями, членами Совѣщанія; просилъ ихъ объ этомъ подумать и поднять вопросъ въ Комитетахъ. Такъ Витте смѣло брался за самый стержень тогдашняго соціальнаго строя. Витте оставался только послѣдователенъ. Въ докладѣ по росписи 97 года онъ этотъ вопросъ уже публично поставилъ. Судьба доклада его пока-

зала, что этого было недостаточно. Было недостаточно и обезпечить себя со стороны недалекаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ Витте рѣшился привлечь на свою сторону помощь нашей общественности. Совѣщаніе получило право образовывать уѣздные и губернскіе комитеты, привлекать къ работѣ всѣхъ тѣхъ, «участіе коихъ будетъ признано ими полезнымъ». Этимъ открывалось сотрудничество власти и общества въ той формѣ, въ которой Витте всегда считалъ это сотрудничество наиболѣе продуктивнымъ. Этимъ правомъ Витте предполагалъ широко воспользоваться. Такой способъ разработки мѣропріятій не примѣнялся ни разу съ воцаренія Александра III. Общественность была привлечена къ широкому обсужденію недостатковъ нашего строя и того, что надлежало теперь предпринять. Впервые послѣ 81 года вопросъ былъ такъ поставленъ передъ Россіей.

Я безъ особеннаго изумленія прочелъ въ статьѣ Милюкова (Соврем. Записки, № 57), что значеніе этого «предпріятія» Витте очень мной *преувеличено*. Такое сужденіе характерно для политика позднѣйшей формаціи. Для представителей «Освободительнаго Движенія» Витте и тѣ, кто въ этомъ вопросѣ готовы были съ нимъ слѣдовать, значенія не имѣли уже потому, что борьбы *противъ Самодержавія* вести не собирались. «Освободительное Движеніе» стало расцѣнивать всѣ явленія только по *этому* признаку. Что реформа основъ крестьянской обособленности повлекла бы за собой реформы и въ земствѣ, и въ судѣ, и въ самой постановкѣ государственной власти — объ этомъ Освободительное Движеніе такъ мало думало, что въ своей декларации, въ 1-омъ номерѣ «Освобожденія», ограничилось требованіемъ «конституціи», а крестьянскій вопросъ уступало будущему русскому парламенту. Даже когда оно поняло, что на одной поговоркѣ «долой Самодержавіе» крестьянства не привлечешь, оно, ставя крестьянскій вопросъ, позаботилось только о томъ, чтобы для тогдашнихъ крестьянъ его рѣшеніе было наиболѣе соблазнительно. При такомъ отношеніи

къ дѣлу громадный планъ Витте ни интереса, ни сочувствія въ нашихъ политикахъ не возбуждалъ. Нужно добавить, что по системѣ Особаго Совѣщанія, «политики» остались въ сторонѣ; Губернскіе и Уѣздные Комитеты не выбирались по 4-хвосткѣ, и общественнымъ слоемъ, который могъ въ нихъ сыграть роль, были все-таки земцы. Это была лишняя причина, почему отъ этихъ Комитетовъ, какъ отъ Назарета, политикамъ ничего добраго ожидать было нельзя. Если бы попытка Витте удалась, русская общественность устремилась бы къ разработкѣ практическихъ, жизненныхъ темъ, столь же разнообразныхъ, какія были въ шестидесятые годы, а интеллигенція съ своей поговоркой «долой Самодержавіе» отклика бы въ странѣ не нашла. Планъ Витте могъ оказаться преградой для той войны, которую «Освободительное Движеніе» повело черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже. Онъ бы ее предотвратилъ и при этомъ къ благу Россіи.

Но за то, когда случилось иначе, и Самодержавіе разрушило «предпріятіе» Витте, рѣзко и грубо оттолкнувъ земскую среду, гибель этого начинанія и эту *лойяльную* среду превратила въ враждебную. Такъ Самодержавіе само создало себѣ тогда *новыхъ* враговъ. Если интеллигенція считала, что «Освободительное Движеніе» выиграно ею одной въ союзѣ съ Ахеронтомъ, то это самообольщеніе. Самый сильный ударъ по Самодержавію произошелъ именно тогда, когда его безкорыстные сторонники отъ него стали отвертываться и присоединяться къ интеллигентскому Освободительному Движенію. Именно *это* его участь рѣшило. И все это оказалось связаннымъ съ недоведеннымъ до конца начинаніемъ Витте.

Первыя тренія въ Совѣщаніи, какъ и можно было ожидать, произошли на земской почвѣ. Здѣсь обнаружилось разномысліе между Витте и Сипягинымъ. Витте предлагалъ привлечь къ работамъ представителей земскихъ собраній. Сипягинъ въ этомъ предложеніи усмотрѣлъ направленіе, съ которымъ надо было бороться. Государственные во-

просы, по его мнѣнію, не касаются земскихъ собраній, а въ качествѣ свѣдущихъ мѣстныхъ людей достаточно *должностныхъ лицъ, представителей земскихъ управъ.* Для возраженія впрочемъ былъ выставленъ болѣе благопристойный предлогъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ находило, что въ настоящее время нѣтъ необходимости запрашивать земскія учрежденія, такъ какъ они уже были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ концѣ 1894 года Министерствомъ Земледѣлія. Это было одно лицемѣріе. Въ сопротивленіи расширенію земской компетенціи состояла вся политика Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Витте ей уступилъ. Его упрекали за это, но эту уступку нетрудно понять. Для Витте участіе земства былъ все-таки *второстепенный* вопросъ; а послѣ его знаменитой записки выступать въ защиту земствъ, значило бы дать поводъ къ дешевымъ нападкамъ. Конечно, они только бы показали непониманіе того, что тогда Витте писалъ; но это не причина, чтобы имъ не былъ обезпеченъ успѣхъ. Витте, который сознавалъ, какую громадную реформу онъ затѣвалъ, какими послѣдствіями она отозвалась бы на всѣхъ отрасляхъ государственной жизни, считалъ бы тактической ошибкой расхожденіе съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по такому частному вопросу. Устраненіе земскихъ собраній не могло не вызвать негодованія въ земской средѣ; но это негодованіе ему казалось мелочью въ сравненіи съ дѣломъ, которому клали починъ. Къ тому же земскіе люди въ Комитетахъ все-таки были. Если бы цѣной этой уступки онъ могъ успокоить Сипягина, онъ счелъ бы это выгодной сдѣлкой.

Едва ли надежды Витте на помощь Сипягина могли оправдаться. Это было слабостью позиціи Витте. Воспитанный въ школѣ Самодержавія, онъ преувеличивалъ значеніе личныхъ отношеній, личнаго вліянія, вообще «маневрированія» около трона. Въ противорѣчіи съ своимъ пони-

маніемъ «непреложности законовъ государственной жизни» *), онъ разсчитывалъ на возможность добиться успѣха, благодаря искуснымъ ходамъ на верху. Крестьянское равноправіе стояло въ *программѣ либерализма*, а не дворянства. Задача провести эту программу руками Сипягина была бы политическимъ фокусомъ. Несмотря на дружбу Сипягина съ Витте, другія вліянія навѣрное бы оказались сильнѣе и Витте пришлось бы испытать разочарованіе въ Сипягинской помощи.

Но на какія вліянія ни ставилась ставка, созданіе «Особаго Совѣщанія» было все-же попыткой Самодержавія пойти не путемъ вынужденныхъ и запоздалыхъ уступокъ, а вернуть себѣ иниціативу въ проведеніи полезныхъ и для общества желанныхъ реформъ, т. е. возвратиться на дорогу 60-хъ годовъ. Попытка не удалась, ибо она хотѣла спасти Самодержавіе *вопреки его самого*. Обреченное Самодержавіе этого не захотѣло. Тогда попытка обратилась противъ него; и созданіе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ стало прологомъ къ Освободительному Движенію уже въ кавычкахъ.

Пришла ли эта попытка слишкомъ поздно? Она почти совпадала по времени съ выходомъ «Освобожденія»; первый номеръ его вышелъ въ іюнѣ того же 1902 года. Но настроеніе широкаго общества тогда было еще далеко отъ того, которое владѣло «вождями» Освободительнаго Движенія. Если бы Витте смогъ свой планъ осуществить и Самодержавіе пошло бы по дорогѣ реформъ, обывательское населеніе оказалось бы съ нимъ. Самодержавіе само оттолкнуло этотъ спасательный кругъ.

* * *

Второго апрѣля 1902 г., въ самомъ началѣ работъ Совѣщанія Сипягинъ былъ убитъ Балмашевымъ. Его мѣсто на

---

*) Такое названіе носила книга, выпущенная Витте въ 1914 году въ Петербургѣ, и содержавшая его знаменитую записку о сѣверо-западномъ земствѣ, раньше напечатаную «Освобожденіемъ».

посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ занялъ Плеве. Онъ олицетворялъ собой совершенно другія тенденціи. Борьба Витте и Плеве явилась единоборствомъ двухъ противоположныхъ началъ въ Самодержавіи. Потому она представила такой политическій интересъ.

Плеве прошелъ трагической фигурой въ нашей исторіи. Не знаю, кто сталъ бы его теперь защищать. Самъ Витте къ нему безпощаденъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ передаетъ отзывъ Побѣдоносцева; сравнивая Плеве съ Сипягинымъ Побѣдоносцевъ сказалъ: «Сипягинъ — дуракъ, а Плеве подлецъ». Смерть Плеве въ свое время вызвала почти всеобщій восторгъ, не менѣе демонстративный и, конечно, болѣе мотивированный, чѣмъ восторгъ отъ убійства Распутина. Не было обвиненій, которыя бы на него ни взводили, начиная съ устройства имъ Кишиневскаго погрома, противъ чего съ негодованіемъ возражалъ А. А. Лопухинъ, и кончая провокаціей Японской войны, чего не отрицаетъ и Витте.

Въ борьбѣ съ Витте Плеве, какъ и Витте, защищалъ Самодержавіе. Но Витте стремился его направить на проведеніе либеральной программы, которая страну бы съ нимъ примирила и надолго вырвала бы оружіе изъ рукъ его принципіальныхъ враговъ. Наоборотъ, Плеве не допускалъ измѣненія *прежней* политики, отстаивалъ неприкосновенность основъ, на которыхъ съ 80-хъ годовъ стало Самодержавіе. Онъ не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что эти основы — сословность, государственный нажимъ на все развитіе жизни были причиной русской отсталости и не могли продолжаться вѣчно. Говоря теперешнимъ языкомъ, Витте хотѣлъ эволюціи Самодержавія, Плеве съ *нею* боролся. Одинъ былъ оптимистомъ, другой пессимистомъ. Имъ было суждено въ какой-то моментъ другъ съ другомъ сразиться.

Свою политическую позицію Плеве защищалъ съ большой энергіей. Онъ не боялся создавать себѣ враговъ и ихъ не щадилъ. Онъ былъ и послѣдователенъ. Онъ одинъ имѣлъ смѣлость доказывать, что уве-

личеніе крестьянскаго землевладѣнія вредно, и что поэтому нужно сократить дѣятельность Крестьянскаго Банка. Про Плеве можно сказать, что онъ не вилялъ и взглядовъ своихъ не скрывалъ. Онъ бился съ открытымъ забраломъ.

Но если политическая позиція его совершенно ясна, то личность его для меня остается загадкой. Я никогда съ нимъ не говорилъ, только одинъ разъ видѣлъ его издали въ поѣздѣ и впечатлѣній отъ него не имѣю; я жилъ въ средѣ людей, которые не могли быть къ нему безпристрастны. И я затрудняюсь сказать, что имъ руководило. Онъ не былъ похожъ на слѣпого фанатика. Былъ человѣкъ умный и трезвый, занимавшій въ теченіе жизни разныя политическія позиціи. Побѣдоносцевъ, по словамъ Витте, назвалъ его «подлецомъ»; но это ничего не доказываетъ; тотъ же Побѣдоносцевъ сказалъ какъ-то Витте: «Кто нонѣ не подлецъ?» Въ его устахъ этотъ отзывъ значилъ не много; онъ не прощалъ Плеве уже того, что онъ когда-то былъ сотрудникомъ Лорисъ-Меликова. Но самое любопытное, въ личности Плеве, это — то, что онъ понималъ обреченность Самодержавія, которое онъ защищалъ. Характерны и я бы сказалъ драматичны, тѣ откровенности, которыя онъ рѣшился довѣрить Шипову; они свидѣтельствуютъ, между прочимъ, о томъ уваженіи, которое нельзя было не чувствовать къ этому человѣку. Въ первомъ разговорѣ Плеве съ Шиповымъ въ іюлѣ 1902 г. онъ сказалъ ему слѣдующее: «я полагаю, что никакой государственный порядокъ не можетъ оставаться навсегда неизмѣннымъ и, очень можетъ быть, нашъ государственный строй лѣтъ черезъ 30, 40, 50 долженъ будетъ уступить мѣсто другому (прошу Васъ, чтобы эти слова мои не вышли изъ этихъ стѣнъ); но возбуждать этого вопроса *теперь* во всякомъ случаѣ не своевременно; историческія событія должны развиваться съ извѣстною постепенностью»*). А черезъ 2 года, въ разгарѣ Освободительнаго Движе-

---

*) Д. Н. Шиповъ — Воспоминанія и думы.

нія, когда уже послѣ побѣды надъ Витте, Плеве сообщалъ Шипову о его неутвержденіи предсѣдателемъ Губернской Управы, онъ о томъ же вопросѣ говорилъ въ иныхъ выраженіяхъ; «я не могу не согласиться, говорилъ онъ, что мы къ этому идемъ и что разрѣшеніе этого вопроса дѣло *недалекаго* будущаго, но вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только *сверху*, а не *снизу* и только тогда, когда въ этомъ направленіи выскажется опредѣленно воля Государя». Какъ же себѣ объяснить, что при подобномъ пониманіи дѣла Плеве боролся съ той эволюціей Самодержавія, которая одна могла бы сдѣлать переходъ къ другому строю безболѣзненнымъ? Было ли это съ его стороны простымъ угожденіемъ Государю, заботой о сохраненіи портфеля? Мнѣ потому этому трудно повѣрить, что этой политикой Плеве возбуждалъ противъ себя опасныхъ враговъ, которые имѣли доступъ и къ Государю; угодники идутъ по линіи *наименьшаго* сопротивленія. Плеве не останавливался ни передъ какими опасностями. Поэтому ни угодничество, ни политическая слѣпота недостаточны для объясненія политики Плеве. Въ основѣ ея лежала та трагедія нашего положенія, которая кое-кѣмъ уже сознавалась въ то время. Плеве могъ понимать, что Самодержавіе своей властью поступиться не хочетъ и что поэтому попытка либеральныхъ реформъ ему не по плечу и не по силамъ и его приведетъ къ катастрофѣ. Если онъ не хотѣлъ отстраниться, и предоставить свободу событіямъ, если онъ считалъ нужнымъ свой долгъ передъ Государемъ исполнить, ему оставалось одно — стараться выиграть время и защищать существующій строй, какъ защищаютъ обреченную крѣпость. Враги были и возникали повсюду; Плеве не боялся открытыхъ противниковъ, которые вели противъ Самодержавія прямую атаку; ее онъ считалъ возможнымъ отбить, какъ въ 80-хъ годахъ въ должности Директора Департамента Полиціи, отбилъ атаку того прежняго времени. Это воспоминаніе впослѣдствіи вводило его въ заблужденіе. Онъ поэтому гораздо больше

боялся тѣхъ, которые могли увлечь Самодержавіе на путь либеральныхъ реформъ, на которыя онъ нашу страну и общество, а вѣроятно и Монарха способными уже не считалъ. По этимъ спасителямъ онъ билъ съ ожесточеніемъ приговореннаго къ смерти бойца, озлобляясь въ борьбѣ, но твердо рѣшившись не уступать имъ ни пяди и реформъ не допускать. И въ этомъ фигура всѣмъ ненавистнаго Плеве была не лишена не только трагизма, но и своеобразнаго героизма.

Таковъ былъ тотъ главный противникъ, который въ началѣ 20-го вѣка столкнулся съ Витте въ его попыткѣ направить Самодержавіе на другую дорогу. Борьба Витте и Плеве была той-же борьбой двухъ основныхъ путей Самодержавія, какъ борьба Лорисъ-Меликова и Побѣдоносцева въ 81 году. Въ миніатюрѣ она была всюду; лежала въ основѣ почти всѣхъ политическихъ столкновеній и конфликтовъ этого времени. Отличіе ея было въ калибрѣ тѣхъ двухъ фигуръ, которыя на глазахъ у всѣхъ вступили въ единоборство, и въ томъ, что ставкой этой борьбы стала судьба Самодержавія.

Схватка этихъ двухъ антиподовъ не могла не разразиться около плана Витте. Плеве крестьянской реформы совсѣмъ не хотѣлъ; но онъ задумалъ воспользоваться Комитетами для осужденія финансовой политики Витте. Въ своемъ разговорѣ съ Д. Н. Шиповымъ онъ осудилъ включеніе въ программу занятій «вопросъ о правовомъ положеніи крестьянскаго сословія»; связь его съ нуждами сельско-хозяйственной промышленности казалась ему черезчуръ отдаленной, но за то онъ считалъ «очень полезнымъ», чтобы было «обращено особое вниманіе на слабыя стороны нашей финансовой и экономической политики». Такъ борьба Витте и Плеве отзывалась немедленно въ земской средѣ и вліяла на ея поведеніе. И потому интересно яснѣе припомнить, что эта среда тогда представляла.

*
* *

Я напомню о двухъ земскихъ организацiяхъ этой эпохи — о Бесѣдѣ и о Земскомъ Объединенiи. Они избавятъ отъ опасности судить о прошломъ по настроенiямъ позднѣйшаго времени.

О «Бесѣдѣ» я хочу припомнить еще и потому, что о ней мало знаютъ; когда она *имѣла* значенiе, говорить о ней вслухъ было нельзя; послѣ 1905 г., когда говорить обо всемъ стало можно, свое значенiе она потеряла. На собранiи въ Парижѣ, въ память П. Д. Долгорукова П. Н. Милюковъ въ своей рѣчи сказалъ о «Бесѣдѣ» нѣсколько словъ, которыя показали, что даже онъ, несмотря на свою освѣдомленность въ русской общественной жизни, имѣлъ о «Бесѣдѣ» самое неточное представленiе. Разсматриваемая черезъ призму позднѣйшихъ политическихъ настроенiй «Бесѣда» стала мало понятна, какъ организацiя блѣдная и не яркая; ея интересъ былъ въ томъ, что она была типичнымъ образчикомъ тѣхъ забытыхъ общественныхъ настроенiй, которыя существовали, но не успѣли развиться. Существованiе ихъ и ихъ неудача объясняетъ многое въ ходѣ нашей исторiи. «Бесѣду» стоитъ припомнить и потому, что дѣятели ея вымираютъ; а люди, которые знаютъ ее лучше, чѣмъ я, о ней не говорятъ.

«Бесѣда», кружокъ, основанный въ началѣ 90-хъ годовъ, сначала на почвѣ просто личныхъ знакомствъ, въ извѣстный моментъ превратилась въ организованный центръ избранныхъ общественныхъ дѣятелей. Внѣшнимъ проявленiемъ ея жизни было издательство. Кружкомъ былъ выпущенъ рядъ сборниковъ опредѣленнаго идейнаго содержанiя: объ аграрномъ вопросѣ, объ основахъ мѣстнаго самоуправленiя, о конституцiонномъ устройствѣ различныхъ странъ и т. д. Изданiя сообщали полезныя свѣдѣнiя и

будили определенные интересы. По условіямъ времени кружокъ не имѣлъ права ставить на изданіяхъ свое имя. Это произошло позднѣе, при Святополкъ-Мирскомъ, и доставило нѣкоторымъ членамъ кружка наивную радость увидѣть на книгахъ родное слово «Бесѣда». До этого всѣ книги выходили какъ *личныя* изданія отдѣльныхъ членовъ.

Главное значеніе «Бесѣды» было не въ издательствѣ, а въ зачаткѣ «организаціи». «Бесѣда» связывала многихъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей всей Россіи. Почти всѣ губерніи имѣли въ ней своихъ представителей. Въ ней сосредоточивались свѣдѣнія и о томъ, какъ шла жизнь на мѣстахъ, и о томъ, что ей грозитъ сверху; изъ «Бесѣды» могла вдохновляться и мѣстная общественная дѣятельность. Раньше, чѣмъ въ Россіи образовались легальныя партіи, передовая общественность уже получила въ «Бесѣдѣ» свой объединяющій и направляющій центръ.

Я говорю «передовая общественность»; болѣе точно ее опредѣлить было-бы трудно. «Бесѣда» не хотѣла быть партіей съ опредѣленной программой; въ ней уживались и конституціоналисты, будущіе столпы кадетской партіи, Головинъ, Кокошкины, Долгоруковы, Шаховскіе и послѣдніе рыцари Самодержавія: Хомяковъ, Стаховичъ, Шиповъ. Характерно для «Бесѣды» было то, что въ ней, какъ во всемъ русскомъ обществѣ этого времени, передовыя направленія не были дифференцированы. Только «Освободительное Движеніе» въ кавычкахъ занялось разсаживаніемъ людей по опредѣленнымъ программамъ и стало клеймить, какъ отсталыхъ тѣхъ, кто не настаивалъ на конституціи и четырехвосткѣ. «Бесѣда» шла иною дорогой. Въ ней не было стремленія другъ отъ друга «отмежеваться». По позднѣйшимъ взглядамъ на вещи, въ этомъ былъ признакъ незрѣлости, но въ ней это проводилось сознательно. «Бесѣда» понимала наличность въ ея средѣ коренныхъ разномыслій. Еще до меня тамъ разъ былъ поставленъ во всей полнотѣ вопросъ о Самодержавіи и конституціи. Я познакомился съ этимъ

по протоколамъ. Въ этомъ спорѣ схватились лучшія силы и того и другого лагеря. Конечно, Самодержавіе, которое защищали нѣкоторые члены «Бесѣды», имѣло мало общаго съ тѣмъ, что въ это печальное время Самодержавіе изъ себя представляло. Но все же были люди, которые съ нимъ не только мирились, но стояли за него, какъ за наиболѣе подходящую къ Россіи форму правленія. И что знаменательно: послѣ горячаго обмѣна мнѣній, занявшихъ не одно засѣданіе, «Бесѣда» на этомъ не развалилась; то, что членовъ ея объединяло, казалось имъ сильнѣе этого принципіальнаго разномыслія.

Почвой, которая соединяла всѣхъ членовъ «Бесѣды» и давала имъ право причислять себя къ передовой русской общественности, была ихъ преданность идеѣ «самоуправленія». Это было conditio sine qua non принадлежности къ ней; *эта* идея отличала всѣхъ ея членовъ отъ оффиціальнаго Самодержавія. Но внѣ *этого* признака всѣ мнѣнія были свободны. «Бесѣда» покрывала и послѣдователей славянофильства, мечтавшихъ о Самодержавномъ Царѣ при свободной землѣ, и сторонниковъ народоправства, парламентаризма, гдѣ Монархъ царствуетъ, а не управляетъ. Оба эти направленія чувствовали себя другъ къ другу ближе, чѣмъ къ оффиціальному Самодержавію.

Въ «Бесѣдѣ» былъ еще характерный признакъ. Чтобы быть членомъ «Бесѣды» надо было не только стоять за самоуправленіе въ теоріи, нужно было служить ему своей *практической* дѣятельностью въ городскомъ или земскомъ самоуправленіи. Въ этомъ отношеніи «Бесѣда» была старомодна; она не пускала къ себѣ ни исключительныхъ теоретиковъ, «интеллигентовъ» въ чистомъ ихъ видѣ, ни даже третій элементъ земства. Интеллигенты, писатели и журналисты могли писать тѣ статьи и книги, которыя издавали члены «Бесѣды», но въ составѣ «Бесѣды» ихъ не было. Это проводилось умышленно. «Бесѣда» хотѣла стоять на почвѣ *практической* дѣятельности и опыта, не хотѣла за-

силья интеллигентскаго доктринерства; она не включала въ свою среду и третьяго элемента земскихъ служащихъ, считая ихъ органами земскаго *управленія,* а не самоуправленія. Въ «Бесѣдѣ» были исключительно выборныя лица — предводители, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, или просто видные земцы; *они* практически выражали въ Россіи идею самоуправленія. Это условіе придавало «Бесѣдѣ» опредѣленный характеръ; она была составлена изъ лицъ сравнительно обезпеченныхъ; по позднѣйшей терминологіи была собраніемъ цензовиковъ, носила «буржуазный» характеръ.

Въ эту «Бесѣду» мнѣ суждено было войти въ качествѣ ея Секретаря. Для меня, какъ я узналъ послѣ, было сдѣлано исключеніе. Я не былъ ни городскимъ, ни земскимъ работникомъ, былъ исключительно адвокатомъ, т. е. только интеллигентомъ. Но въ свое время приглашеніе меня не удивило; я былъ лично друженъ и близокъ съ большинствомъ ея тогдашнихъ участниковъ. Эти ли личныя отношенія, или то, что незадолго до этого мнѣ, того не подозрѣвая, пришлось поработать въ Сельско-Хозяйственномъ Комитетѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами «Бесѣды», или то, что за отъѣздомъ одного изъ ея членовъ на Дальній Востокъ «Бесѣдѣ» нуженъ былъ *Секретарь* и я былъ приглашенъ какъ бы въ качествѣ «третьяго элемента», но только я былъ принятъ въ число ея членовъ.

«Бесѣда» оставила во мнѣ самыя лучшія воспоминанія. Не потому только, что съ ней связаны впечатлѣнія моей личной политической молодости; была молода она сама, хотя въ ней были люди и стараго поколѣнія. Она до самаго конца олицетворяла молодость русской либеральной общественности. Въ ней были еще живы и сильны тѣ иллюзіи на безболѣзненное и мирное обновленіе Россіи, которыя позднѣе ослабли. Она не потеряла еще вѣры во власть и была полна вѣры въ русское общество. По самому составу она принадлежала къ средѣ избранныхъ лицъ, къ тѣмъ, ко-

го сейчасъ называютъ «элитой». Своей «избранностью» она дорожила и не стремилась «демократизироваться». Даже поскольку она претендовала направлять общественное мнѣніе, она обращалась только къ людямъ культурнымъ и зрѣлымъ и распространяла толко серьезную, не всѣмъ доступную литературу. Въ народныхъ массахъ она не имѣла ни малѣйшей опоры; въ этомъ была ея слабость, но и одна изъ причинъ ея своеобразнаго обаянія. Она въ извѣстной степени была отгорожена отъ увлеченій широкаго общества, оставалась вполнѣ независимой; въ ней не было ни слѣда демагогіи или исканія популярности. Въ ней думали и говорили о «пользѣ» народа, а не о «волѣ народа». Въ ней были серьезность, терпимость и уваженіе къ несогласнымъ; она не упрощала вопросовъ, не старалась бросать лозунговъ, соблазнительныхъ для «народа». Въ ней было мало пріемовъ позднѣйшей «политики».

Историческій интересъ «Бесѣды» въ томъ и заключался, что она какъ бы зафиксировала одинъ изъ этаповъ въ развитіи русской общественности, когда эта общественность еще не забыла традицій 60-хъ годовъ, помнила о сотрудничествѣ «власти» и «общества» и готовилась именно къ *этому.* Какъ бы отрицательно члены «Бесѣды» ни относились къ политическому курсу современной Россіи, они не мечтали о Революціи, не видѣли *въ ней* способа возстановить «законность и право». Они по происхожденію были сами связаны съ правящимъ классомъ, не прерывали близости съ представителями власти, вѣрили въ то, что безъ катастрофы власть можетъ пойти по пути соглашенія съ обществомъ. По традиціи на собраніяхъ «Бесѣды» первый день посвящался тому, что шутливо называлось «собираніемъ сплетенъ», т.-е. информированію о томъ, что не всѣмъ было доступно, что дѣлалось и предполагалось за кулисами власти. «Бесѣда» была по составу верхушкой русскаго общества; но будущее Россіи она видѣла не въ сохраненіи своихъ выгодъ и привилегій, и не въ аристократической или

капиталистической олигархіи. Продолжая традиціи 60-хъ годовъ, эту будущность она видѣла въ *земствѣ*, не предрѣшая формы о томъ, какъ сложится тогда русскій *государственный* строй.

«Бесѣда» осталась вѣрна этимъ старомоднымъ понятіямъ даже тогда, когда кругомъ нея забушевало «Освободительное Движеніе» и выбросило свои новые «лозунги». Многіе изъ членовъ «Бесѣды» примкнули тогда къ другимъ болѣе активнымъ и опредѣленнымъ организаціямъ, къ «Союзу Освобожденія», къ «группѣ земцевъ-конституціоналистовъ» и др. «Бесѣда» осталась для нихъ мѣстомъ встрѣчи съ тѣми, отъ кого они уже отошли, но съ кѣмъ пока врагами не стали. Здѣсь была еще возможность спора о томъ, что уже считалось рѣшеннымъ въ «освобожденческомъ» лагерѣ. Я уже говорилъ, какъ одна статья въ «Освобожденіи» «о государственномъ общественномъ мнѣніи», мнѣ живо напомнила споръ, въ которомъ В. М. Петрово-Соловово и Р. А. Писаревъ возражали противъ болѣе лѣвыхъ пораженческихъ настроеній. «Бесѣда», создавшаяся въ эпоху, когда либерализмъ былъ еще весь государственнымъ, а не «военнымъ», не могла не распавшись пойти за новыми настроеніями. Она отъ событій отстала и стала собираться все рѣже.

Когда въ самомъ концѣ «Освободительнаго Движенія» дифференціація передового земскаго лагеря пошла еще дальше, члены «Бесѣды» оказались въ враждебныхъ другъ другу политическихъ партіяхъ, кадетской, октябристской, націоналистской, которыя повели между собой борьбу, примирившись только передъ крушеніемъ Россіи, въ эпоху эфемернаго прогрессивнаго блока; тогда «Бесѣда» заглохла и умерла естественной смертью. Послѣ 17 октября она ни разу не собиралась; архивы ея до послѣднихъ дней хранились у меня, пока у меня ихъ не взялъ для разработки одинъ изъ старѣйшихъ членовъ «Бесѣды». Историческій интересъ къ ней остался и можетъ быть когда-нибудь еще выростетъ. Но

политическая роль ея была уже тогда окончена. Ей было нечего дѣлать.

«Бесѣда» относилась къ тому времени, когда стала пробуждаться земская среда и *она* вдохновляла воскресавшій земскій либерализмъ. «Бесѣда» давала ему элементарную идеологію, и стремилась вернуть земство къ той роли, которая была ему предназначена въ 60-хъ годахъ. На ней лежалъ отпечатокъ *этого* времени, и для ея процвѣтанія нужна была *тогдашняя* атмосфера. Послѣ 1905 г. для нея уже не было почвы. Но при началѣ «Освободительнаго Движенія» она была еще типична для передового русскаго земства.

*

* *

Другой земской организаціей, которой предстояла несравненно болѣе яркая роль, чѣмъ «Бесѣдѣ», было «земское объединеніе». Наша власть съ давнихъ поръ болѣе всего боялась въ земствѣ призрака объединенія. Она хотѣла ограничить земскую дѣятельность «мѣстными» интересами и въ попыткахъ обсуждать ихъ сообща видѣла уже «опасное направленіе». Эта политика была одной изъ тѣхъ, осуществить которую полностью можно было бы только при большевистскихъ пріемахъ; до большевиковъ сношенія между земствами всетаки происходили и оставалось ихъ игнорировать. Впрочемъ земства добились и большаго; при новомъ царствованіи нѣкоторый зародышъ фактическаго объединенія былъ *разрѣшенъ*. Начало этого любопытно.

Во время коронаціи 1896 года въ Москвѣ встрѣтились Предсѣдатели Губернскихъ земскихъ управъ и рѣшили ознаменовать событіе совмѣстнымъ *отъ всѣхъ земствъ общеполезнымъ дѣломъ*. Починъ шелъ отъ Самарскаго Земства, но роль объединителя имъ предоставлялась Предсѣдателю Московской Губернской Управы. Казалось бы, что эта благонамѣренная цѣль устраняла формальныя возраженія. И

однако противъ этого плана *возсталъ* Министръ Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкинъ, мотивируя это правительственнымъ недовѣріемъ къ земству. Несмотря на заступничество самого Великаго Князя Сергѣя, земцамъ отъ своего плана пришлось отказаться. Въ этомъ И. Горемыкинъ побѣдилъ, но это было такъ глупо, что онъ принужденъ былъ сдѣлать уступку и въ видѣ исключенія разрѣшилъ Предсѣдателямъ Губернскихъ Земскихъ Управъ собираться для обсужденія дѣловыхъ вопросовъ земской жизни, при условіи, чтобы это непремѣнно происходило на *частныхъ* квартирахъ, чтобы собранія были немногочисленны и, чтобы объ этомъ въ печать ничего не попадало. То, что согласіе власти игнорировать эти собранія уже считалось спеціальной *льготой* по отношенію къ земцамъ, что могъ быть *поставленъ* вопросъ о правѣ земскихъ людей собираться на *частныхъ* квартирахъ для обмѣна взглядовъ на дѣло, что можно было запретить совмѣстное ознаменованіе «коронаціи», характеризуетъ атмосферу этого времени, о которой не имѣютъ понятія тѣ, кто началъ сознательно жить послѣ 1905 г. *Такъ* создался первоначальный аппаратъ земскаго единенія.

Это нехотя уступленное земствамъ право очевидно отвѣчало назрѣвшей потребности. Оно не оставалось мертвой буквой; совѣщанія стали происходить по поводу различныхъ вопросовъ дѣловой земской жизни и привели къ созданію формальной организаціи. Любопытно, что полулегальный характеръ объединенія, которое только терпѣлось, на составъ его повліялъ. Тѣ, кто боялся увидѣть себя въ «оппозиціи», предпочитали на эти съѣзды не ѣздить; а при неоффиціальномъ характерѣ Съѣздовъ не было основанія не привлекать къ нему, кромѣ предсѣдателей губернскихъ управъ, еще и *другихъ видныхъ земцевъ.* Объединеніе предсѣдателей губернскихъ управъ само собой выростало въ объединеніе прогрессивной части русскаго земства, въ вліятельную группу передовыхъ земскихъ единомышленниковъ. Это

его сближало съ «Бесѣдой». Но если въ «Бесѣдѣ» такой подборъ дѣлался умышленно, былъ raison d'être кружка, то «Объединеніе» стояло на совершенно иныхъ основаніяхъ; оно объединялось для практической земской работы; *политическое* единомысліе въ немъ явилось только неожиданнымъ *результатомъ*. Земское объединеніе оказалось поэтому несравненно болѣе прочнымъ, чѣмъ «Бесѣда». «Бесѣда» кончилась съ окончаніемъ той политической идеологіи, которую она представляла. «Объединеніе» могло измѣнять свой характеръ и направленіе. Но въ эпоху, о которой я сейчасъ говорю, между этими организаціями еще было единомысліе. Почти всѣ видные дѣятели земства, начиная съ предсѣдателя Объединенія Д. Н. Шипова, входили въ «Бесѣду». Обѣ организаціи были родственны. И та, и другая отражали общія настроенія земства въ медовые мѣсяцы его возрожденія послѣ 80-хъ годовъ. Они вѣрили въ будущность земства, думали, что въ *его* развитіи спасеніе Россіи. Они не отвергали сотрудничество съ властью и не искали союзниковъ среди Ахеронта. Какія бы ни были между земцами различія въ зависимости отъ взглядовъ, возраста и темперамента въ *этомъ* они не расходились. Долгая практическая работа въ рамкахъ легальныхъ учрежденій въ этихъ взглядахъ ихъ воспитала; въ нихъ была настоящая *земская* линія.

Таковы были настроенія земства, когда С. Ю. Витте вынудилъ у Государя разрѣшеніе приступить къ широкому обсужденію нужныхъ преобразованій въ Россіи и согласіе привлечь къ этому дѣлу—*представителей русской общественности*. Судя по настроенію земскихъ людей сотрудничество было возможно. Конечно, подъ поверхностной коркой земской Россіи, подъ pays legal была вся страна, въ которой были другія настроенія, чѣмъ у земцевъ; тамъ были и революціонныя партіи, и революціонные лозунги, и благопріятная для нихъ революціонная атмосфера. Но страна ими охвачена еще не была. Верхній земскій слой пока съ ними не шелъ. Революціонныя предпріятія оказались бы обез-

оружены, если бы правительство сумѣло примирить власть съ разумной общественностью. Всѣ это хорошо понимали. Была въ большой модѣ фраза Бисмарка, напечатанная какъ эпиграфъ къ изданному въ то время собранію сочиненій К. Д. Кавелина: «сила революціонныхъ теченій не въ ученіи ихъ вожаковъ, а въ небольшой дозѣ умѣренныхъ требованій, своевременно не удовлетворенныхъ». Если бы *эти* требованія были удовлетворены, какая преграда была бы ими противопоставлена мечтателямъ революціи! Эти послѣдніе, очевидно, стали бы упрекать умѣренный либерализмъ въ измѣнѣ, и это ходячее предсказаніе раздававшееся постоянно было лучшимъ свидѣтельствомъ *дѣйствительности* и *успѣшности подобной* политики. На это разсчитывалъ Витте и для такого разсчета основанія были.

И въ данномъ случаѣ не нетерпѣніе незрѣлаго общества сорвало эту попытку. Это сдѣлало само Самодержавіе, въ лицѣ того, кто представлялъ его темныя стороны, В. К. Плеве. Вина за зло, которое Освободительное Движеніе потомъ причинило Россіи, политически развративъ ея передовую общественность, лежитъ поэтому прежде всего на Самодержавіи.

Глава XI.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. ВИТТЕ. ПЛЕВЕ.

Тогдашняя общественность навстрѣчу попыткѣ Витте пошла, хотя безъ энтузіазма. Земцы *ему* не довѣряли послѣ его знаменитой записки о западномъ земствѣ; они, кромѣ того, были обижены тѣмъ, что представители земскихъ собраній въ Комитеты не были призваны. Но эту обиду они въ себѣ побороли и рѣшили не упускать представившагося случая.

Я тогда еще не былъ въ «Бесѣдѣ» и не знаю, какъ *тамъ* этотъ вопросъ обсуждался. По позднѣйшей практикѣ не

сомнѣваюсь, что обсужденіе линіи поведенія началось именно въ «Бесѣдѣ»; ея рѣшенія позднѣе были предложены Объединенію. Объ одномъ я слышалъ позднѣе, что въ «Бесѣдѣ» было постановленіе, чтобы всѣ уѣздные предводители, отъ которыхъ зависѣло приглашать въ Комитеты всѣхъ, кого они считали полезными, — приглашали *весь* составъ уѣздныхъ собраній. Это дѣйствительно имѣло мѣсто во многихъ уѣздахъ.

Но хотя я членомъ «Объединенія» не былъ, я помню то его совѣщаніе, которое Шиповъ созвалъ въ маѣ 1902 г., черезъ мѣсяцъ послѣ убійства Сипягина, чтобы установить земскую тактику въ работѣ будущихъ Комитетовъ. Я видалъ тогда нѣкоторыхъ пріѣхавшихъ членовъ «объединенія». Въ моей памяти сохранились ихъ разговоры. Помню, съ какимъ восторгомъ М. А. Стаховичъ разсказывалъ о дѣловитости, разумности, лойяльности Шиповскаго Совѣщанія и о принятыхъ на немъ резолюціяхъ. Земцы были обижены; имъ было легко ограничиться выраженіемъ этой обиды и отказаться отъ всякаго участія въ Комитетахъ. Предложенія въ этомъ смыслѣ были сдѣланы, но Совѣщаніе на нихъ не пошло. Оно нашло компромиссъ, способъ примирить свой долгъ отстаивать права земскихъ собраній съ отрицаніемъ позднѣйшей любимой тактики «бойкота» и «обструкціи». Было рѣшено, что приглашенныя оффиціальныя земскія лица будутъ вносить свои записки въ комитеты отъ своего *личнаго* имени, а потомъ доводить ихъ до свѣдѣнія земскихъ собраній, чтобы оно выразило свое согласіе или несогласіе съ ними.

Затѣмъ Совѣщаніе утвердило программу, которая могла быть основой для подаваемыхъ въ Комитетъ записокъ. Эта программа явилась какъ бы резюме общаго земскаго мнѣнія по поставленному на обсужденіе Россіи вопросу. Она изложена въ книгѣ Шипова — Воспоминанія и Думы, на стр. 165—168. Программа эта характерна. Совѣщаніе понимало, что затрудненія сельско-хозяйственной промышлен-

ности не въ одной области агрономическихъ мѣропріятій, что они только деталь *общей* политики. И собраніе не уклонилось отъ *широкой* постановки вопроса. Но его голосъ былъ голосомъ практиковъ, которые понимали не только, что было *нужно* Россіи, но и что было *возможно* при тогдашней политической коньюнктурѣ. Они, конечно, указали на необходимость разрѣшить *крестьянскій* вопросъ, на желательность реформъ въ области земской дѣятельности, на малое развитіе просвѣщенія. Они не оставили безъ оцѣнки и тяжесть для населенія тогдашней экономической и финансовой политики государства. Но въ области болѣе общей государственной политики они были очень осторожны; они указали только *на желательность большей свободы печати* при обсужденіи насущныхъ вопросовъ государственной жизни. Не было намека на конституцію, на Земскій Соборъ или на иную форму народнаго представительства. Не было помысловъ объ «извѣстныхъ русскихъ поговоркахъ», или позднѣйшемъ фетишѣ — Учредительномъ Собраніи.

Поскольку Витте представлялъ собой *либеральное Самодержавіе*, Совѣщаніе Земцевъ его цѣлямъ вполнѣ *соотвѣтствовало*. У нихъ оказался общій языкъ. Самодержавіе получило шансъ повторить шестидесятые годы. Въ этомъ случаѣ успѣхъ Витте былъ бы успѣхомъ не только либерализма, но и Самодержавія, успѣхомъ «*либеральнаго Самодержавія*». Но именно на этой дорогѣ Витте и столкнулся со своимъ главнымъ противникомъ — Плеве.

Плеве понялъ, и въ этомъ былъ правъ, что успѣхъ «Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства» будетъ побѣдой либерализма; что тотъ, кто сказалъ «а», долженъ будетъ сказать и «б». Это былъ тотъ-же споръ, который въ 81 году столкнулъ Лорисъ-Меликова съ Побѣдоносцевымъ. Плеве не хотѣлъ либеральнаго Самодержавія. Онъ рѣшилъ, что игра становится слишкомъ опасна и что «безсмысленнымъ мечтаніямъ» положить предѣлъ надо сразу. Совѣщаніе у Д. Н. Шипова дало ему въ руки предлогъ. Онъ

имъ воспользовался. Онъ изобразилъ передъ Государемъ это Совѣщаніе, во-первыхъ, какъ *незаконное*, а во-вторыхъ, какъ заговоръ противъ начинанія власти. Онъ получилъ отъ Государя полномочія «принять мѣры». Онѣ были своеобразны. Всѣмъ участникамъ Совѣщанія, нѣкоторымъ лично черезъ В. К. Плеве, а большинству черезъ губернаторовъ былъ объявленъ «Высочайшій выговоръ». Выговоръ не имѣлъ неудобныхъ послѣдствій для тѣхъ, кто его получилъ; но послѣдствія его для самого Самодержавія были громадны.

Сейчасъ трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое вызвалъ не только въ земской средѣ этотъ отвѣтъ Самодержавія. Политическая жизнь была только въ зародышѣ, а активная общественность немногочисленна. События въ ней ощущались поэтому особенно остро и получали особенный резонансъ. Тѣ, кто подвергся выговору, стали героями дня. Ударъ былъ нанесенъ всему дѣлу реформы, самой идеѣ «либеральнаго Самодержавія» и тѣмъ, кто *ее* представлялъ. Первый ударъ былъ по Витте. Ходъ Плеве поставилъ его въ фальшивое и даже некрасивое положеніе. Выговоръ былъ объявленъ тѣмъ, кто откликнулся на *его* зовъ и хотѣлъ *ему* помогать. А защитить ихъ онъ *не смогъ*. Его положеніе въ либеральной средѣ никогда не было прочнымъ; оно стало теперь невозможнымъ. Витте хотѣлъ бороться, но его дѣло было безнадежно проиграно. А Витте все еще этого признать не хотѣлъ. Онъ не понималъ, какъ его можно было считать отвѣтственнымъ за дѣйствія Плеве. На страницахъ «Освобожденія» смѣялись надъ нимъ и давали ему единственный совѣтъ — *уходить*. Онъ пытался отстоять то, что было возможно, но Плеве былъ сильнѣе его. Самодержавіе было съ нимъ, а не съ Витте. 26 февраля 1903 года былъ изданъ Манифестъ совершенно противорѣчившій Виттевской крестьянской программѣ, тому, что онъ хотѣлъ провести черезъ Особое Совѣщаніе. А затѣмъ самое Совѣщаніе было закрыто, не доведя работъ до конца, и всѣ архивы переданы Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Сдѣлано это было помимо Вит-

те такъ, что объ этомъ онъ узналъ изъ газетъ. Наконецъ 16 августа того же 1903 года Витте былъ отставленъ отъ поста Министра Финансовъ. Съ нимъ и съ его идеей «либеральнаго Самодержавія» было покончено.

Не меньшій, чѣмъ самому Витте ударъ былъ нанесенъ тому *земскому либерализму*, который еще вѣрилъ въ возможность либеральнаго Самодержавія и хотѣлъ работать съ нимъ вмѣстѣ. На глазахъ у всѣхъ обнаружилось, что представителемъ Самодержавія былъ не Витте, а Плеве. Идея «либеральнаго Самодержавія» отходила въ область химеръ и иллюзій.

Все это разыгрывалось во вторую половину 1902 и въ первую 1903 года. И понятны послѣдствія этого. Уже раньше кружкомъ лѣвыхъ земцевъ и интеллигенціей былъ основанъ «Союзъ Освобожденія» и его заграничный органъ *Освобожденіе.* Въ іюнѣ 1902 года вышелъ первый номеръ журнала съ его новой программой: «прежде всего долой Самодержавіе». Къ этому теченію, превратившемуся въ «Освободительное Движеніе» примыкали и тѣ земцы, которые продолжали быть членами «Бесѣды»; тутъ было уже внутреннее противорѣчіе. Освобожденіе и его руководители на инициативу Витте смотрѣли свысока, какъ на безнадежную и вышучивали тѣхъ, кто могъ къ ней относиться серьезно. Но Освободительное Движеніе тогда еще не выработало своей тактики «обструкціи» и «бойкота»; оно еще не старалось, какъ стало стараться потомъ, *мѣшать* такимъ начинаніямъ. *Это* за нихъ сдѣлало *Самодержавіе;* оно въ эти годы начала движенія стало вербовать движенію новыхъ сторонниковъ. Такъ повторялась исторія обреченныхъ режимовъ. Желая спасти Самодержавіе Витте наносилъ ему роковой ударъ.

* *
*

Витте былъ побѣжденъ и отставленъ; либеральные земцы посрамлены за «безсмысленныя мечтанія» о соглашеніи

съ Самодержавіемъ. «Освободительное Движеніе» сразу получало поддержку въ событіяхъ. Однако, его лозунги еще очень медленно проникали въ толщу народа. Россія для этого была слишкомъ большой, разнокультурной и инертной страной. Что представлялъ изъ себя тогда россійскій обыватель? Не фанатики революціонеры, которые ждали Революціи еще въ 60 годахъ, не профессіональные- политики изъ нашей интеллигенціи, а juste milieu, масса, которая составляла основу и порядка и власти? Это настроеніе всегда интересно измѣрить по объективнымъ даннымъ; ихъ въ извѣстной степени можно найти въ работахъ сельско-хозяйственныхъ Комитетовъ.

Заведенная Витте машина уже не могла привести ни къ чему, но все же вертѣлась. Комитеты были оставлены и работали. О чемъ они тогда думали? Если бы *черезъ 2 года* ихъ стали спрашивать, что нужно для подъема сельскаго хозяйства въ Россіи, ихъ отвѣтъ былъ бы единодушенъ и простъ. Комитеты бы заявили, что никакія улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ немыслимы, пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равного и тайнаго голосованія для написанія конституціи. Въ 1902—3 годахъ такъ не говорили и даже не думали. Работы комитетовъ не привели ни къ чему; но они дали любопытный матеріалъ, который подвергся сводкамъ и переработкамъ. Методъ такой обработки страдалъ однимъ перворожденнымъ грѣхомъ. Онъ не считался съ тѣмъ, что резолюціи Комитетовъ зависѣли отъ ряда *случайныхъ* причинъ, отъ личности и поведенія предсѣдателя, отъ манеры вести засѣданія, отъ наличности въ Комитетѣ людей, которые хотѣли провести черезъ нихъ свои взгляды. Эти условія сказывались на резолюціяхъ, но отъ учета ускользали. Интересны были бы не столько сводки, сколько безпристрастные разсказы о томъ, какъ работали Комитеты и почему были приняты ихъ резолюціи. Для иллюстраціи я хочу припомнить Звенигородскій Комитетъ, въ которомъ мнѣ пришлось впервые вы-

ступить на общественномъ поприщѣ. Онъ показателенъ для средней, обывательской Россіи этого времени.

Такимъ характеромъ Комитетъ обязанъ былъ своему Предсѣдателю графу Шереметеву. Это былъ одинъ изъ тѣхъ представителей стараго родовитаго дворянства, которыхъ уже тянуло къ новымъ условіямъ жизни. Его воспитаніе заставляло его любить старину. Ее онъ любилъ какъ эстетъ, съ трогательной и наивной нѣжностью; съ любовью собиралъ, хранилъ и издавалъ литературу недостаточно оцѣненныхъ и недостаточно цѣнившихъ себя русскихъ талантовъ, какъ П. В. Шумахеръ и И. Ф. Горбуновъ. Но одновременно съ пристрастіемъ къ родной старинѣ Шереметевъ былъ и культурнымъ европейцемъ, знавшимъ и любившимъ европейскую жизнь и цивилизацію, готовымъ заимствовать отъ нея, что въ ней было хорошаго. Любовь къ родной старинѣ вела его, незамѣтно для него самого, къ идеализаціи прошлаго, къ оптимистическому взгляду на будущее. Онъ вѣрилъ въ мирное перерожденіе Россіи безъ скачковъ и переворотовъ. Сталъ однимъ изъ основателей «Бесѣды», убѣжденнымъ поклонникомъ земской работы; не чуждался третьяго элемента, защищалъ его отъ нападокъ администраціи, скандализуя свой кругъ дружбой съ «неблагонадежными» элементами. Въ немъ не было революціоннаго темперамента, но много довѣрія и къ власти и къ обществу.

Люди этого типа искренно обрадовались попыткѣ Самодержавія выйти на новый путь, повѣрили въ ея искренность и поддерживали ее безъ заднихъ мыслей. А личное положеніе Предсѣдателя ограждало и его Комитетъ отъ провокаціоннаго вмѣшательства администраціи. Это сдѣлало Комитетъ цѣннымъ для наблюденія; современныя настроенія можно было въ немъ наблюдать въ чистомъ ихъ видѣ.

Я уже указывалъ, что по настоянію Д. С. Сипягина особое Совѣщаніе устранило земскія собранія отъ участія въ Комитетахъ. Нѣкоторые предводители по инициативѣ «Бесѣды» пригласили отъ себя членовъ земскихъ собраній въ

полномъ составѣ. Такъ поступилъ Рузскій предводитель князь П. Д. Долгоруковъ и его жестъ былъ отмѣченъ «Освобожденіемъ», какъ «политически элегантный». *Безъ* похвалы «Освобожденія», нашъ предводитель сдѣлалъ то-же самое.

Но онъ пригласилъ и меня принять участіе въ работахъ его Комитета. Хотя я былъ съ дѣтства землевладѣльцемъ, но никакого отношенія къ *земской* дѣятельности не имѣлъ. Когда позднѣе я разъ вздумалъ принять участіе въ земскихъ выборахъ, то оказалось, что въ списки избирателей я никогда не былъ вносимъ. Никакихъ поводовъ поэтому къ моему приглашенію не было. Едва ли можно его объяснить чѣмъ либо, кромѣ желанія Предводителя возможно шире использовать всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ жителей его уѣзда.

Я получилъ приглашеніе послѣ 1-го засѣданія, когда работы Комитета уже начались. Я плохо представлялъ себѣ, въ чемъ онѣ заключались, и ѣхалъ изъ любопытства. Для меня, какъ интеллигента и адвоката, была интересна не судьба сельскаго хозяйства въ Россіи, а политическая игра, которая около этого вопроса стала разыгрываться; было соблазнительно увидать ее своими глазами .

Звенигородъ былъ въ 15 верстахъ отъ желѣзной дороги. По дорогѣ я интервьюировалъ ямщика, пытаясь узнать, что онъ слышалъ про Комитетъ. Я натолкнулся не только на незнаніе, но и отсутствіе интереса къ вопросу. Ямщикъ былъ освѣдомленъ, что въ городѣ съѣздъ, что много народу остановилось въ гостиницахъ. Но кромѣ вопроса о сѣдокахъ и постояльцахъ, онъ не интересовался ничѣмъ; о томъ, что съѣздъ дѣлаетъ, онъ не слыхалъ. Въ 60 верстахъ отъ столицы, гдѣ былъ «шумъ», кипѣла «словесная война» — еще царила «вѣковая тишина». Черезъ три бурныхъ года, когда въ іюлѣ 1905 года на квартирѣ Долгорукова въ Москвѣ собирался 3-й земскій съѣздъ, въ которомъ участвовали всероссійски извѣстные представители земской Россіи, и было извѣстно, что съѣздъ запрещенъ и что власти собира-

ются его разогнать, С. А. Муромцевъ съ грустью указывалъ мнѣ на русское равнодушіе. Онъ уже былъ втянутъ въ игру, которая дала ему громкое имя, но его погубила. Онъ отлично видѣлъ слабыя стороны общественнаго возбужденія. Не забуду его тогдашняго наблюденія: «въ другихъ странахъ, говорилъ онъ, весь городъ былъ бы около насъ; у насъ всѣ сидятъ дома и выжидаютъ, чѣмъ это кончится». Это равнодушіе не противорѣчило тому, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тѣ-же люди кипѣли, бурлили и выражали только крайнія мнѣнія.

Но если равнодушію въ столицѣ въ 1905 году Муромцевъ могъ удивляться, то въ уѣздномъ городѣ Звенигородѣ въ 1902 году оно было естественно. Кромѣ профессіональныхъ политиковъ изъ интеллигентовъ никого не занималъ вопросъ о направленіи нашей государственной жизни. Ямщикъ повезъ меня къ дому Земской Управы; я бывалъ тамъ не разъ въ качествѣ защитника на сессіяхъ окружного суда отъ кружка уголовныхъ защитниковъ. Засѣданіе уже началось; за длиннымъ столомъ подковой сидѣло нѣсколько десятковъ людей; я увидалъ многихъ знакомыхъ мнѣ москвичей, о которыхъ не подозрѣвалъ, что мы земляки; большинство было сѣрое, изъ тѣхъ степенныхъ крестьянъ, которые попадали въ уѣздные гласные.

Разговоры шли неоживленно. Предсѣдатель разспрашивалъ неинтеллигентную часть Комитета, стараясь втянуть его членовъ въ бесѣду. Онъ сознательно принялъ такой методъ работы; на многолюдномъ собраніи легко «провести» готовую резолюцію. *Этого* онъ не хотѣлъ; онъ хотѣлъ развязать у крестьянъ языки, узнать, что они думаютъ, безъ давленія какого бы то ни было рода. Объ этомъ онъ предупредилъ интеллигентовъ, просилъ ихъ уступить младшимъ первое мѣсто, какъ это дѣлаютъ на военныхъ совѣтахъ. Этотъ планъ онъ проводилъ добросовѣстно. Но впечатлѣніе отъ работы, такъ поставленной, было грустно. Уровень преній былъ очень низокъ; онъ не подымался вы-

ше частныхъ вопросовъ и претензій, для которыхъ не стоило собирать комитетовъ.

Любопытна другая черта. Въ умахъ большинства сидѣла идея, что комитеты надѣлены *властью* и могутъ принять нужныя мѣры, что-то *приказать* или *запретить*. Всѣ были разочарованы, когда поняли, что происходитъ только теоретическая «разработка» вопроса. Для простого ума это было слишкомъ тонко. Самая обстановка собранія, его оффиціальный характеръ, присутствіе на немъ мѣстныхъ властей, не мирились съ тѣмъ, что Комитетъ созванъ только для разговоровъ, и ничѣмъ «распорядиться» не можетъ. Было нетрудно убѣдиться, какъ обывателей мало интересовалъ нашъ государственный строй и какъ они были далеки отъ идеи раздѣленія властей, отъ вѣры въ пользу преній, резолюцій, комиссій и т. д. Крестьяне наивно разсчитывали на «распоряженія», которыя будутъ сдѣланы Комитетомъ, когда они выложатъ ему свои пожеланія. Они и интересовались лишь тѣмъ, чего можно было тотчасъ достигнуть. Когда затрудненія, о которыхъ они говорили, оказывались связаны съ общими условіями жизни, они съ ними мирились, какъ бы говоря: «ничего не подѣлаешь». У нихъ не было охоты идти къ первопричинамъ, и наводящіе въ этомъ направленіи вопросы интеллигентовъ встрѣчались недружелюбно, какъ попытки «запутать» вопросъ. По психологіи Комитета можно было понять, какія преимущества имѣла реальная власть надъ самой убѣдительной «оппозиціей» и какъ власти было бы легко оторвать обывателя отъ демагогическихъ программъ интеллигенціи. Власти было нужно много стараній, чтобы это свое преимущество потерять. Передъ закрытіемъ засѣданія Предсѣдатель подвелъ итогъ тому, что говорилось, и формулировалъ вопросы, которые передъ Комитетомъ были затронуты. Работы были прерваны на нѣсколько времени, а я былъ приглашенъ принять участіе въ составленіи журнала съ изложеніемъ преній.

Въ этой работѣ, уже въ Москвѣ, кромѣ Предсѣдателя, участвовали Ф. Ф. Кокошкинъ и типичный представитель третьяго элемента, ведшій записи въ засѣданіи А. Н. Егорьевъ. Надлежало изложить пренія, придавъ имъ хоть какую-нибудь систематичность и связность. Тутъ я дивился мастерству Ф. Ф. Кокошкина. Я давно зналъ его, но работать съ нимъ мнѣ до тѣхъ поръ не приходилось. Я восхищался искусствомъ, съ которымъ онъ вылавливалъ изъ запутанной рѣчи то, что было въ ней цѣннаго, систематизировалъ выступленія, разбивалъ ихъ на двѣ идеологическихъ группы, связывая каждое заявленіе съ общимъ пониманіемъ и находя стройность тамъ, гдѣ казалась одна безтолковщина. Это искусство было особенностью таланта Кокошкина. Онъ обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ проникать въ чужую мысль, иногда недостаточно ясную самому автору, и излагать ее съ чарующей простотой. Въ громадномъ популяризаторскомъ талантѣ Кокошкина была правда и оборотная сторона. Его не разъ упрекали за излишнюю схематичность, за стремленіе все *упрощать*. Въ этомъ упрекѣ была доля правды. Кокошкинъ былъ все-таки теоретикъ, несмотря на свое занятіе земской дѣятельностью. Но безспорныя теоріи часто извращались капризами нашей дѣйствительности; многое шло не такъ, какъ это предвидѣлъ Кокошкинъ. Но въ то время, въ сумбурѣ русской реальности, Кокошкинъ былъ незамѣнимъ своимъ яснымъ умомъ и непоколебимой вѣрой въ торжество научныхъ теорій. Не могу не прибавить, что при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу нашъ отчетъ оказался все-же прикрашеннымъ.

Когда работы Комитета возобновились, послѣ крестьянъ заговорили интеллигенты; ими кромѣ того было подано много *записокъ*. Вспоминая ихъ, я остаюсь при впечатлѣніи о несоотвѣтствіи ихъ задачѣ, которая стояла передъ Россіей, т. е. преобразованію Россіи безъ революціоннаго потрясенія. Были дѣловыя записки, посвященныя конкретнымъ вопросамъ въ рамкахъ существовавшаго строя безъ

претензій *его измѣнить.* Онѣ были часто и наблюдательны и умны; указывали на несомнѣнное зло и на дѣйствительныя мѣры къ его устраненію. Но все же причины отсталости сельскаго хозяйства въ Россіи были *не въ указываемыхъ этими записками частностяхъ.* Другія записки шли къ первоисточнику зла. Но онѣ не указывали, *какъ* его устранить. Отсутствіе опыта въ управленіи государствомъ позволяло смотрѣть на трудности этой задачи очень легко. Основной вопросъ, какъ при тогдашнемъ состояніи власти, народа и интеллигенціи, использовать иниціативу исторической власти и помочь ей преобразовать Россію, не соскользнувши въ авантюру революціоннаго переворота — нашу общественность не занималъ.

Для иллюстраціи этого я хочу пополнить разсказъ воспоминаніемъ о своемъ собственномъ выступленіи въ Комитетѣ; оно характерно и для тогдашней политической атмосферы и для того, какъ тогда можно было дѣлать «карьеру» въ нашей общественности.

Отъ меня никто не ждалъ ничего. Но мнѣ самому стало неловко не принимать активнаго участія въ Комитетѣ и ограничиваться позиціей «наблюдателя». Я рѣшилъ, по примѣру другихъ, представить «записку».

Большинство вопросовъ, которыми Комитетъ занимался, были отъ меня очень далеки. Я не былъ настоящимъ сельскимъ хозяиномъ; доходовъ съ имѣнія не получалъ и получать не стремился. Мое хозяйство было тратой денегъ. Можетъ быть поэтому у меня сохранились съ крестьянами наилучшія отношенія, а о затрудненіяхъ, которыя стояли передъ хозяиномъ, я зналъ лишь по наслышкѣ. На нихъ я глядѣлъ равнодушными глазами горожанина и интеллигента. Вопросъ о процвѣтаніи сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ и крестьянскаго, былъ для меня предлогомъ, къ которому я могъ прицѣпить политическіе идеалы правового порядка. Я тогда не принадлежалъ ни къ какой-нибудь партіи, ни къ Союзу Освобожденія. Я подошелъ къ темѣ само-

стоятельно, и лишь по обыкновенію всѣхъ, кто имѣлъ счастье знать Л. В. Любенкова, пошелъ съ нимъ посовѣтываться и получилъ отъ него, уже разбитаго параличомъ, благословеніе. Такъ я написалъ жиденькій докладъ, закончивъ его рядомъ общеполитическихъ тезисовъ.

Докладъ былъ элементаренъ и, какъ это и полагалось русскому интеллигенту, все выводилъ изъ ряда теоретическихъ предпосылокъ. Сельская промышленность, разсуждалъ я, есть видъ промышленности вообще, а значитъ для своего преуспѣванія требуетъ тѣхъ самыхъ условій, какъ и всякая промышленность, т. е. свободы иниціативы, огражденія правъ и т. п. И изъ этого я дѣлалъ всѣ прочіе выводы. Я затронулъ и крестьянскій и земскій вопросы, выступалъ противъ крестьянской сословности, ратовалъ за расширеніе компетенціи земства и т. д. Конечно, ко всѣмъ этимъ вопросамъ я отнесся съ тою поверхностностью, съ которой общественность вообще тогда давала совѣты. Я ограничился провозглашеніемъ принциповъ, не думая ни о постепенности, съ которой ихъ можно было вводить, ни о томъ, какъ примирить равноправіе съ тѣми особенностями крестьянскаго положенія, которыя для него оставались полезными. Смущаться этими затрудненіями казалось такой же отсталостью, какъ затрудняться надѣлять безграмотное населеніе полнотой политическихъ правъ. Моя записка отражала въ себѣ правильность направленія либеральной политической мысли и безпомощность въ практическомъ осуществленіи этой мысли. Много позднѣе, когда въ IV Государственной Думѣ мнѣ пришлось быть докладчикомъ закона 5 октября 1906 года и когда, почти одновременно съ этимъ, я докладывалъ сначала Петербургскому, а потомъ Московскому юридическому обществу планъ практическаго разрѣшенія аграрнаго вопроса, напечатанный уже наканунѣ Революціи въ «Вѣстникѣ Права», я могъ осознать, какимъ лепетомъ были наши записки и прославленные кадетами ихъ законопроекты въ I Государственной Думѣ. Я могъ убѣдиться,

насколько намъ могло быть полезно прохожденіе бюрократической школы подъ руководствомъ такихъ реализаторовъ, какимъ былъ Витте! Но на этихъ главныхъ вопросахъ я въ своей запискѣ остановился недолго. Я скоро перешелъ къ тому, что было болѣе знакомо намъ, интеллигентамъ, къ благодарной темѣ о беззащитности обывателя противъ власти, о безсиліи законовъ въ Россіи, о неогражденности личности передъ государствомъ, о беззаконіяхъ, которыя существуютъ благодаря отсутствію гласности и т. п. Въ порядкѣ такихъ разсужденій я дошелъ до «свободы печати»; ни конституціи, ни Земскаго Собора, ни привлеченія выборныхъ представителей для обсужденія законодательныхъ вопросовъ, я не касался. Я понималъ, что если идти дальше, въ средѣ Комитета начались бы разногласія. Я не хотѣлъ нарушать миръ и согласіе, не подозрѣвая, что и мой столь осторожный докладъ все-таки окажется бомбой.

Я послалъ записку въ Звенигородъ наканунѣ очередного собранія. Предсѣдатель Управы Артыновъ, ночевавшій у предводителя, мнѣ разсказалъ, какъ утромъ Предводитель протянулъ ему мою записку со словами: «полюбуйтесь...» Она не могла ему понравиться шаблонностью содержанія и уклономъ въ политику; но онъ сохранилъ корректность и вида не показалъ.

Засѣданіе началось съ оглашенія нашихъ записокъ. Пренія были отнесены къ голосованію тезисовъ. Пока я свою записку читалъ, многіе улыбались, какъ чему то знакомому. Иные, особенно мой земскій начальникъ Сумароковъ, дѣлали жесты негодованія. Въ перерывѣ я ощутилъ, что попалъ въ «герои». При большемъ опытѣ это можно было предвидѣть: но интересно было, *какъ* оффиціально отнесется ко мнѣ Комитетъ и особенно, какъ въ душѣ будетъ реагировать его сѣрая масса — крестьянство.

Когда при обсужденіи записокъ очередь дошла до моей, насъ ждалъ сюрпризъ. Земскій начальникъ Сумароковъ заявилъ, что записка не имѣетъ отношенія къ дѣламъ Ко-

митета и что онъ протестуетъ противъ ея обсужденія. Это былъ для Комитета неожиданный тонъ. Предсѣдатель его осадилъ. Онъ объяснилъ, что одинъ отвѣтственен за ходъ работъ, что записку считаетъ относящейся къ дѣлу, и что если Сумароковъ хочетъ, онъ можетъ отъ обсужденія воздержаться. Сумароковъ просилъ отмѣтить его заявленіе въ протоколѣ, но въ залѣ остался. Началось обсужденіе. Первыя главы записки, крестьянскій и земскій вопросы, безспорно входили въ тему занятій, а нѣкоторые на первый взглядъ безобидные тезисы (Крестьянскій Банкъ) вызвали неожиданно споры. Протестъ Сумарокова обнаруживалъ свою тенденціозность и ему стало совѣстно. Вопреки первоначальному заявленію онъ принялся дѣлать замѣчанія съ мѣста, вполнѣ приличныя, иногда даже благожелательныя къ моимъ тезисамъ, и только когда очередь дошла до болѣе щекотливой главы объ «отвѣтственности должностныхъ лицъ» за беззаконія, онъ уже другимъ, мирнымъ тономъ, какъ будто чтобы оправдать недавнюю рѣзкую выходку, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: «но послушайте, В. А., какое же отношеніе имѣетъ это къ сельскому хозяйству?..» Тутъ послѣдовалъ для него главный конфузъ. Одинъ изъ крестьянскихъ земскихъ гласныхъ, типичный домохозяинъ, въ армякѣ, съ длинной бородой, не разъ принимавшій участіе въ преніяхъ, при томъ въ самомъ *охранительномъ* смыслѣ, неожиданно всталъ и, обращаясь къ Предсѣдателю, заявилъ:

«Ваше Сіятельство, это самое главное...»

Это замѣчаніе, вышедшее изъ крестьянской консервативной среды, произвело громадное впечатлѣніе. Въ дальнѣйшемъ я для приличія сталъ приводить къ каждому тезису поясненія, почему эти тезисы, даже свобода печати, къ сельскому хозяйству все же относятся. Со мной больше не спорили. Правые члены Комитета, вѣроятно, довольные той умѣренностью, которую я обнаружилъ въ политической области, видя, что обычно послушная крестьянская масса *не съ ними*, не захотѣли углублять задѣтыхъ мною вопро-

совъ и предпочитали молчать; всѣ мои тезисы прошли единогласно. Это конечно не означало, что Комитетъ былъ съ ними согласенъ и даже, что ихъ понималъ. Это было общимъ явленіемъ. Такъ «проводили» резолюціи черезъ неподготовленныя къ нимъ собранія. Въ демагогіи мы были искуснѣе нашихъ противниковъ.

Отмѣчу характерный курьезъ. Въ одномъ только пунктѣ я встрѣтилъ горячія возраженія. По поводу Крестьянскаго Банка я указалъ на несправедливость порядка, который въ то время еще существовалъ, а именно, что банкъ не помогалъ индивидуальнымъ крестьянамъ, а только коллективамъ-обществамъ и товариществамъ. Я предлагалъ помощь Банка распространить на отдѣльныхъ крестьянъ, по теперешней терминологіи на «единоличниковъ». Этотъ вопросъ былъ доступенъ крестьянскому пониманію и потому около него завязались горячія пренія. Противъ меня съ азартомъ сталъ выступать между прочимъ тотъ самый Егорьевъ, съ которымъ мы вмѣстѣ составляли журналъ Комитета. Не знаю его политической принадлежности, не то с.-р., не то народникъ, но онъ былъ полонъ сантиментальной идеологіи, видѣвшей въ коллективахъ зародышъ соціализма, которому нужно потому оказать покровительство. Онъ нападалъ на меня за то, что я предлагаю поддержку «кулаковъ», и разоблачалъ эту мою зловредную тенденцію въ Комитетѣ горячась на хохлацкомъ жаргонѣ, пересыпая рѣчь словами «чуете».

Не помню, было ли это мое предложеніе принято: во всякомъ случаѣ единомыслія не было, и противъ меня, какъ это часто со мною бывало потомъ, голосовали мои *единомышленники.* Народолюбивые элементы этого времени не отдавали себѣ отчета, какъ неполно то равноправіе, котораго они для крестьянъ добивались; во имя симпатіи къ соціализму они хотѣли держать крестьянъ въ той клѣткѣ общей собственности, которой для себя не захотѣли бы.

Мое выступленіе сыграло нѣкоторую роль въ моей лич-

ной судьбѣ. Репрессій ни противъ Комитета, ни противъ меня принято не было. Обязаны ли мы были этимъ вліянію Предводителя или такту губернатора Булыгина, я не знаю. Но лично *мнѣ* была сдѣлана имъ незаслуженная, но характерная реклама.

Она была усилена случайной подробностью. Предводитель рѣшилъ особой книжкой издать работы Комитета. Губернаторъ поставилъ условіемъ, чтобы *мой* докладъ былъ *опущенъ*. Предводитель отказался этому подчиниться, если *я* не буду на это *согласенъ;* иначе онъ предпочитаетъ книжку вовсе не выпускать. Конечно, я спорить не сталъ; тогда были напечатаны только мои тезисы съ примѣчаніемъ, что «по просьбѣ Предсѣдателя Комитета и съ согласія автора самый докладъ не печатается». Мой докладъ опубликованія и не заслуживалъ; но загадочное примѣчаніе въ связи съ характерными тезисами подстрекнуло любопытство и обратило на меня вниманіе нашей общественности.

Я въ этомъ скоро могъ убѣдиться. В. М. Гессенъ, съ которымъ я въ то время еще не былъ знакомъ, выпуская книгу о работахъ Сельско-Хозяйственныхъ Комитетовъ, просилъ меня прислать ему мой докладъ и посвятилъ моимъ тезисамъ больше вниманія, чѣмъ они стоили. А въ результатѣ его книги я не успѣвалъ мой докладъ перестукивать и посылать его тѣмъ, кто за нимъ ко мнѣ обращался. Онъ въ общемъ нравился умѣренностью. Даже мой братъ Николай, бывшій тогда Начальникомъ Отдѣленія Казенной Палаты въ Тамбовѣ, написалъ мнѣ свое удовольствіе. Неожиданно для себя я попалъ въ «общественные дѣятели»; въ это политическое «утро любви» все было просто и малого требовалось, чтобы оказаться въ средѣ героевъ общественности. И этому дѣтскому докладу я вѣроятно обязанъ былъ тѣмъ, что меня пригласили въ «Бесѣду».

Эпизодъ Звенигородскаго Комитета не стоилъ бы упоминанія, если бы онъ не былъ характеренъ для общаго настроенія этого времени, когда передъ Россіей были открыты еще

обѣ дороги. Мы стояли на грани революціонной бури, но буря еще не начиналась. Настроеніе страны не было революціоннымъ, ни въ низахъ, ни въ верхахъ. Власть имѣла возможность примирить съ собою страну. Но изъ того, что обывательская масса Революціи не хотѣла, а о конституціи не слыхала, не слѣдовало заключать, будто она была своей *судьбой довольна.* Когда мой старый крестьянинъ по вопросу о злоупотребленіяхъ власти объявилъ: «Это самое главное», это было откровеніемъ, на которое закрывать глаза для умной власти было бы опасно. Но зато и въ устраненіи этого зла была прекрасная почва для примиренія съ обывателемъ.

* * *

Но Плеве понималъ задачу не такъ. Онъ продолжалъ идти на проломъ. Именно въ эти два года можно было видѣть услугу, которую онъ оказалъ «Освободительному Движенію». Плеве какъ будто забылъ о революціонерахъ. По отношенію къ нимъ принимались даже нѣкоторыя внѣшне-благожелательныя мѣры. Въ 1903 году былъ возстановленъ разборъ *судами* политическихъ дѣлъ; на мѣсто Директора Департамента Полиціи онъ назначилъ А. А. Лопухина, Московскаго Прокурора, какъ будто желая ввести законность въ эту спеціальную область войны. Тогда же при немъ была нѣкоторая терпимость къ марксистской журналистикѣ. Конечно, не надо преувеличивать. Плеве революціи не мирволилъ; но онъ ея *не боялся.* Онъ свое вниманіе сосредоточилъ на тѣхъ либералахъ, кто революціонеровъ чуждался и хотѣлъ лойяльно сотрудничать съ *властью.* Ихъ онъ сталъ преслѣдовать съ неслыханной раньше и непонятной озлобленностью. Витте съ его идеаломъ либеральнаго Самодержавія былъ побѣжденъ и уволенъ. Д. Н. Шиповъ легальный человѣкъ, камергеръ, сторонникъ Самодержавія, не былъ утвержденъ Предсѣдателемъ Московской Губернской Управы. Незадолго до своей смерти Плеве хотѣлъ уволить отъ должности М. А. Стаховича, Орловскаго Предводителя, о чемъ самъ предупреждалъ его брата Алексѣя Александро-

вича, адъютанта Великаго Князя Сергѣя. Плеве особенно враждебно относился къ земскому третьему элементу, ставилъ Шипову въ вину его къ нему доброжелательство; а вѣдь привлеченіе «демократической интеллигенціи» къ практической земской работѣ, къ «дѣлу» было лучшимъ способомъ отрывать ее отъ революціонныхъ утопій.

Такъ «либерализмъ», мечтавшій о возвращеніи къ «славной порѣ» Самодержавія, сталъ главной мишенью для Плеве. Онъ велъ съ нимъ борьбу, понимая, что каждая новая репрессія плодитъ ему новыхъ враговъ, что справиться съ ними труднѣе, чѣмъ съ террористами, которыхъ онъ уничтожилъ въ 80-ые годы. Онъ злился на тѣхъ, кто не хотѣлъ сдаваться передъ нимъ. «Чѣмъ больше я ихъ узнаю, тѣмъ менѣе они мнѣ симпатичны»—говорилъ онъ про либеральныхъ общественныхъ дѣятелей. Онъ не остановился наконецъ передъ послѣднимъ средствомъ борьбы; онъ сдѣлалъ попытку искусственно вызвать въ странѣ подъемъ патріотизма, который могъ бы заглушить недовольство правительствомъ. Онъ въ интересахъ *порядка внутри* рискнулъ использовать безумство Дальне-Восточныхъ авантюристовъ, которые вели насъ къ войнѣ.

Нельзя было бы придумать лучшей политики для успѣха «освободительныхъ» лозунговъ. Каждый день приносилъ доказательства, что при тогдашнемъ Самодержавіи никакихъ улучшеній ждать невозможно. Стоитъ читать первый годъ «Освобожденія», чтобы увидѣть какого незамѣнимаго сотрудника «Освободительное Движеніе» имѣло въ правительствѣ, какъ освобожденская тактика, обструкція, бойкотъ, разжиганіе недовольства — вытекла сама собой изъ политики этихъ годовъ. Земскіе люди съ ихъ старою либеральною земскою линіей сближались все больше съ военной идеологіей «Освободительнаго Движенія». Да и послѣднее само лѣвѣло по мѣрѣ успѣха.

Новое направленіе требовало новыхъ руководителей. Они появились, заслонили собой дѣятелей прежняго времени.

Началась эра самоувѣренности, насмѣшекъ надъ тѣми, кто больше вѣрилъ русскому опыту, чѣмъ «литературѣ предмета». Русская проблема стала казаться очень простой съ тѣхъ поръ, какъ все свелось къ замѣнѣ Самодержавія народоправствомъ по четыреххвосткѣ. И сама обывательская масса медленно двигалась за новыми вожаками; они говорили ей вещи понятныя и пріятныя; по ея пониманію эти вожаки вели за собой Революцію и потому должны были умѣть ею владѣть. Въ этой надеждѣ самое разнообразное общество двигалось влѣво.

Тѣ, кто не хотѣлъ идти въ хвостѣ за Революціей, но терялъ вѣру въ Самодержавіе, оставались безъ почвы; они наблюдали и ждали. Одни принимали новый курсъ съ философскимъ спокойствіемъ, другіе съ ироническимъ смѣхомъ. Однажды на журфиксѣ Предсѣдателя Московскаго Окружного Суда Н. В. Давыдова, послѣ чтенія различныхъ правительственныхъ документовъ и переписки возбуждавшихъ общій смѣхъ, Н. В. Давыдовъ замѣтилъ: «когда и гдѣ это бывало, чтобы гостей цѣлый вечеръ забавляли, какъ веселой и занимательной литературой — чтеніемъ оффиціальной корреспонденціи?» Другіе смѣяться уже не могли. Я помню это время, помню почтенныхъ, разумныхъ, вліятельныхъ людей, которые впадали въ отчаяніе. «Такъ продолжаться больше не можетъ», «Когда это кончится»! — вотъ фразы, которыя всѣ говорили, и на которыя никто не могъ дать отвѣта. Создавалось нездоровое тревожное настроеніе, которое является великолѣпной питательной средой для революціонныхъ дерзаній. Они были заранѣе окружены общимъ сочувствіемъ и молчаливымъ содѣйствіемъ. И Плеве, который основываясь на воспоминаніяхъ прошлаго боялся не Революціи, который имѣя главу Боевой Организаціи Азефа своимъ тайнымъ сотрудникомъ террористовъ не опасался, 15 іюля 1904 г. палъ отъ руки террористовъ, подъ руководствомъ Азефа.

Глава XII.

«ВЕСНА» СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКАГО. ПОПЫТКА «ЛИБЕРАЛЬНАГО САМОДЕРЖАВІЯ».

Эта смерть была встрѣчена почти всеобщею радостью. Радовались даже тѣ, кто по убѣжденіямъ не могъ убійству сочувствовать. Помню какъ въ этотъ день Св. Владиміра, я возвращался изъ Клина, съ именинъ В. И. Танѣева. Кто-то мнѣ эту вѣсть сообщилъ. Въ купэ вагона я встрѣтилъ кн. Е. Н. Трубецкого и сказалъ ему новость. Всѣ бывшіе въ вагонѣ незнакомые люди отвѣтили радостными восклицаніями. У самого Е. Н. Трубецкого сразу просіяли глаза, и онъ поднялъ руку для крестнаго знаменія, выраженіемъ лица какъ бы говоря: Слава Богу! Но тотчасъ опомнился и сказалъ: «царство Небесное»!

Радовались смерти изъ понятнаго чувства озлобленія на временщика, который сдѣлалъ Россіи столько непоправимаго зла. Но кромѣ того всѣмъ стало сразу ясно, что прежняя политика продолжаться не можетъ. Въ этомъ общество не ошиблось. Плеве былъ послѣдней ставкой агрессивнаго Самодержавія; въ самомъ окруженіи Государя эта политика уже вызывала сомнѣнія. Я говорилъ, что и самъ Плеве ей повидимому больше не вѣрилъ. Переломъ направленія послѣ убійства министра былъ очень понятенъ, а въ послѣдніе годы Россіи вовсе не новъ. Мы получили «сердечное попеченіе» Вановскаго послѣ убитаго Боголѣпова, *Друга* Финляндіи Оболенскаго послѣ убійства Бобрикова. На такую же роль примирителя съ русской общественностью послѣ В. К. Плеве былъ назначенъ кн. Святополкъ-Мирскій. Такое назначеніе было бы очень хорошо послѣ убійства Сипягина; но два года управленія Плеве такъ увеличили трудность задачи, что она была не по силамъ честному и благодушному Мирскому. Для того чтобы справиться съ такою задачей ну-

женъ былъ человѣкъ калибра Столыпина. Мирскій имъ не былъ.

Его назначеніе было сначала встрѣчено недоумѣніемъ. Его недостаточно знали. Но его личность скоро опредѣлилась. Это былъ человѣкъ идеальной честности и душевной чистоты. Позднѣе во время его опалы я съ нимъ познакомился; эти его свойства бросались въ глаза. Мало было людей, которые бы внушали такое довѣріе, въ которыхъ такъ мало было замѣтно лукавства, или заднихъ мыслей. Можетъ быть поэтому онъ былъ такъ чувствителенъ ко всякой неправдѣ другихъ, и она его такъ огорчала. По своему существу Святополкъ-Мирскій не былъ политикъ и потому сумѣлъ остаться насквозь джентельменомъ. Многихъ удивляло, *какъ* могъ онъ при такихъ свойствахъ служить при Сипягинѣ товарищемъ Министра Внутрен. Дѣлъ? Но Мирскій былъ человѣкомъ военнымъ; подчиненіе дисциплинѣ было для него не «тактикой», а «нравственнымъ» требованіемъ. Онъ служилъ Самодержцу по тексту присяги не за страхъ, а за совѣсть. Политики, которые требуютъ голосованія по рѣшеніямъ партіи, должны понимать, что человѣкъ, воспитанный въ служебной дисциплинѣ, менѣе ихъ могъ отстаивать обязательность своего личнаго мнѣнія и бросать постъ, на который онъ былъ Государемъ поставленъ. Святополкъ-Мирскій вышелъ изъ службы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ тѣмъ же, кѣмъ въ нее вступилъ, рыцаремъ безъ упрека и страха. Такъ военные выходятъ незапятнанными изъ проигранной ими кампаніи, если честно повиновались приказамъ.

Эти свойства чистой души, отсутствіе заботъ о личной карьерѣ, Святополкъ-Мирскій принесъ на постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Это было важно и цѣнно. Но какой программой собирался онъ спасать Самодержавіе отъ враговъ, которыхъ создала политика Плеве?

Святополкъ-Мирскій прошелъ школу административной службы, а не общественной дѣятельности; онъ зналъ

свой лагерь и его недостатки; признавалъ *его* вину за то, что происходило въ Россіи. Боевую политику *противъ общества* онъ осуждалъ. Но онъ мало зналъ нашу общественность и совсѣмъ не подозрѣвалъ, въ какое состояніе политика Плеве ее привела. Его понятіе объ общественныхъ дѣятеляхъ было отсталымъ; оно составилось по тѣмъ избраннымъ людямъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Въ лагерѣ противниковъ власти Мирскій зналъ или революціонныхъ утопистовъ, съ которыми никакое соглашеніе невозможно, или людей либеральнаго, но государственнаго образа мыслей, которые должны были быть опорой для власти. Потому онъ надѣялся, что, устранивъ безсмысленныя репрессіи Плеве, онъ спокойствіе сразу вернетъ. Онъ не зналъ, что знакомый ему либерализмъ уже переродился и примиренія съ властью самъ *не хотѣлъ*.

Соотвѣтственно своему пониманію Мирскій счелъ нужнымъ тотчасъ успокоить раздраженіе общества. Во вступительной рѣчи къ чинамъ Министерства онъ сказалъ нашумѣвшія слова о «необходимости довѣрія къ общественнымъ силамъ» и приступилъ къ отмѣнѣ главныхъ одіозныхъ мѣръ Плеве. Многія состоявшіяся высылки были отмѣнены, начатыя тенденціозныя ревизіи земствъ прекращены. Новый духъ Министерства почувствовался тотчасъ въ печати. Кн. Е. Н. Трубецкой напечаталъ въ «Правѣ» знаменитую статью, которая смѣлостью и ясностью выраженій произвела впечатлѣніе бомбы; черезъ нѣсколько дней «Гражданинъ» или «Московскія Вѣдомости», или и тотъ и другой объявили, что они долго ждали для «Права» заслуженной кары, но не дождавшись, принуждены признать, что это очевидно *новый курсъ* Мирскаго и что такой курсъ есть *измѣна*. Для первыхъ шаговъ это было краснорѣчиво и давало Мирскому право на кредитъ у нашего общества. Но общество уже было не то. Его требованія все возрастали. Помню, что даже «Бесѣда» не вполнѣ была удовлетворена вступительной рѣчью Мирского. Ему поставили въ вину, что онъ упомя-

нулъ о манифестѣ 26 февраля 903 г. А. А. Стаховичъ, сослуживецъ Мирскаго по полку, разсказывалъ въ «Бесѣдѣ» о своемъ первомъ послѣ назначенія свиданьи съ нимъ и объ упрекахъ, которые онъ ему за это упоминаніе сдѣлалъ. Мирскій былъ изумленъ. Въ манифестѣ 903 г. были и хорошія мысли. Какъ министръ государя, а не Революціи Мирскій долженъ былъ связывать свою политику съ объявленной волей Государя. Неудовольствіе за простую ссылку на Минифестъ, очень сложный и внутренно противорѣчивый, показывало, насколько общество становилось *прямолинейнымъ* и *требовательнымъ*. А вѣдь члены «Бесѣды» врагами Святополкъ-Мирскаго не были, неудачи его не желали. Но и «Бесѣда» ужъ не была характерной для общаго настроенія. «Освобожденіе» въ лицѣ своихъ руководителей судило строже. Оно просто издѣвалось надъ Мирскимъ. П. Милюковъ писалъ 2-го октября 904 года, въ статьѣ подъ ироническимъ заголовкомъ «Новый курсъ»...

«...Изъ Петербурга сыплятся новости одна другой сенсаціоннѣй: возвращеніе опальныхъ писателей, земцевъ, *отмѣна запрещенія для земцевъ сообща заниматься патріотизмомъ*... Дѣлайте свой новый курсъ, но на насъ не разсчитывайте; мы не дадимъ вамъ ни одного своего человѣка, не окажемъ вамъ никакого кредита, не дадимъ никакой отсрочки, пока вы не примите всей нашей программы».

Это было объявленіемъ войны не только «курсу довѣрія» Мирскаго, но и тѣмъ, кто этимъ курсомъ могъ соблазниться. «Если кто-нибудь изъ насъ вамъ скажетъ (писалъ Милюковъ въ той-же статьѣ), что онъ можетъ вамъ открыть кредитъ, не вѣрьте ему; онъ или обманываетъ или самъ обманывается. Вы можете, если сумѣете, переманить его на вашу сторону, но знайте: съ той минуты, какъ онъ станетъ вашимъ, онъ уже перестанетъ быть нашимъ, и стало быть перестанетъ быть нуженъ и вамъ». Вотъ какъ встрѣтили руководители «Освободительнаго Движенія» примирительный курсъ Мирскаго. Они въ немъ усмотрѣли опасность слишкомъ ранняго мира, а мириться совсѣмъ не собирались.

Политическое положеніе было гораздо сложнѣе, чѣмъ казалось благодушному Мирскому. Его уже начали поносить и справа и слѣва. А онъ не былъ крупнымъ политикомъ, преисполненнымъ вѣры въ себя, способнымъ другихъ увлекать. Онъ долженъ былъ найти себѣ опору въ общественномъ мнѣніи. Конечно, онъ не могъ принять программу «Освободительнаго Движенія», съ ея Учредительнымъ Собраніемъ по четыреххвосткѣ. Осуществить ее могла бы только побѣдоносная Революція. Онъ же по своимъ личнымъ симпатіямъ былъ какъ и Витте сторонникомъ только либеральнаго Самодержавія; но если Витте, какъ человѣкъ исключительно крупный, имѣлъ для такого Самодержавія *свою* программу, то у Мирскаго ея еще не было. Иниціативу реформъ онъ изъ своихъ рукъ выпускалъ, предоставивъ свободу общественности. свои пожеланія высказать.

«Освободительное Движеніе» ихъ давно объявило. Но въ этотъ моментъ на сценѣ появилась другая болѣе разумная и практическая сила — русское земство. Если эта среда и имѣла много нитей, связывавшихъ ее съ «Союзомъ Освобожденія», то тогда она еще съ нимъ не слилась, а могла выступать самостоятельно. Но не трудно было увидѣть, что и она была уже не той, какой была раньше. Программные слова Мирскаго о довѣріи къ земству, конечно, въ немъ откликъ нашли. Тогда послѣдовала первая земская демонстрація, проявленіе негласнаго земскаго объединенія. Шли сессіи земскихъ уѣздныхъ собраній и на нихъ всѣхъ принимались привѣтствія Мирскому, съ напоминаніемъ словъ о «довѣріи» и о томъ, что должны значить эти слова. Все это было вполнѣ лойяльно, но уже очень внушительно. Но этого мало. Бюро земскаго объединенія, которое со времени разгрома при Плеве ни разу не собиралось, рѣшило созвать общее совѣщаніе на ноябрь 1904 г. и поставить на его обсужденіе рядъ *политическихъ общихъ вопросовъ*. Созывомъ этого совѣщанія земцы только возвращались къ традиціи, нарушенной Плеве. Мирскій не только не хотѣлъ ей *мѣ-*

шать, но счелъ нужнымъ пойти дальше прежней *терпимости.* Узнавъ про предстоящій Съѣздъ отъ С. Н. Гербеля, занимавшаго должность Начальника Управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, а раньше въ качествѣ земца бывшаго членомъ такихъ совѣщаній, Святополкъ Мирскій по собственной инціативѣ испросилъ на него Высочайшее разрѣшеніе. Если вспомнить, что Д. Н. Шиповъ былъ не утвержденъ Предсѣдателемъ Губернской Управы за работу по созданіи «земскаго объединенія», то *такой* жестъ со стороны новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ былъ *знаменателенъ.* Онъ дѣйствительно возвѣщалъ наступленіе новой эры въ отношеніи правительства къ земству. Но этотъ шагъ привелъ земцевъ въ смущеніе. Во-первыхъ, Высочайшее согласіе на съѣздъ не могло не помѣшать ставить вопросъ чистой политики. А, главное, при оффиціальномъ характерѣ совѣщанія имъ было бы трудно сохранить прежній составъ.

Я уже указывалъ раньше, какъ объединеніе оффиціальныхъ представителей земскихъ управъ переродилось въ собраніе «единомышленниковъ», представителей *либеральнаго направленія въ земствѣ.* Замѣнить этихъ людей предсѣдателями губернскихъ управъ — значило бы вынуть изъ этого своеобразнаго учрежденія душу. Шиповъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ о разочарованіи земцевъ, когда они про свою «побѣду» узнали; передаетъ и свою собственную интересную бесѣду объ этомъ съ Министромъ. Святополкъ-Мирскій указывалъ, что именно вопросы *общей* политики правильнѣй обсуждать въ собраніяхъ уполномоченныхъ представителей земствъ. Шиповъ этого не оспаривалъ. Онъ ссылался только на то, что время не терпитъ; что *правильной общеземской организаціи* нѣтъ по винѣ самого Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что вмѣсто нея пока есть суррогатъ и съ нимъ надо мириться. Если бы земцы были искренни, то они должны бы были признать, что болѣе дорожатъ тѣмъ частнымъ совѣщаніемъ, которое обезпечивало гегемонію *либеральнаго* направленія, чѣмъ оффиціальной

организаціей, которая рисковала бы выдвинуть *другихъ* руководителей.

Политическое расхожденіе земцевъ и ихъ представительства свою роковую роль сыграло позднѣе. Въ 1904 г. это еще не сознавалось; Шиповъ и Святополкъ-Мирскій думали только, какъ имъ выйти изъ того неловкаго положенія, въ которое неосторожно испрошенное Высочайшее соизволеніе Святополкъ-Мирскаго ставило. Въ переговорахъ, которые велись между ними, были новы предупредительная уступчивость Министра Внутреннихъ Дѣлъ и непреклонность земцевъ. Земцы не захотѣли сдѣлать ни единой уступки, о которыхъ Мирскій просилъ; ни въ срокѣ съѣзда, ни въ программѣ, ни хотя бы въ мѣстѣ созыва. И такъ какъ было очевидно невозможно придать Высочайшимъ согласіемъ оффиціальный характеръ собранію лицъ *неуполномоченныхъ*, то оставалось продолжать считать съѣздъ собраніемъ *частнымъ*. Мирскій долженъ былъ признаться Государю, что ввелъ его въ заблужденіе. Онъ это сдѣлалъ. Этимъ онъ показалъ, что дорожилъ земской поддержкой, что его слова о довѣріи не были только словами. Но земцы, которые для того, чтобы выручить Мирскаго, не согласились отложить Съѣзда на нѣсколько дней, показали, что имъ *не* дорожили. Это было характерно для новыхъ отношеній власти и общества. И типично отношеніе къ этому эпизоду «Освобожденія». Онъ вызвалъ въ немъ только насмѣшки надъ Мирскимъ. П. Милюковъ въ статьѣ «Фіаско новаго курса» вышучивалъ «плачевную роль, которую сыгралъ по отношенію къ Съѣзду либеральный министръ внутреннихъ дѣлъ». «Бѣдный, бѣдный министръ; онъ не зналъ, что по нынѣшнему времени нельзя уже злоупотреблять фразами о «довѣріи» къ обществу... Князь Святополкъ-Мирскій честный человѣкъ; пусть же онъ не беретъ на себя двухсмысленной роли и, если не хочетъ быть активно честнымъ, — пусть останется честнымъ хотя пассивно... *Пусть уходитъ* — и пусть уходитъ скорѣе, чтобы дать мѣсто другимъ, чтобы открыть просторъ для новаго эксперимента... Во всякомъ случаѣ намъ, которые ни-

чего не ожидали отъ «новаго курса» — его скорая ликвидація можетъ быть только желательна».

Вотъ какъ Освободительное Движеніе относилось къ политикѣ Мирскаго.

Земцы, къ счастью, этими настроеніями проникнуты еще не были. *Политическіе* руководители остались при своемъ остроуміи. Совѣщаніе земства собралось и, какъ должно было признать «Освобожденіе», превратилось, несмотря на свой частный характеръ, въ «историческое событіе громадной политической важности». Это не преувеличено. Впервые и вѣрнѣе, чѣмъ когда-либо позже, здѣсь прозвучалъ голосъ *зрѣлаго русскаго общества.*

На съѣздъ собралось все, что было лучшаго въ земствѣ. Съѣздъ былъ не многолюденъ, около 100 человѣкъ. Были и предсѣдатели управъ, и предводители и просто выборные гласные. Всѣ были *земскіе* люди. Фронтъ присутствовавшихъ былъ все же очень широкъ; здѣсь были и идейные защитники Самодержавія, какъ Д. Н. Шиповъ, и старые конституціоналисты, какъ Петрункевичъ и Родичевъ. Они въ то время могли еще дѣлать общее дѣло и имѣть общій языкъ, какъ и въ «Бесѣдѣ»; и большая половина членовъ этого съѣзда дѣйствительно принадлежала къ «Бесѣдѣ».

Послѣ трехдневнаго совѣщанія (7—9 ноября) съѣздъ принялъ программу, изложенную въ 11 пунктахъ. Это та самая программа, которая была принята земцами на Шиповскомъ совѣщаніи въ маѣ 1902 г. и за которую всѣмъ былъ объявленъ Высочайшій выговоръ. Она — логическое развитіе реформъ 60-хъ годовъ, крестьянской, судебной и земской; классическая программа русскаго либерализма, не терявшаго надежды на «увѣнчаніе зданія», но и не ставившаго его *непремѣнной предпосылкой.* Въ 1902 г. на этой программѣ могла бы состояться совмѣстная работа либеральнаго общества и правительства, чего тогда испугался Плеве. Теперь послѣ двухлѣтней политики Плеве и пропаганды Освободи-

тельнаго Движенія даже земское объединеніе *этимъ* удовлетвориться уже не могло. Въ маѣ 1902 г. земцы говорили только о бо̀льшей свободѣ печати. Теперь въ ноябрѣ 1904 именно земцы первые не въ анонимныхъ статьяхъ нелегальныхъ журналовъ, а открыто за личной отвѣтственностью единогласно приняли пунктъ о *народномъ представительствѣ*.

Правда, единогласно высказавшись за представительство, земцы разошлись по вопросу о его полномочіяхъ; противъ 71 голоса, поданнаго за конституцію, 27 голосовъ были за совѣщательный органъ. Но отъ этого мнѣніе большинства вышло только опредѣленнѣе. Можетъ быть, именно благодаря этому разногласію, точки на і были поставлены, и стало ясно, что рѣчь идетъ «о конституціи». Съ другой стороны было характерно для земской Россіи, что даже идейные враги конституціи *прежняго* Самодержавія уже не хотѣли; и они признавали *необходимость* имѣть *выборный* совѣщательный *органъ*. Въ *единодушномъ утвержденіи этого* было первое значеніе съѣзда. Выставляя это требованіе, земцы уже отходили отъ программы, на которой могло когда-то состояться ихъ соглашеніе съ Витте. Политика Плеве плоды свои принесла. Впервые прежнее Самодержавіе было осуждено *всѣми* земцами и большинство ихъ требовало уже конституцію. Подобнаго поступка со стороны русскихъ земствъ въ исторіи его еще не было.

Но въ этомъ Съѣздѣ была другая особенность, не менѣе важная, но конечно гораздо менѣе оцѣненная общественнымъ мнѣніемъ. Земскій Съѣздъ громаднымъ большинствомъ высказался за «конституцію», но одновременно съ съ этимъ показалъ, что *революціоннаго переворота* не хочетъ. И въ этомъ отношеніи съ Освободительнымъ Движеніемъ онъ разошелся. Лозунгъ «Освободительнаго Движенія» его не увлекъ. Учредительнаго Собранія онъ не только не требовалъ, но его единогласно отвергъ. Противникомъ его выступилъ даже такой человѣкъ, какъ Ф. Ф. Кокошкинъ;

онъ отмѣтилъ въ своей рѣчи, что Учредительныя Собранія образуются только въ эпоху анархіи и что желательно, чтобы новый порядокъ былъ сразу установленъ Верховной властью, т. е. *чтобы конституція была октроирована.*

Именно этотъ характеръ Земскаго Съѣзда и сдѣлалъ его событіемъ историческимъ. Онъ заслонилъ всѣ другія событія. Помню, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого Съѣзда я былъ въ Петербургѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Ф. Плевако велъ дѣло М. А. Стаховича, обвинявшаго въ клеветѣ кн. Мещерскаго. Этотъ, еще начатый при Плеве процессъ, возбуждалъ большой интересъ въ кругу свѣтской общественности. Оказавшись въ центрѣ процесса, я перевидалъ тогда много людей. Все было полно разсказами и надеждами, связанными съ Земскимъ Съѣздомъ. Земство стояло на авансценѣ. Оно первое «потребовало» наконецъ «конституціи». Но это было мало. Земская резолюція не была повтореніемъ «извѣстной русской поговорки». Она была цѣлой *программой,* достойной передового слоя общественности. И можно было видѣть, какъ ушли за два года событія. Въ 1902 г. за программу безъ всякой конституціи земства получили выговоръ и запрещеніе вновь собираться. А теперь, въ 1904 г., несмотря на требованіе конституціи, Министръ не отсылаетъ земцевъ къ прокурору, а ихъ резолюцію докладываетъ Государю. Если земцы нашли, наконецъ, либеральнаго, понимающаго ихъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, то не менѣе отрадно было и то, что нашелся слой русской общественности, который могъ понимать положеніе и сдѣлаться *опорою власти.* И недаромъ Мирскій, предлагая программу преобразованій *Государю,* взялъ за ея основаніе *резолюцію Земскаго Съѣзда, не исключивъ изъ нея и пункта о представительствѣ.* Это былъ новый опытъ примиренія власти съ либеральной общественностью.

Правда, взявъ за основаніе резолюцію Съѣзда, Мирскій ее взялъ въ редакціи *меньшинства,* предлагая не конституцію, а «совѣщательное представительство». Но вѣдь это было все-таки громаднымъ шагомъ впередъ; за меньшее ко-

гда-то слетѣлъ Лорисъ-Меликовъ, а позднѣе Игнатьевъ. Любопытная и поучительная кривая событій. Въ 1902 г. для примиренія съ обществомъ Самодержавіе могло не давать никакого представительства; въ 1904 совѣщательнаго представительства было уже недостаточно; миѳъ о Сибиллѣ, который въ первомъ номерѣ Освобожденія такъ кстати привелъ Милюковъ, получилъ въ этомъ хорошую иллюстрацію.

Было ли бы этой уступки достаточно? Сейчасъ это можетъ быть только академическимъ споромъ. Возможно, что къ совѣщательному представительству отнеслись бы такъ, какъ отнеслись позднѣе при Булыгинѣ, т. е. увидѣли бы въ немъ только способъ продолжать войну съ Самодержавіемъ. Но одно несомнѣнно. Объявленіе «представительства» въ этотъ моментъ откололо бы отъ «Освободительнаго Движенія» его наиболѣе зрѣлую часть и придало бы вѣсъ земской средѣ. Она стала бы самостоятельной политической силой, опирающейся на союзъ съ государственной властью, а не идущей въ хвостѣ Революціи. Но это уже академическій споръ.

Земцы показали себя и передовой и разумною силой. Но усиліями Союза Освобожденія и безумной политикой Плеве уже было создано то широкое «Освободительное Движеніе», въ кавычкахъ, у котораго была совсѣмъ другая программа и тактика. Резолюція земскаго Съѣзда имъ показалась малодушіемъ или измѣной. Лозунгомъ Освободительнаго Движенія было Учредительное Собраніе по 4-хвосткѣ, а земцы его отвергали; тактикой—обструкція и бойкотъ всѣхъ, кто бы хотѣлъ съ Самодержавіемъ помириться, а земцы заключили соглашеніе именно съ Министромъ Самодержавнаго Государя. Среди самихъ участниковъ Земскаго Съѣзда нѣкоторые считали, что уступили слишкомъ много. Примѣръ земцевъ, которые произнесли запрещенное слово, вынесли крамольную резолюцію, и изъ которыхъ никто не былъ ни арестованъ, ни сосланъ, показалъ руководителямъ движенія, что можно идти дальше и вести свое дѣло, не

приспуская знаменъ. Такъ сейчасъ же послѣ Съѣзда началась «банкетная кампанія» съ настоящими Освобожденческими лозунгами—полнымъ народоправствомъ и Учредительнымъ Собраніемъ по 4-хвосткѣ.

*

* *

Эта форма борьбы могла показаться смѣшной. Организаторы шутливо называли себя «кулинарной комиссіей». Въ нихъ было дѣйствительно много совсѣмъ несерьезнаго. На банкеты шли изъ любопытства, изъ снобизма, изъ моды. Шли люди никакой политикой не занимавшіеся и нашедшіе, что *такая* политика занятіе очень пріятное. Страшные лозунги ихъ не пугали; они надъ ними смѣялись. Но смѣяться не приходилось. Что подумали бы теперь въ эмиграціи, если бы узнали, что въ Россіи происходятъ банкеты, что на нихъ произносятъ рѣчи на тему «долой совѣтскую власть», и «да здравствуетъ Учредительное Собраніе»? Ясно стало бы, что большевизмъ побѣжденъ, если такую кампанію допускаетъ. Но кампанія была бы и сама своеобразнымъ средствомъ борьбы, огранизацiей настроеній и силъ. То-же было при Самодержавіи. Основныя условія диктатуръ одинаковы. Ихъ подрываетъ выраженіе свободнаго мнѣнія. Банкетная кампанія 1905 года для торжества освободительныхъ лозунговъ была показательна и полезна; она и готовила и предвѣщала конецъ. Но за то *мирной политикѣ Земскаго Съѣзда и Мирскому* она только мѣшала. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Шиповъ говоритъ съ огорченіемъ, какъ «Союзъ Освобожденія» открытой имъ «банкетной кампаніей» затруднилъ планъ земцевъ и Мирскаго. Шиповъ въ одномъ ошибался. Кампанія была вызвана не излишней горячностью, не тѣмъ, что она не предусмотрѣла опасныхъ послѣдствій своихъ выступленій. Она была сознательной тактикой тѣхъ, которые въ выступленіи земцевъ усмотрѣли опас-

ность, боялись продешевить, ибо хотѣли не примиренія съ властью, а войны до «полной побѣды». Но съ другой стороны эта кампанія была и на руку тѣмъ, кто пугалъ Государя призракомъ Революціи, кто указывалъ на безпочвенность земцевъ, на то, что уступать *имъ* не *стоитъ*, а уступать разбушевавшейся «улицѣ» и нельзя. А то, что и сами земцы, даже участники Земскаго Съѣзда были не чужды кампаніи, въ которой провозглашался отвергнутый земцами лозунгъ — Учредительное Собраніе, позволило сомнѣваться въ ихъ искренности.

Но банкетная кампанія была еще *меньшее* зло. Политика Плеве, которая была ударомъ по лойяльному либерализму, поставила вопросъ еще болѣе остро. На кого либерализмъ долженъ былъ опираться? Въ 60-хъ годахъ онъ вдохновилъ Самодержавную власть и въ союзѣ съ ней провелъ всѣ реформы. Теперь *этого* власть не хотѣла; либерализму пришлось искать совершенно противоположной, но для него безконечно *опасной* опоры. Ибо въ Россіи были только двѣ реальныя силы: государственная власть и стихійная Революція — Ахеронтъ. Освободительное Движеніе, какъ я выше указывалъ, пошло къ Ахеронту, и въ то приблизительно время, когда земскій либерализмъ торжествовалъ свой первый серьезный успѣхъ, представители Освободительнаго Движенія въ Парижѣ заключили *формальный союзъ съ Революціей*. Этотъ союзъ заставилъ Освободительное Движеніе усвоить не только фразеологію, но и идеологію Революціи; оно должно было вѣрить въ всемогущество и непогрѣшимость 4-хвостки и въ то, что Революція все же желательна и лучше Самодержавія. Помню, какіе горькіе споры эта «освобожденская» политика возбуждала въ «Бесѣдѣ». Но если тамъ думали, какъ Шиповъ, что это только общественное *нетерпѣніе*, въ которомъ никто не повиненъ, то это было неточно; начинался настоящій «расколъ». Въ самой «Бесѣдѣ» были люди, которые были захвачены надеждой на новыхъ союзниковъ и вѣрой въ ихъ силу. Съ Свято-

полкъ-Мирскимъ своей политики они связывать не хотѣли и предпочитали идти *новой* дорогой. Чтобы этихъ людей вернуть къ старинной либеральной идеологіи, къ позиціи Земскаго Съѣзда — необходима была наглядная побѣда этого либеральнаго направленія, успѣхъ политики Мирскаго. Одна такая побѣда могла удержать отъ большого сближенія съ Революціей. Но событія сложились не такъ. Спасительный замыселъ Мирскаго Самодержавіе ухитрилось превратить въ новый ударъ по режиму.

*

* *

Результатомъ Земскаго Съѣзда и представленія Государю программы Мирскаго было изданіе Высочайшаго Указа Сенату 12 декабря 1904 г. Въ немъ все характерно для агоніи погибающаго режима.

Указъ самъ по себѣ представлялъ несомнѣнно торжество либеральныхъ идей. Въ немъ была программа, принятая земцами еще на Шиповскомъ Совѣщаніи 1902 г. Она продолжала и заканчивала реформы 60-хъ годовъ. На первомъ мѣстѣ, какъ главное свое содержаніе, указъ возвѣщалъ завершеніе крестьянской реформы, имѣвшей цѣлью сдѣлать крестьянъ «полноправными свободными сельскими обывателями». Потомъ шли восемь пунктовъ, перечислявшихъ развитіе въ либеральномъ направленіи основныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, земскихъ и судебныхъ учрежденій. Указъ касался вопросовъ вѣротерпимости, исключительныхъ положеній, вопросовъ національныхъ и наконецъ въ соотвѣтствіи съ Шиповскимъ совѣщаніемъ устранялъ «излишнія стѣсненія» въ постановленіяхъ о печати, предоставивъ ей возможность быть «правдивою выразительницею различныхъ стремленій на пользу Россіи».

Указъ не скрывалъ, что все это было равносильно «крупному внутреннему преобразованію», которое «внесетъ въ законодательство существенныя нововведенія».

Словомъ Указъ возвѣщалъ наступленіе эры реформъ, былъ первымъ актомъ *либеральнаго* Самодержавія. Онъ возвращался къ неудавшейся попыткѣ Витте 1902 года. Естественно поэтому, что Указъ оказался тѣсно связаннымъ съ его именемъ. По крестьянскому вопросу Указъ привлекалъ къ дѣлу «отзывы и свѣдѣнія, заявленныя при изслѣдованіи въ мѣстныхъ комитетахъ общихъ нуждъ сельской хозяйственной промышленности», т. е. результаты отнятой у Витте работы. Разработку новыхъ мѣропріятій онъ поручалъ Комитету Министровъ подъ предсѣдательствомъ *Витте. Витте* для этого получалъ личный докладъ у Государя. Указъ являлся какъ бы реваншемъ Витте надъ Плеве и возвращалъ жизнь къ веснѣ 1902 г.

Но съ программой 1902 г. было опоздано. Два года владычества Плеве не прошли безнаказанно. Не говоря о преуспѣвавшемъ Освободительномъ Движеніи съ его революціонными лозунгами, сами земцы уже были не тѣ. Ихъ программа 1904 г. ушла дальше. Въ ней уже былъ одинъ новый пунктъ, въ которомъ теперь было все. Это былъ пунктъ о *представительствѣ*. Его *всѣ* требовали единогласно. Въ искренность либеральной программы *безъ* представительства никто уже не вѣрилъ теперь. Если бы Указъ 12 декабря ввелъ представительство хотя бы совѣщательное, то можетъ быть *этимъ* единый фронтъ Освободительнаго Движенія былъ бы разбитъ: среди либеральнаго лагеря еще были сторонники Самодержавія. Мирскій это понялъ и потому пунктъ о совѣщательномъ представительствѣ *предложилъ;* онъ хотѣлъ имѣть возможность опираться на *земцевъ*. Но когда Указъ 12 декабря вышелъ безъ всякаго «представительства», общественность увидѣла въ немъ новый обманъ.

Скоро всѣ узнали закулисную сторону; узнали, что въ проектѣ Указа Сенату пунктъ о представительствѣ сначала дѣйствительно былъ, но былъ вычеркнутъ по совѣту никого иного, какъ Витте. Такой поступокъ умнаго и либеральнаго

Витте былъ такъ непонятенъ, что его роль при Указѣ 12 декабря показалась такой же неискренной и двуличной, какъ его записка о земствѣ. Общему негодованію на него не стало границъ; самъ Святополкъ-Мирскій былъ возмущенъ и обиженъ; объ этой незабытой обидѣ мнѣ позже пришлось слышать отъ него самого; объ ней подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ онъ разсказалъ Д. Шипову, и тотъ записалъ его разсказъ въ своей книгѣ. Разсказъ Шипова не расходится съ тѣмъ, что передалъ въ своихъ мемуарахъ и Витте. Мы знаемъ теперь, *какъ* это случилось, и поступокъ Витте можемъ судить. И я, который слыхалъ этотъ разсказъ отъ обоихъ, въ этомъ эпизодѣ лишній разъ вижу не коварство Витте, а твердость его убѣжденій. Общественность могла ихъ не раздѣлять, но она ихъ тогда не сумѣла *понять.*

Святополкъ-Мирскій приготовилъ проектъ Указа со включеніемъ пункта 9-го о представительствѣ и просилъ Государя обсудить проектъ въ Совѣщаніи изъ особо авторитетныхъ сановниковъ; Государь согласился и желательныхъ лицъ указалъ. Среди нихъ *не было* Витте; Святополкъ-Мирскій просилъ его пригласить. Государь возражалъ, что «Витте масонъ и не скажетъ ничего опредѣленнаго», но уступилъ; Святополкъ-Мирскій поѣхалъ къ Витте, говорилъ съ нимъ о проектѣ. Витте сказалъ ему по поводу пункта о представительствѣ, что если такая перемѣна необходима, то лучше прямо перейти къ конституціи; но обѣщалъ не возражать.

Для тѣхъ, кто зналъ взгляды Витте, эти слова не surenchère, а убѣжденіе. Оно совпадало съ идеями его «земской записки». Витте былъ сторонникомъ Самодержавія, но понималъ и выгоды конституціи; зато былъ врагомъ смѣшенія и того и другого. «Если вы хотите Самодержавія, писалъ онъ въ земской запискѣ, не соблазняйте страны земствомъ, т. е. игрой въ народовластіе, умѣстномъ лишь при конституціонномъ строѣ». Теперь то-же самое говорилъ онъ и Мирскому; если пришло время для конституціи, давайте ее безъ увертокъ, со всѣмъ тѣмъ, что изъ нея слѣдуетъ; но

соединять Самодержавіе съ представительствомъ, значитъ узаконять борьбу въ центрѣ государственнаго аппарата. Конституціонный строй удался во многихъ странахъ; почему ему не удаться въ Россіи? Но Самодержавіе съ совѣщательнымъ представительствомъ есть соединеніе двухъ противоположныхъ началъ, которыя не уживутся. Такая форма правленія есть организованная борьба, которая кончится только послѣ побѣды того или другого начала. Этого переходнаго періода, опаснаго для государства, надо всѣми мѣрами избѣгать.

Вотъ основная точка зрѣнія Витте; она была не «тактикой», а «убѣжденіемъ». Общественность смотрѣла иначе. Съ точки зрѣнія своихъ политическихъ традицій она считала, что конституція есть нѣчто большее, чѣмъ совѣщательное представительство; кто хочетъ большаго, долженъ соглашаться на меньшее. Витте такъ вопроса не ставилъ; совѣщательное представительство для него было не «меньше», чѣмъ конституція, а просто явленіе «другого» порядка; не давая выгодъ конституціи, оно ослабляло Самодержавіе, узаконяло безсиліе. Витте могъ согласиться на конституцію; но въ «совѣщательномъ» представительствѣ видѣлъ что-то уродливое. Напротивъ того, наша передовая общественность именно потому и готова была принять совѣщательный органъ, что смотрѣла на него какъ на переходъ къ конституціи. Витте предпочиталъ уступить сразу, безъ борьбы, чтобы перейти скорѣе къ нормальной формѣ правленія. Святополкъ-Мирскій не понялъ этой Виттевской мысли; но я столько разъ ее отъ Витте слыхалъ, что у меня нѣтъ сомнѣнія въ его взглядѣ на дѣло. Но давъ Святополкъ-Мирскому этотъ отвѣтъ, онъ обѣщалъ ему не мѣшать. И это понятно. Для Витте проведеніе либеральной программы Самодержавія казалось дѣломъ столь важнымъ, что онъ не могъ отказаться эту программу поддерживать. Въ ней было для него главное дѣло; что же касается до представитель-

ства, то *защищать* его по совѣсти онъ бы не могъ, но могъ согласиться *молчать*.

Свое обѣщаніе Витте сдержалъ. Святополкъ-Мирскій пенялъ передъ Шиповымъ, будто Витте «вилялъ» и нельзя было понять его отношенія къ предложенію. Въ этой сцѣнкѣ сказалась и досада Святополкъ-Мирскаго и обычное непоминаніе Витте. Изъ книги Шипова видно, *что* происходило на совѣщаніи. Рѣзко противъ предложенія высказались К. П. Побѣдоносцевъ и Н. В. Муравьевъ. Первый доказывалъ, что проектъ Святополкъ-Мирскаго о представительствѣ противорѣчитъ религіи, второй — что онъ не законенъ. Витте возражалъ противъ *доводовъ* этого рода, но самого проекта *не* защищалъ. Зная дѣйствительное отношеніе Витте къ нему, отъ него нельзя было требовать большаго; называть это «виляніемъ», — значило Витте не понимать.

Какъ бы то ни было, Государь предложеніе Святополкъ-Мирскаго принялъ. Это происходило 7-го декабря. Указъ съ мелкими поправками, которыя были въ него внесены Совѣщаніемъ, былъ Государю представленъ, и Мирскій ждалъ его возвращенія уже подписаннымъ. Вмѣсто этого 11-го декабря къ нему пріѣхалъ Витте и разсказалъ, что случилось. Утромъ этого дня онъ былъ вызванъ Государемъ и въ присутствіи Великаго Князя Сергѣя Александровича Государь спросилъ его, что *лично* онъ думаетъ относительно пункта девятаго (о представительствѣ). *Что* при своихъ взглядахъ онъ могъ бы отвѣтить? Онъ сказалъ, что думалъ; что если Государь *хочетъ* постепенно переходить къ конституціонному строю, то созывъ представителей могъ быть одобренъ, ибо онъ къ конституціи приближаетъ. Если же онъ хочетъ сохранить *Самодержавіе*, созывъ представительства нежелателенъ. Эта точка зрѣнія Витте, отъ которой онъ не могъ бы отречься, не измѣнивъ своимъ взглядамъ. При враждебности Государя къ конституціонному строю такой отвѣтъ, конечно, убилъ пунктъ о представительствѣ; но Витте, если хотѣлъ не «вилять», и не «хитрить», а говорить то, что ду-

малъ, *не могъ* отвѣтить иначе. Въ результатѣ Указъ появился на другой день уже безъ 9-го пункта.

Легко представить себѣ, какъ отнеслась наша впечатлительная общественность къ Витте. Въ ея глазахъ его отвѣтъ былъ предательствомъ, вызваннымъ жаждой опять выйти на сцену. Передовица «Освобожденія» отъ 18-го декабря 904 г. предполагала, что Витте «притворялся сторонникомъ Самодержавія, чтобы вернуть себѣ власть», что «какъ безпринципный человѣкъ, онъ лично заботился только о власти». Она ядовито допускаетъ, что Витте своимъ совѣтомъ могъ даже желать укрѣпить «Освободительное Движеніе», надѣясь впослѣдствіи «сорвать зрѣлый плодъ власти». У Струве есть третье предположеніе: «Витте, ставя въ центръ программы крестьянскій вопросъ, могъ желать этой диверсіей *временно укрѣпить* Самодержавіе». Редакторъ «Освобожденія», ставя эти гипотезы, не хотѣлъ предположить одного: что никакой «диверсіи» не было; не было ни тактики, ни лукавства; что Витте честно, какъ и въ запискѣ о земствѣ, думалъ то, что говорилъ, т. е. что Самодержавіе не уродство, а допустимая и хорошая форма правленія, если только Самодержавіе будетъ заботиться о пользѣ народа. Своей либеральной программой онъ Самодержавіе именно къ этому и призывалъ. Показательно для нашихъ общественныхъ настроеній, что *такого* объясненія никто не допускалъ; даже Святополкъ-Мирскій его не понялъ и не простилъ Витте его отзыва Государю. А въ своихъ недавнихъ воспоминаніяхъ И. И. Петрункевичъ безпощадно осуждаетъ позицію Витте.

Но дѣло не въ личности Витте. Какъ ни логично его поведеніе, совѣтъ, который онъ далъ Государю, былъ все же большой ошибкой. Витте не учелъ тогда ни общественнаго настроенія, ни характера самого Самодержавія. Онъ не предвидѣлъ ни того, что Указъ 12 декабря вызоветъ въ обществѣ бурю, ни того, что *либерализмъ* Самодержавія не пойдетъ дальше осуществленія нѣкоторой части возвѣщенныхъ ре-

формъ (напр. о вѣротерпимости, или нѣкоторыхъ облегченій національностямъ). Витте не предвидѣлъ, что своимъ совѣтомъ онъ разстраивалъ соглашеніе исторической власти съ зрѣлой частью нашей общественности, что этимъ игралъ на руку своимъ главнымъ врагамъ, тѣмъ слѣпымъ защитникамъ Самодержавія, которые съ 81 года систематически губили его.

Но 12 декабря произошло еще нѣчто несравненно болѣе вредное, чѣмъ умолчаніе о представительствѣ. Въ тотъ же день появилось изумительное по безтактности и ненужности «Правительственное Сообщеніе». Нельзя было понять, зачѣмъ оно было *опубликовано* и какъ можно было его совмѣстить съ либеральнымъ духомъ Указа. Такое сообщеніе могъ написать Плеве или Побѣдоносцевъ. Оно осуждало всѣ тѣ дѣйствія нашей общественности, которыя привели къ либеральной программѣ правительства, имъ самимъ объявленной. Ноябрьскій земскій съѣздъ, давшій толчокъ новому курсу, презрительно именовался въ «Сообщеніи», происходившимъ въ Петербургѣ собраніемъ *нѣкоторыхъ* гласныхъ *разныхъ* губернскихъ земствъ». На одну доску съ этимъ собраніемъ лойяльныхъ людей поставлена была банкетная кампанія, названная «происходившими въ нѣкоторыхъ городахъ шумными сборищами». Съ ними сопоставлялись наконецъ уличныя «демонстраціи цѣлыми скопищами». Всѣ эти явленія различнаго смысла и вѣса объяснялись одинаково стремленіемъ «внести смуту въ общественную и государственную жизнь». Всему широкому общественному движенію сообщеніе давало такую суммарную характеристику. «Такое движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое русскому народу, вѣрному исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя старается придать означеннымъ волненіямъ несвойственное имъ значеніе общаго стремленія. Охваченныя этимъ движеніемъ лица, въ забвеніи тяжелой године, выпавшей нынѣ на долю Россіи, ослѣпленныя обманчивыми призраками тѣхъ благъ, кото-

рыя они ожидаютъ отъ коренного измѣненія вѣками освященныхъ устоевъ русской государственной жизни, сами того не сознавая, дѣйствуютъ на пользу не родины, а ея враговъ». Ясно, что прочитавъ «сообщеніе» и обѣщанныя въ немъ мѣры репрессій, наше общество въ немъ усмотрѣло *настоящія* намѣренія власти, а въ Указѣ увидѣло только новый обманъ.

И что хуже, такое пониманіе было бы невѣрно. Сообщеніе и Указъ вовсе не были хитрой политикой, которая однихъ успокаиваетъ лицемѣрными обѣщаніями, а другихъ собирается задавить. Это были конвульсіи обреченнаго режима, который мечется изъ стороны въ сторону, одновременно хватаясь за взаимно себя уничтожающія средства. Около трона существовали двѣ непримиримыя группы, два противорѣчивыхъ пониманія задачъ Самодержавія. Они другъ съ другомъ боролись и раньше, поочередно другъ надъ другомъ торжествовали побѣду. Но при Николаѣ II эти побѣды стали одерживаться одновременно и одновременно стали опубликовываться противорѣчивые акты. Указъ 12 декабря и «Сообщеніе» было еще не послѣднимъ и не самымъ разительнымъ примѣромъ подобной политики.

Сообщеніе болѣе всего ударило по Мирскому и по лойяльному либеральному направленію. Чистые «освобожденцы» могли торжествовать. Новая вода хлынула на *ихъ* мельницу. У меня стоитъ въ ушахъ веселый смѣхъ Н. Н. Щепкина, который издѣвался надъ физіономіей, которую должны имѣть сейчасъ члены ноябрьскаго Съѣзда. «Они гордились тѣмъ, что шли своимъ путемъ, не смѣшиваясь съ общей массой, осуждали банкетныя выступленія и уличныя демонстраціи! Получили! А кн. Святополкъ-Мирскій, который принялъ земскую делегацію, и положилъ ея резолюцію въ основу проекта Указа. Въ какую рубрику его занесло Сообщеніе и т. д.»

Да, для смѣха поводы были. Самодержавіе оказывалось неспособно себя спасать. Оно само гнало людей въ осво-

божденческій лагерь. Надъ нимъ *можно* было смѣяться, какъ смѣются надъ врагомъ, который на глазахъ у всѣхъ неловкимъ движеніемъ обрываетъ кусты, за которые онъ уцѣпился надъ пропастью. Но для этого смѣха нужно было проникнуться настоящей военной психологіей; ею постепенно и проникались.

Оскорбленный Мирскій подалъ въ отставку. Онъ не могъ иначе поступить. Какъ можно было заставить его сохранить свое мѣсто! Но для полноты картины именно *это* отъ него и потребовали. Исказивъ, осмѣявъ, опозоривъ его политику, его все же формально сохранили у власти. Такъ попытка этого не сильнаго, но вполнѣ честнаго человѣка, была Самодержавіемъ превращена въ смертельный ударъ по себѣ. Послѣ этого кончилась роль и лойяльнаго земства. На сценѣ противъ Самодержавія стояло только «Освободительное Движеніе» и Ахеронтъ.

*

*   *

Послѣ этого событія развиваются логически и ускореннымъ темпомъ. Грозныя слова «Сообщенія» никого ни устрашили, ни остановили, ни Ахеронта, ни Освободительнаго Движенія, ни лойяльнаго либерализма. Но послѣдній впервые вопреки своей волѣ вовлекался въ оппозицію «Самодержавію». Вѣрные сторонники Самодержавія стали догадываться, что во имя спасенія Самодержавія надо съ теперешнимъ Самодержцемъ бороться. И поводъ для этого немедленно обнаружился.

«Правительственное Сообщеніе», обвинивъ всѣхъ своихъ противниковъ въ томъ, что «они желаютъ внести смуту въ государственную жизнь», пригрозило отвѣтственностью всѣмъ учрежденіямъ, всѣмъ ихъ представителямъ, которые позволятъ себѣ обсужденіе «не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общегосударственнаго свойства». Этотъ грубо

мотивированный запретъ поставилъ дилемму: либо смолчать и согласиться съ характеристикой, которая была дана «Сообщеніемъ», либо продолжать прежнюю линію и этимъ нарушить Высочайшую волю.

Незадолго передъ этимъ шли осеннія сессіи земскихъ собраній; почти всѣ принимали адреса съ казенной просьбой о представительствѣ. Это превратилось въ шаблонъ, который не волновалъ никого; отъ адресовъ не ждали практическихъ послѣдствій, но за нихъ и не боялись репрессій. Теперь отношеніе власти къ нимъ перемѣнилось. Въ числѣ другихъ обратилось къ Государю Черниговское земское собраніе. 9-го декабря 1904 г. на него послѣдовалъ Высочайшій отвѣтъ. Отвѣтъ совпалъ по времени съ тѣми четырьмя днями, когда Государь уже далъ согласіе на представительство (7 декабря), и пока согласія назадъ не взялъ (11 декабря). Удивительно, что именно въ *эти* дни, когда созывъ представительства былъ предрѣшенъ, просьба о немъ была Государемъ заклеймена рѣзкой отмѣткой на адресѣ: «нахожу поступокъ предсѣдателя губернскаго собранія дерзкимъ и безтактнымъ; заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній». Хотѣлось ли Государю показать себя педантомъ формальной законности и, удовлетворяя просьбу земствъ по существу, указать имъ все-таки, что это дѣло не ихъ компетенціи? Или, давъ Святополкъ-Мирскому согласіе, онъ въ душѣ о немъ пожалѣлъ и свое сожалѣніе выместилъ на Черниговскомъ адресѣ? Какъ бы то ни было, Высочайшая отмѣтка раньше «Правительственнаго Сообщенія» показала, какъ встрѣчено будетъ впредь предъявленіе подобныхъ ходатайствъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой отмѣтки 13 декабря собиралось Московское земство.

Было показательно, какъ поступитъ оно. Предсѣдателемъ земскаго собранія былъ князь П. Н. Трубецкой, лойяльность котораго къ Государю была внѣ сомнѣній; губернаторомъ былъ его beau-frère Г. И. Кристи, который въ силу

родства могъ имѣть на Трубецкого вліяніе, а самъ не только по должности, но и по личнымъ убѣжденіямъ не могъ сочувствовать либеральной демонстраціи. Послѣ отвѣта Черниговцамъ обращеніе къ Государю съ такою же просьбою было уже ослушаніемъ, «дерзостью и безтактностью», — по выраженію Государя. Но бываютъ моменты, когда это становится патріотическимъ долгомъ. Такъ и былъ поставленъ вопросъ передъ предсѣдателемъ, отъ котораго зависѣло дѣло. П. Н. Трубецкой, единокровный братъ знаменитыхъ С. Н., Е. Н. и Г. Н. Трубецкихъ, былъ честнымъ и независимымъ человѣкомъ, но не боевой натурой; вліяніе выбравшей его дворянской среды для него могло быть рѣшающимъ: идти въ рядахъ ослушниковъ царской воли было для него не легко. И однако П. Н. Трубецкой на это рѣшился. Помню то засѣданіе земства, гдѣ на повѣстку былъ поставленъ адресъ Государю съ просьбой о представительствѣ. Губернаторъ открылъ собраніе и поскорѣе ушелъ недовольный, не сказавъ ни слова привѣта. Проектъ адреса былъ прочитанъ Ф. А. Головинымъ. Онъ былъ принятъ безъ преній. Не помню, были ли голоса противъ него. Принятіе земскаго адреса въ этотъ моментъ было не пустой резолюціей банкетнаго зала; оно было серьезнѣйшимъ актомъ. Лѣвая общественность не цѣнила того, что протестъ противъ самого Государя вышелъ изъ лойяльной среды, сохранялъ безупречную форму. Въ тотъ же вечеръ отъ лѣвыхъ я слышалъ упреки за почтительный тонъ, за включеніе въ текстъ поздравленія съ рожденіемъ Цесаревича, и т. д. Общественность не понимала, что главная сила адреса была именно въ его лойяльности, въ томъ, что его подписалъ князь Трубецкой и приняли люди, въ государственной зрѣлости которыхъ у Государя сомнѣнія быть не могло. Это было подчеркнуто П. Н. Трубецкимъ въ его письмѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Допустивъ принятіе адреса, Трубецкой палъ духомъ и хотѣлъ подать въ отставку. Его друзьямъ пришлось успокаивать, разъяснять передъ нимъ правоту его жеста; эти

мысли были развиты въ превосходномъ письмѣ его же Святополку-Мирскому, которое едва ли Трубецкой самъ написалъ, но которое соотвѣтствовало его настроенію. Объяснивъ мотивы, которые заставили его не подчиняться распоряженію власти, Трубецкой указывалъ, что единственный путь избѣжать Революціи, на которую власть толкаетъ русскій народъ, но которой народъ вовсе не хочетъ, есть путь царскаго довѣрія къ общественнымъ силамъ. Онъ заявлялъ, что если «Государь довѣрчиво сплотитъ около себя эти силы, то Россія поддержитъ своего Царя и его *Самодержавную власть и волю*». Тотъ фактъ, что неповиновеніе распоряженію власти исходило отъ сторонника Самодержавія, который хотѣлъ представительствомъ не ограничить, а *укрѣпить* Самодержавіе, было для Государя аргументомъ болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ банкетныя рѣчи. Въ самомъ обществѣ впечатлѣніе отъ письма было громадно. Въ тысячахъ списковъ наша общественность читала его нарасхватъ, съ неменьшей жадностью, чѣмъ думскія рѣчи въ ноябрѣ 1916 г., т.-е. наканунѣ Революціи.

Московское земство было все же либеральной средой; слѣва его могли упрекать за «нерѣшительность», но не за слѣпую поддержку правительства. Но духъ времени проникалъ въ среду, которая до тѣхъ поръ была опорой *непримиримой* правой политики. Я хочу напомнить одинъ эпизодъ, который въ моей памяти сохранился: адресъ Московскаго Дворянства. Въ то время его считали побѣдой *реакціи*. Покойный Н. Н. Щепкинъ шутилъ, что это не пораженіе, а *наша* побѣда. Это принимали за шутку. Но въ его парадоксѣ было болѣе правды, чѣмъ онъ самъ думалъ въ то время.

Отдѣльныя дворянскія собранія не разъ присоединяли свои голоса къ земскимъ въ періодъ, когда адреса слѣдовали одинъ за другимъ. Но уже послѣ перелома политики, въ концѣ января, предстояла сессія московскаго дворянства. Оно было особеннымъ по составу. Почти вся служилая

знать принадлежала къ дворянству столицъ. Придворный міръ, опредѣлявшій политическій курсъ, будущіе руководители Союза объединеннаго дворянства почти всѣ входили въ его составъ. Въ немъ были губернаторы доброй половины Россіи. Немудрено, что при такомъ составѣ московское дворянство было оплотомъ правительства; оно восторгалось реформами Александра III и осуждать дѣйствій власти себѣ не позволило бы. Отдѣльные уѣзды могли выбирать предводителей иного образа мыслей; но это было болѣе по личнымъ связямъ, чѣмъ изъ сочувствія ихъ политическимъ взглядамъ. Общее настроеніе дворянства было опредѣленно. Оно со злобой глядѣло на Освободительное Движеніе, за его демократическія симпатіи, за его равнодушіе къ традиціямъ Самодержавія. Потому въ то время, какъ адреса съ требованіемъ представительства широкой волной катились въ Петербургъ, правые возлагали надежды на отрезвляющій голосъ московскаго дворянства. Оно должно было подать *свой* адресъ и сказать *свое* слово; и въ этомъ смыслѣ началась агитація.

Либеральное направленіе не могло надѣяться отстоять своихъ позицій въ московскомъ дворянствѣ; но оно рѣшило не сдаваться безъ боя. Кампанія пошла съ обѣихъ сторонъ. Были мобилизованы всѣ. Я никогда не принималъ участія въ дворянскихъ собраніяхъ; и мнѣ пришлось шить мундиръ. Намъ помогало, что предводитель, князь П. Н. Трубецой, намъ сочувствовалъ; реакціонный адресъ показался бы осужденіемъ ему самому. Его помощь была очень дѣйствительна. Всякое предложеніе должно было идти черезъ Собраніе Депутатовъ; громадное большинство въ немъ было противъ насъ. По настоянію П. Н. Трубецкого было рѣшено доложить общему собранію *всѣ* адреса; было рѣшено голосовать какъ на выборахъ, т.-е. голосовать *всѣ* адреса шарами такъ, что нѣсколько адресовъ могли получить большинство. Этотъ способъ давалъ намъ наибольшіе шансы. Были предположены адреса трехъ направленій:

правыхъ, конституціоналистовъ и сторонниковъ совѣщательнаго представительства. Двѣ послѣднія группы собрались на совмѣстное обсужденіе. Я въ первый разъ попалъ на такое собраніе и почувствовалъ особенность его атмосферы. Оно состоялось скоро послѣ 9 января. Я предложилъ включить упоминаніе объ этомъ событіи въ адресъ. Въ другомъ собраніи это было бы принято безъ возраженій; здѣсь я вызвалъ бурю. На меня напустился даже Д. Н. Шиповъ. Потомъ мнѣ объяснили, что подобныя предложенія *здѣсь* недопустимы. При обсужденіи адресовъ обнаружилось сразу, что конституціонный не имѣлъ шансовъ пройти; онъ бы только разбилъ голоса. Конституціоналисты не стали настаивать. Доводы освобожденцевъ о необходимости «отмежеванія» и выявленія передъ страной реакціонной сущности «славянофиловъ» отклика найти не могли. Конституціонный адресъ былъ снятъ и рѣшено голосовать за адресъ, который соединялъ представительство съ Самодержавіемъ. Предварительно было созвано общее частное совѣщаніе; адреса Государю публично только голосовались. Мы собрались въ боковыхъ залахъ Собранія, гдѣ обычно происходили засѣданія губернскаго земства. Адресъ правыхъ былъ превосходно составленъ и великолѣпно прочитанъ А. Самаринымъ. Онъ кончался словами: «царствуй въ сознаніи твоей силы, Самодержавный Государь. Въ полнотѣ твоей власти наша надежда; въ довѣріи къ ней наше единство» и т. д.; адресъ осуждалъ «внутреннюю смуту», которая «расшатываетъ общество и волнуетъ народъ». Это былъ трафаретъ. Но настроеніе общества какъ будто проникло даже въ среду дворянскаго большинства; и оно не рѣшалось объявлять безсмысленнымъ и вреднымъ стремленіе къ преобразованію нашего строя; оно настаивало только на его «несвоевременности» во время «небывалой по упорству войны». Только поэтому было не время «думать о какомъ-либо преобразованіи государственнаго строя Россіи». «Пусть минуетъ военная гроза, пусть уляжется смута»; тогда «Россія найдетъ пути

для устроенія своей внутренней жизни на завѣщанныхъ намъ исторіей началахъ единенія Самодержавнаго Царя съ землей».

Перечитывая теперь этотъ адресъ, я не могу отнестись къ нему по прежнему, какъ къ безусловно «реакціонному». Въ немъ для реакціонеровъ было все-таки нѣчто новое. Онъ не отвергалъ необходимости *коренного преобразованія Россіи,* притомъ направленнаго на то самое *единеніе царя съ землей,* которое всегда ставилось въ основу требованія представительства; онъ только откладывалъ это до конца внѣшней войны, т.-е. разсуждалъ приблизительно такъ, какъ въ 914 и 915 году разсуждала думская оппозиція, когда создавала прогрессивный блокъ въ Думѣ. Это были новыя мысли для большинства московскаго дворянства и даже для самихъ составителей этого адреса. И характерно, что включеніе ихъ въ адресъ на этотъ разъ оказалось необходимымъ, чтобы собрать около него большинство. Безъ этого многіе перекочевали бы къ намъ. Такая постановка вопроса оставляла однако возможность для соглашенія. Чтеніе этого адреса громкимъ, искреннимъ голосомъ Самарина потонуло въ оглушительныхъ аплодисментахъ. Затѣмъ П. Д. Долгоруковъ прочелъ нашъ адресъ. Была иронія судьбы въ томъ, что этотъ компромиссный, не менѣе патріотическій адресъ «жаждавшій одного только царскаго слова, которое бы дало почувствовать, что не порвалась связь Царя съ русскимъ народомъ», пришлось читать такому убѣжденному конституціоналисту и демократу, какимъ былъ П. Д. Долгоруковъ. Этого мало; Долгоруковъ не хотѣлъ отстать отъ Самарина, не хотѣлъ оттолкнуть дворянскаго «juste milieu», которое не пошло бы за нами, если бы въ нашемъ адресѣ было недостаточно монархическихъ чувствъ. Онъ читалъ съ такимъ же тремоло въ голосѣ, какъ и Самаринъ. Лойяльная форма адреса смягчала его «оппозиціонный характеръ». Представительство, котораго онъ добивался, могло казаться не «ограниченіемъ», а даже моральнымъ «усиленіемъ» Самодержавія.

Благодаря этому, оглашеніе нашего адреса имѣло гораздо большій успѣхъ, чѣмъ мы ожидали; намъ хлопали и тѣ, кто только что хлопалъ Самарину. Перешли къ преніямъ; вначалѣ никто не хотѣлъ говорить; Трубецкой настоятельно просилъ всѣхъ высказаться; онъ подчеркивалъ необходимость соглашенія, иначе будетъ голосъ одного большинства, а не дворянства. Единогласіе представлялось недостижимымъ и потому пренія безполезными. Убѣждать это собраніе было неблагодарной задачей. Но перчатка была брошена и ее нужно было поднять. Первымъ просилъ слова Ф. Ф. Кокошкинъ; онъ остановился на словахъ перваго адреса о единеніи царя съ землей и доказывалъ, что такое единеніе, если его искренно желать, немыслимо безъ «представительства». Трубецкой, безъ моей просьбы, предоставилъ мнѣ слово. Я отмѣчалъ, что адресъ большинства не отрицаетъ необходимости реформъ, но только считаетъ ихъ несвоевременными до прекращенія войны и смуты, и что это есть тотъ гибельный лозунгъ: сначала успокоеніе, а реформы потомъ, — которымъ наша государственная власть довела себя до тупика. Наконецъ, Н. И. Щепкинъ живыми красками описывалъ недовольное настроеніе, которое разлито повсюду въ странѣ, и общее убѣжденіе, что причина нашихъ неурядицъ въ бюрократіи. Намъ всѣмъ отвѣчалъ Ѳ. Д. Самаринъ. Но споръ пошелъ не на той позиціи, гдѣ бы онъ хотѣлъ принять съ нами бой; онъ радъ бы былъ ополчиться на конституцію, но за нее никто не высказывался, а единеніе царя съ народомъ въ формѣ легальнаго представительства соотвѣтствовало старымъ славянофильскимъ традиціямъ, противъ которыхъ Самарину возражать было неловко. Ѳ. Д. Самаринъ не безъ ироніи отмѣчалъ, что мы, повидимому, болѣе не отвергаемъ Самодержавія; язвительно радовался, что мы, наконецъ, точнѣе опредѣлили нашу позицію, если всегда такъ смотрѣли на это, или измѣнили ее, если раньше были за конституцію. Но эта иронія не задѣвала; и гораздо удивительнѣе было то, что представитель *славянофильства*

теперь отвергалъ Земскій Соборъ. На частномъ совѣщаніи голосованія не было. Идеалисты дворянства дѣлали усилія, чтобы привести всѣхъ къ соглашенію. Въ правомъ лагерѣ было много сторонниковъ этого. Но главари обѣихъ партій съ ихъ точки зрѣнія такъ много уступили, что дальше идти не могли. Переговоры были прекращены. На другой день въ публичномъ собраніи происходило голосованіе. За адресъ правыхъ было подано 219 шаровъ, за нашъ 153; подсчетъ показывалъ, что многіе голосовали за оба адреса, что стирало рѣзкую грань между нами. Для обычнаго реакціоннаго настроенія московскаго дворянства это было успѣхомъ. Оставалось его закрѣпить. Было рѣшено составить мотивированное мнѣніе, объяснявшее, почему мы голосовали противъ принятаго адреса и за подписями приложить къ протоколу. Составленіе этого мнѣнія было поручено С. Н. Трубецкому, Н. А. Хомякову и мнѣ. Оно было оглашено въ публичномъ засѣданіи Н. Ф. Рихтеромъ, который позднѣе, въ эпоху Столыпина, сталъ реакціоннымъ предсѣдателемъ Московской губернской земской управы. Читалъ онъ его съ искреннимъ подъемомъ. Фраза, принадлежавшая перу С. Н. Трубецкого, что «бюрократическій строй, парализующій русское общество и русскій народъ и разобщающій его съ монархомъ, составляетъ не силу, а слабость Россіи», была покрыта аплодисментами, въ которыхъ участвовали и наши противники. Особое мнѣніе кончалось словами, что «по указаннымъ въ немъ основаніямъ мы съ скорбнымъ чувствомъ не могли присоединиться къ адресу большинства московскаго дворянства». Подъ мнѣніемъ подписалось больше ста человѣкъ. Приложеніе этого мнѣнія къ журналу ослабляло силу праваго адреса. И когда на адресъ большинства былъ полученъ лестный отвѣтъ Государя, который пришлось оглашать П. Н. Трубецкому, подъ крики «ура», всѣ понимали, что дать опору агрессивной реакціонной политикѣ *этотъ* адресъ уже не могъ.

Эти эпизоды сами по себѣ очень мелки; но они иллю-

стирують сдвигъ, который происходилъ даже въ консервативной части русскаго общества. Радикалы Освободительнаго Движенія этому сдвигу придавали въ то время мало значенія. Хроника «Освобожденія» отмѣчала подобныя явленія въ правомъ лагерѣ не безъ ироніи; увѣряла, что власть надъ ними смѣялась и своимъ отношеніемъ къ нимъ давала этому смѣху опору. Она шла даже дальше. Она считала ихъ вредными; они понижали революціонное настроеніе и т. д. «Освобожденіе» было послѣдовательно. Послѣ крушенія попытки, которую сдѣлалъ Святополкъ-Мирскій въ единеніи съ земствомъ, новыя ставки на благоразуміе власти, на иниціативу съ ея стороны казались навсегда исключенными. Освободительное движеніе пошло другой дорогой; оно ставило ставку на Ахеронтъ. Оставалось ожидать *его* дѣйствій. Ахеронтъ этихъ надеждъ не обманулъ. Колебанія нашей политики, правительственныя распоряженія, которыхъ каждый день ждали и которыя возбуждали то смѣхъ, то негодованіе, рѣзкіе переходы отъ радости къ отчаянію его всколыхнули.

Самая чувствительная пластинка нашей общественности, учащаяся молодежь не была ни успокоена, ни запугана. Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ перестали идти, цѣлое поколѣніе не училось. Этимъ не огорчались. «Освобожденіе» предлагало признать, что «студенты — естественное крыло Освободительнаго Движенія»; оно возмущалось «отечески наставительными совѣтами студентамъ подождать вмѣшиваться въ политику, отдаваться всецѣло наукѣ» и т. д. Либеральные дѣятели, увлекаясь борьбой съ Самодержавіемъ, ставили цѣлью студенческія волненія использовать, не успокоить; такая позиція подстрекала къ дальнѣйшему, и волненіе среди молодежи укрѣплялось.

Рабочее движеніе привело съ собой 9 января. Какъ возникло это событіе? Не въ первый разъ обнаружились совмѣстныя дѣйствія революціонеровъ и охраннаго отдѣленія. Оба элемента сочетались въ личности Гапона такъ

тѣсно, что раздѣлить ихъ было трудно. Но какъ бы то ни было, массовое пролитіе крови на улицахъ возмутило не только Россію, но и Европу; одни лицемѣрно, ибо истинное свое отношеніе къ пролитію крови они теперь показываютъ при большевикахъ, другіе искренно, но всѣ *негодовали*. Роковое событіе было «использовано». «Царь — палачъ народа», писало «Освобожденіе» въ № 64. «На улицахъ Петербурга пролилась кровь и разорвана навсегда связь между народомъ и этимъ царемъ. Все равно, кто онъ, надменный деспотъ, не желающій снизойти къ народу, или презрѣнный трусъ, боящійся стать лицомъ къ лицу съ той стихіей, изъ которой онъ почерпалъ силы». Тѣ, кто тогда такъ писали, не задумывались въ то время надъ тѣмъ, *что* «палачъ народа» испытывалъ. Послѣ революціи въ 1917 году, когда мы осматривали Зимній Дворецъ, одинъ изъ служителей показалъ намъ окно, изъ котораго, по его разсказамъ, дрожавшій, испуганный, потерявшій голову царь съ ужасомъ и страхомъ смотрѣлъ на толпу.

Волновался и самый страшный Ахеронтъ — крестьянство. Могла ли его хоть сколько-нибудь успокоить постановка правовой крестьянской проблемы въ Комитетѣ Министровъ? Въ глазахъ крестьянъ ихъ вопросъ давно превратился въ походъ на землю помѣщиковъ. Такая упрощенная постановка вопроса была заслуженной Немезидой политикѣ нашей власти; *эта* программа вдохновляла партіи, которыя работали въ крестьянской средѣ. Освободительное Движеніе заключило и *съ ними* союзъ и мѣшать имъ не могло. Оно въ извѣстной мѣрѣ усвоило эту программу, стараясь придать ей видимость государственной мѣры. Такъ родился планъ *сословнаго принудительнаго отчужденія* и раздачи земель, который пришлось испытать уже конституціонной Россіи.

Усилился терроръ. Въ февралѣ былъ убитъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Чѣмъ бы ни было вызвано это убійство, местью за прошлое или предосторожностью

противъ будущаго, убійство ударило по нервамъ и воображенію. Оно показалось отвѣтомъ на обманутыя ожиданія общества, на кровь 9-го января.

Наконецъ, непрошенный союзникъ Освободительнаго Движенія, имѣвшій свои особыя цѣли, — Японія, — взялъ Портъ-Артуръ и показалъ, что война нами можетъ быть проиграна: бороться на два фронта оффиціальной Россіи было уже не по силамъ. Если «Освободительное Движеніе» того не желая, помогало успѣху японцевъ, то Японія за эту услугу ему заплатила сторицей.

Такъ къ 905 году образовался одинъ общій фронтъ, отъ революціонеровъ до консервативныхъ слоевъ нашего общества. Единомыслія въ этомъ лагерѣ быть не могло. Но въ одномъ всѣ были согласны: *что продолжать по-прежнему невозможно*. Противъ этого оппозиціоннаго фронта стояло Самодержавіе со своимъ еще сильнымъ государственнымъ аппаратомъ, но смущенное проявленной къ нему общей враждебностью и сконфуженное неудачей въ Японской войнѣ. Его рессурсы были еще очень велики; примѣръ большевиковъ доказываетъ, какова сила сопротивленія даже безумной государственной власти. Общественные слои, которые связали судьбу свою и Россіи съ Самодержавіемъ, требовали, чтобы Самодержавіе пустило въ ходъ эту силу. Они увѣряли, что стоитъ серьезно ударить по «Освободительному Движенію», и все успокоится. *Временный* успѣхъ такая политика могла бы имѣть. Но на этотъ путь Самодержавіе вступить не рѣшалось; оно не могло подражать большевикамъ; не могло спокойно жертвовать Россіей, рѣшивъ въ случаѣ пораженія уйти, хлопнувъ дверью; не могло себя вести какъ разбойникъ въ захваченномъ домѣ, пока его оттуда не выгонятъ. Перспектива борьбы со всей страной смущала его болѣе, чѣмъ его «преданныхъ вѣрноподданныхъ»: оно начинало думать о соглашеніи въ врагомъ, объ уступкахъ. И присутствіе въ освободительномъ лагерѣ *умѣренныхъ* элементовъ, съ которыми говорить было можно,

принесло «Освободительному Движенію» незамѣнимую пользу.

Этого не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ роли, которую умѣренный либерализмъ сыгралъ въ побѣдѣ надъ Самодержавіемъ. Если бы противъ Самодержавія шла одна Революція, Самодержавіе могло бы не уступать. Оно сочло бы себя обязаннымъ бороться съ ней *до конца*. Оно провозгласило бы слова непотерявшія своего обаянія: отечество, законность, порядокъ, и стало бы ихъ защищать противъ революціоннаго шквала. Обывательская масса могла пойти *за нимъ* противъ лозунговъ революціи. Благодаря участію лойяльнаго либерализма въ борьбѣ этого не случилось. Эти слова стояли на *его* знамени, во имя ихъ онъ велъ борьбу съ Самодержавіемъ. Самодержавіе не могло выставить противъ либерализма идей, которыя могло бы выставить противъ Революціи. Оно не могло бить по либерализму такъ, какъ могло бы бить по Революціи. И потому Самодержавіе колебалось; а его колебанія, нерѣшительность возмущали тѣхъ его прямолинейныхъ совѣтниковъ, которые требовали безпощаднаго примѣненія физической силы и негодовали за то, что правительство церемонится и бездѣйствуетъ. Своимъ бездѣйствіемъ Самодержавіе теряло послѣднихъ друзей. Любопытные мемуары Льва Тихомирова поучительны какъ иллюстрація психологіи, которая стала овладѣвать охранительнымъ лагеремъ. Убѣжденные сторонники Самодержавія покидали его за его слабость и начинали смотрѣть на либерализмъ какъ на силу, которая одна могла бы остановить Революцію. Такимъ былъ не одинъ Тихомировъ. Помню консервативныхъ членовъ московскаго дворянскаго собранія, которые обрадовались «умѣренности» нашихъ рѣчей при обсужденіи дворянскаго адреса и начали задумываться надъ предпочтительностью заключить соглашеніе *съ нами*, чѣмъ связывать свою судьбу съ разслабленнымъ Самодержавіемъ. Одинъ изъ правыхъ дворянъ пріѣхалъ ко мнѣ поговорить откровенно: «чего мы хотимъ? Революціи?

Чернаго передѣла?» На мои завѣренія онъ сталъ допытываться: «кого бы, напримѣръ, вы хотѣли провести въ представительное собраніе *отъ Москвы?*» У меня могло быть только личное мнѣніе; я сказалъ: «Шипова, Муромцева, М. П. Щепкина (стараго)». Мой пріятель былъ пораженъ. «Какъ, только такихъ? Съ ними разговаривать можно». Консерваторы того времени опасались, что мы непремѣнно пошлемъ людей революціоннаго стажа, съ тюремнымъ цензомъ. И я знаю, что тотъ дворянинъ послѣ разговора со мной голосовалъ за *нашъ* адресъ.

Конечно, это не было сочувствіемъ либеральной программѣ. Такіе люди были крысы, которыя покидали тонущій корабль и искали спасенія. Въ 1917 г. прежніе защитники престола такъ-же бросились подъ знамя Государственной Думы, а позднѣе и Керенскаго. Помощь, которую приносили собой перепуганные обыватели, была невелика; но впечатлѣніе отъ повальнаго бѣгства къ противнику было внушительно. Это была котировка политической биржи; она болѣе, чѣмъ волненіе Ахеронта склоняла къ уступкамъ Самодержавіе.

Съ точки зрѣнія революціонеровъ это казалось неважно; если бы Самодержавіе упорствомъ довело дѣло до гражданской войны, оно бы было раздавлено. Это возможно, но это бы было несчастьемъ. Не потому только, что пролилась бы лишняя кровь, но потому, что это еще болѣе увеличило бы пропасть между властью и обществомъ. Гражданская война обострила бы психологію войны и еще болѣе затруднила бы позднѣе миръ между двумя сторонами. Въ Великой Войнѣ тотъ миръ, который былъ бы возможенъ въ 14 году, сталъ невозможенъ въ 17 г.; и отъ этого проиграли всѣ — и побѣжденные и побѣдители. Такъ и въ нашей борьбѣ «полная побѣда» общественниковъ 1917 года сдѣлалась годомъ не «обновленія» Россіи, какой ее надѣялись видѣть, а годомъ «крушенія».

Участіе лойяльнаго либерализма въ «Освободительномъ Движеніи» было тѣмъ важно и нужно, что оно подготовило возможность добровольной уступки Самодержавія въ 1905 г. Эта уступка еще разъ дала Россіи шансъ на излеченіе. Но постоянное опозданіе власти, изданіе реформъ въ видѣ «уступокъ», всегда чѣмъ-то вынужденныхъ — усиливало вліяніе той болѣзни, которая называлась «Освободительнымъ Движеніемъ». Когда въ октябрѣ 1905 г. власть наконецъ дала все, что могла и должна была дать, общественность была уже такъ политически деморализована, что даннымъ ей шансомъ не сумѣла воспользоваться.

Но раньше этой уступки, Самодержавіе попыталось еще одинъ разъ примириться съ либерализмомъ, не упраздняя себя. Оно, наконецъ, пошло на то, въ чемъ *отказало* Святополкъ-Мирскому. Это была мертворожденная попытка Булыгинской Думы.

Глава XIII.

ПОПЫТКА САМОДЕРЖАВІЯ СПАСТИ СЕБЯ СОВѢЩАТЕЛЬНЫМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

18 февраля 1905 года въ одинъ и тотъ же день были опубликованы три важныхъ акта.

Во-первыхъ, Манифестъ.

Онъ повторялъ очень знакомыя мысли. Въ послѣдній разъ мы читали ихъ въ «Правительственномъ сообщеніи» 12 декабря 904 г. Были новыя выраженія, а сущность была та-же самая. Освободительное Движеніе опять объявлялось «мятежнымъ», «дерзновеннымъ посягательствомъ »на «освященные православною церковью и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго». Его обвиняли въ желаніи «учредить новое управленіе страной на началахъ Отечеству Нашему *несвойственныхъ*». И Манифестъ кон-

чался какой-то вымученной риторикой: «Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государственномъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами.

И да подастъ Господь въ Державѣ Россійской: Пастырямъ — святыню, Правителямъ — судъ и правду, народу — миръ и тишину, законамъ — силу, и вѣрѣ — преуспѣяніе, къ вящему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ нашимъ вѣрнымъ Подданнымъ».

Но въ тотъ же самый день, какъ была опубликована эта утомительная элоквенція, общество прочло второй актъ: Высочайшій Рескриптъ А. Г. Булыгину, каждая строчка котораго Манифесту противорѣчила.

То, что Манифестъ называлъ «мятежнымъ движеніемъ», въ Рескриптѣ изображалось какъ похвальная «готовность народа поставить свои силы для усовершенствованія государственнаго порядка». Въ отвѣтъ на эту готовность Государь объявлялъ, что «отнынѣ вознамѣрился привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Это и было именно тѣмъ, что Манифестъ того-же самаго дня называлъ «посягательствомъ на основные устои Государства Россійскаго».

Одновременное опубликованіе двухъ этихъ актовъ создавало нѣчто комическое. Помню недоумѣніе читающей публики: что это значило? Угрозы Манифеста уничтожались Рескриптомъ; надежды, которыя могъ вызвать Рескриптъ, подрывались Манифестомъ.

Во время іюльскаго Петергофскаго Совѣщанія о Булыгинской Думѣ Государь въ своей вступительной рѣчи напомнилъ эти два акта, «связь которыхъ, по его словамъ, не нуждается въ поясненіи». Это *все*, что онъ сказалъ по этому поводу. Вотъ преимущество Государей: имъ вопросовъ не задаютъ. Очевидно, никто и не улыбнулся. Но большаго

удара лично себѣ Государь не могъ нанести въ глазахъ обоихъ лагерей, на которые тогда раздѣлялась Россія. Государь отрекался отъ тѣхъ защитниковъ своей власти, которые продиктовали ему Манифестъ; они чувствовали себя *преданными* тѣмъ, чью власть защищали. А появленіе этого второго акта свидѣтельствовало о слабости Государя, о томъ, что испугать его *можно*. Это пошло на пользу «Освободительному Движенію».

Но это было не все. Тѣмъ же днемъ опубликованъ былъ *третій* актъ, наиболѣе скромный по формѣ, но наиболѣе *дѣйствительный* по содержанію: Высочайшій *Указъ* Сенату. «Освободительное Движеніе» въ немъ получило уже очень *реальную* помощь.

Этотъ Указъ предоставлялъ всѣмъ «вѣрноподаннымъ возможность быть непосредственно услышаннымъ Государемъ». Въ предложеніи проектовъ всякихъ государственныхъ преобразованій Указъ видѣлъ уже не «смуту», но «раденіе объ общей пользѣ и нуждахъ». Указъ обязывалъ Совѣтъ Министровъ такія заявленія не отсылать прокурорамъ, какъ было бы раньше, а разсматривать и обсуждать.

Чего разсчитывали добиться этимъ Указомъ, который переворачивалъ всѣ прежнія представленія о дозволенномъ и запрещенномъ? Очевидно хотѣли открыть отдушину, дать безопасный выходъ накопившемуся недовольствію; это казалось шагомъ безобиднымъ и успокоительнымъ. Сначала мы сами особеннаго значенія Указу не придавали; нѣкоторые находили даже унизительнымъ обращаться къ Совѣту Министровъ. Но политическія послѣдствія этого Указа были громадны. Онъ шелъ дальше Рескрипта того же числа. Рескриптъ обѣщалъ право совѣщательнаго голоса только «достойнѣйшимъ, довѣріемъ облеченнымъ, избраннымъ отъ населенія» людямъ. Предполагалось нѣчто скромное, доступное только просѣяннымъ черезъ горнило избранія людямъ; *только* имъ давался никого не обязывающій

совѣщательный голосъ, право разсуждать о дѣлахъ государства.

Въ Указѣ Сенату эта осторожность была отброшена. Указъ объявлялъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, что существующій государственный строй «пересматривается». Приглашалъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ принять *участіе* въ его пересмотрѣ и присылать свои предположенія Совѣту Министровъ. Никакихъ формальныхъ условій для этого поставлено не было; какъ будто уже не было прежнихъ строгихъ законовъ, ограничивавшихъ право слова и право собраній; какъ будто уголовныя статьи, которыя карали за стремленіе измѣнить законный порядокъ, болѣе не существовали. Сама верховная власть этимъ Указомъ закладывала мину, которая должна была взорвать тотъ порядокъ, который она съ такимъ упорствомъ до тѣхъ поръ защищала. Обывательская масса, чуждая политикѣ или по крайней мѣрѣ ничѣмъ бы для нея не рискнувшая, съ высоты престола приглашалась къ обсужденію самыхъ острыхъ государственныхъ вопросовъ. Враги Самодержавія этимъ получали помощь, на которую недавно не смѣли разсчитывать. «Освободительное Движеніе» этимъ воспользовалось и послѣдствія этого быстро сказались.

25 іюня 1905 года въ «Освобожденіи» была опубликована любопытная меморія Совѣта Министровъ по поводу Указа 18 февраля:

«Населеніе Имперіи», говоритъ меморія, «пожелало широко воспользоваться дарованнымъ правомъ; частныя лица стали группироваться въ кружки, публично обсуждать указанные выше вопросы; то же самое имѣетъ мѣсто въ частныхъ обществахъ и въ засѣданіяхъ Городскихъ Думъ и земскихъ собраніяхъ, хотя законъ до сихъ поръ уполномочивалъ и тѣхъ и другихъ заявлять ходатайства лишь *о мѣстныхъ* пользахъ и нуждахъ. Вопросъ о предѣлахъ и степени допустимости этихъ собраній и совѣщаній и объемъ дарованныхъ населенію правъ толкуется мѣстными властями

очень различно. Враги существующаго порядка, пользуясь всякими поводами къ преступной пропагандѣ, безъ сомнѣнія не преминутъ и въ настоящемъ случаѣ проявить свою дѣятельность».

Иначе, конечно, быть не могло и было удивительно, если этого не предвидѣли. Но что-же дѣлать теперь? Взять назадъ, или по позднѣйшей терминологіи «разъяснить» Указъ? Меморія находитъ, что это опасно. «Умаленіе въ чемъ либо значенія только что оказанной В. И. В. милости произведетъ тягостное впечатлѣніе на населеніе». Но меморія не мирится съ логическими послѣдствіями того, что уже сдѣлано. Она только заключаетъ, будто власть недостаточно пользуется предоставленными ей правами по предупрежденію беззаконій и рекомендуетъ ей впредь это дѣлать; а если бы ея правъ оказалось для этого мало, то можно будетъ ихъ увеличить, для чего Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи предоставляется разослать циркуляры.

Такое никчемное рѣшеніе показывало непониманіе серьезности положенія.

Указъ Сенату, призывавшій населеніе высказываться объ измѣненіяхъ государственнаго строя въ Россіи, находился въ такомъ противорѣчіи съ идеологіей и практикой нашей государственной власти, что онъ долженъ былъ либо остаться мертвою буквою, либо своимъ примѣненіемъ измѣнить основы государственной власти. Но ему было трудно остаться мертвою буквою. При самодержавномъ строѣ, когда воля Самодержца отмѣняла всякій законъ, Указъ былъ уже *положительнымъ правомъ.* Рѣшить, какъ сочетать этотъ революціонный указъ съ прежними нормами, какія изъ нихъ видоизмѣнить, какія считать отмѣненными, рѣшить эти вопросы въ рамкахъ существовавшихъ законовъ было нельзя. Этимъ указомъ правовая анархія была произведена въ первый, но не послѣдній разъ. Mutatis mutandis таковы же были послѣдствія Указа 27 августа объ университетской автономіи и самого Манифеста 17 октября.

Вмѣсто новыхъ законовъ, устанавливавшихъ новыя права для населенія, въ него были брошены лозунги, которые противорѣчили укладу нашей общественной жизни, и по неизбѣжности питали конфликты, подрывая уваженіе и къ закону и къ власти.

Дѣятели Освободительнаго Движенія были бы очень неловки, если бы они не использовали всѣхъ тѣхъ новыхъ возможностей, которыя Указъ имъ предоставилъ. Указъ открылъ имъ путь къ населенію, въ самую толщу обывательской массы, и поставилъ ихъ агитацію подъ защиту Высочайшаго приглашенія. Тотъ, кто посовѣтовалъ Государю издать этотъ Указъ, былъ или очень хитеръ, или очень наивенъ.

Съ этихъ поръ опредѣляется побѣда «Освободительнаго Движенія», и въ послѣдніе мѣсяцы Самодержавія *оно* начинаетъ вести за собой все *русское общество.* Лойяльныхъ земцевъ Самодержавіе отъ себя оттолкнуло. Но до тѣхъ поръ оно все-таки затрудняло и агитацію и организацію «освобожденской общественности»; все это происходило въ подпольѣ, въ маленькихъ анонимныхъ кружкахъ и до «обывательскихъ массъ» не доходило. Указъ 18 февраля далъ *всѣмъ* возможность широкой и легальной политической агитаціи. Всѣ попытки власти этому помѣшать порождали конфликты, которые были краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ рѣчей. Это была удивительная судьба нашей обреченной династіи. Въ февралѣ 1917 г. эфемерный Императоръ, Великій Князь Михаилъ своимъ Манифестомъ санкціонировалъ и утвердилъ Революцію. Въ февралѣ 1905 г. Самодержавіе указомъ Сенату дало всѣмъ сигналъ «на себя нападать». Со времени этого Указа его судьба была рѣшена.

Другимъ еще болѣе важнымъ послѣдствіемъ того же Указа явилось поощреніе политической организаціи общества.

Въ Россіи до сихъ поръ не было политическихъ партій.

Были лишь «революціонныя сообщества», существованіе которыхъ констатировалось, когда за участіе въ нихъ подвергали преслѣдованіямъ. Освободительная эпоха сопровождалась общимъ оживленіемъ жизни; оно сказалось и въ усиленномъ созданіи профессіональныхъ союзовъ. Это было проявленіемъ общественной самодѣятельности. Указъ Сенату отразился на жизни профессіональныхъ союзовъ. Когда всѣ были приглашены подавать голоса о переустройствѣ Россіи, въ каждомъ союзѣ находились лица, которыя передъ нимъ эти вопросы ставили. Этого мало. «Союзы» стали возникать спеціально для использованія Указа 18 февраля, т. е. для заявленія *политическихъ* требованій.

Такъ профессіональное движеніе получило обязательный политическій отпечатокъ; оно завершилось образованіемъ «Союза Союзовъ», для котораго не было бы никакого raison d'être, если бы союзы оставались на профессіональной почвѣ. Кромѣ политическихъ требованій у отдѣльныхъ либеральныхъ профессій никакихъ *общихъ* нуждъ и дѣлъ не было. Зато *послѣ* Указа 18 февраля вся интеллигенція получила *легальную* возможность *политически* организовываться. Процессы, которые происходили въ союзахъ, были настолько общи, что съ варіантами повторялись повсюду. Тѣ, которые жили въ эту эпоху, помнятъ, что у нихъ происходило. Для иллюстраціи припомню союзъ, въ которомъ участвовалъ лично, — союзъ адвокатскій.

Различныя адвокатскія объединенія существовали давно. Начало «Освободительнаго Движенія» совпало съ возобновленіемъ судебнаго разбирательства для политическихъ дѣлъ, а это вызвало къ жизни спеціальное адвокатское объединеніе — политическихъ защитниковъ. По цѣлямъ, которыя оно себѣ ставило, въ немъ уже былъ политическій элементъ. Члены объединенія, по какимъ бы партіямъ они потомъ ни разбрелись, были во всякомъ случаѣ оппозиціонно настроены; иначе ихъ не тянуло бы къ поли-

тическимъ защитамъ. Политическіе защитники и составили ядро для Союза. Онъ начался характерно. Послѣ Указа 18 февраля московская адвокатура не могла отказаться представить Совѣту Министровъ и свои пожеланія. Въ началѣ марта, по иниціативѣ кружка политическихъ защитниковъ, для этой цѣли состоялось оффиціальное собраніе адвокатуры. Оно было заранѣе подготовлено; роли распредѣлены и резолюціи выработаны. На собраніе былъ внесенъ и проектъ образовать Союзъ Адвокатовъ. Былъ назначенъ организаціонный съѣздъ въ Петербургѣ и выбраны делегаты. Такъ адвокатскій союзъ оказался символически связаннымъ съ Указомъ Сенату.

Предположенный съѣздъ собрался въ концѣ марта. Никто не спрашивалъ для него разрѣшенія; право собираться предполагалось *установленнымъ* Указомъ Сенату. Это казалось настолько безспорнымъ, что первое засѣданіе было назначено не на частной квартирѣ, а въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Съѣздъ начался очень торжественно подъ предсѣдательствомъ Ф. И. Родичева. Припоминаю поучительное начало этого съѣзда. На съѣздъ была приглашена и польская адвокатура; организаторы видѣли въ этомъ только признаніе равноправія съ Польшей, наличіе у всѣхъ общаго дѣла. Щекотливыхъ политическихъ разномыслій по этому поводу мы не ожидали. Польскіе делегаты прибыли въ другомъ настроеніи. Они заявили, что примутъ участіе въ съѣздѣ только тогда, если будутъ находиться съ русскими на равныхъ правахъ, т. е. если Россія и Польша представятъ собой двѣ равноправныя единицы. Такъ былъ поставленъ вопросъ громадной политической важности и остроты; хорошо обдуманный и подготовленный поляками, онъ засталъ насъ совершенно врасплохъ. Кромѣ общихъ благожелательныхъ формулъ, въ нашемъ распоряженіи по этому вопросу не было рѣшительно ничего. Мы объ этомъ раньше не думали. Въ привезенной поляками резолюціи вопросъ былъ поставленъ конкретно; въ ней указывалась необходи-

мость установить «польскую автономію». Только при этомъ условіи поляки соглашались съ нами работать. Къ принятію серьезно такого рѣшенія готовы мы не были. И это очень характерно. Не только потому, что «Освободительное Движеніе», загипнотизированное своей борьбой съ Самодержавіемъ, о многомъ не думало; оно не оцѣнивало напряженности требованій національныхъ меньшинствъ; оно такъ же мало ждало ультимативнаго требованія автономіи, какъ послѣ 917 г., въ періодъ «самоопредѣленія народностей», оно не предвидѣло сепаратизма и другихъ явленій этой эпохи. Прогрессивные дѣятели Россіи были увѣрены, что національности не будутъ заявлять претензій къ возрожденной Россіи. Какъ позднѣе въ 1917 г., имъ казалось тогда, что всѣ будутъ спокойно ждать Учредительнаго Собранія. Но не менѣе характерно, насколько собраніе адвокатовъ, людей культурныхъ и образованныхъ, по профессіи связанныхъ съ самыми разнообразными правовыми проблемами государства, оказалось мало подготовленнымъ къ роли государственнаго устройства Россіи, которую оно съ такой легкостью брало на себя. Ни у кого, кромѣ можетъ-быть маленькой кучки посвященныхъ, по этому политическому предложенію не было мнѣнія. Вопросы объ единствѣ Россіи, о возможности ее сохранить при автономіи Царства Польскаго, о польской проблемѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, всѣ рѣшались экспромптомъ, по одному настроенію.

Сначала оно было не въ пользу поляковъ; ихъ ультиматумъ многихъ задѣлъ; ихъ заявленіе было встрѣчено холодно, и мы были близки къ разрыву. Положеніе спасъ Ф. И. Родичевъ. Онъ сказалъ одну изъ тѣхъ полныхъ идеализма рѣчей, которыми на эти темы онъ заражалъ своихъ слушателей. Подъемъ мысли и красота словъ однихъ устыдили, другихъ увлекли. Польскія условія были приняты par acclamation, и этимъ адвокатскій съѣздъ экспромптомъ одобрилъ польскую автономію. Съ нашей стороны это рѣшеніе тогда не было сознательнымъ актомъ. Мы только испытали на себѣ преимущество тѣхъ, кто приходитъ съ готовымъ рѣшеніемъ

и его навязываетъ неподготовленному большинству обывателей; иными словами мы въ этотъ разъ оказались жертвами той самой системы, которую до тѣхъ поръ примѣняли къ другимъ. Въ самомъ же рѣшеніи къ счастью мы не ошиблись.

Засѣданіе еще не было кончено и даже не было приступлено къ главному предмету занятій, когда явилась полиція. Опираясь на формальныя узаконенія, она требовала предъявленія разрѣшенія на это собраніе, угрожая въ противномъ случаѣ насъ разогнать, какъ незаконное сборище. Мы въ отвѣтъ ссылались на право дарованное намъ Высочайшимъ Указомъ Сенату. Обѣ стороны были по своему правы. Но въ первой стычкѣ съ полиціей мы уступили, не желая подводить Вольно-Экономическое Общество и, «подчиняясь насилію», очистили залъ. Но свой реваншъ мы взяли. Съѣздъ продолжалъ засѣдать на частныхъ квартирахъ. Въ нихъ опять являлась полиція; но на частныхъ квартирахъ мы были упорнѣе и предлагали примѣнить къ намъ силу не символически. Но тогдашняя власть была не большевистская. Полиція отступала, не зная, что дѣлать. Указъ былъ ей знакомъ, а политика завтрашняго дня была неизвѣстна. Она пугала, грозила, но дѣйствовать не рѣшилась; наконецъ намѣтился компромиссъ; мы стали давать списки участниковъ, не подчинившихся приказу уйти; полиція составляла на нихъ протоколы для дальнѣйшаго направленія дѣла, но намъ не мѣшала.

Препирательство съ полицейскими могло имѣть и смѣхотворный финалъ. Чтобы дать ходъ протоколамъ, въ то время составленнымъ, придумали привлечь участниковъ съѣзда по 126-й статьѣ Уложенія. Можно себѣ представить процессъ нѣсколькихъ сотенъ адвокатовъ по этой статьѣ послѣ того, какъ было возвѣщено преобразованіе строя Россіи и всѣмъ предоставлено сообщать свои мнѣнія! Надъ привлеченіемъ насъ смѣялись безъ исключенія всѣ, и только октябрьская амнистія избавила судъ отъ такой судебной комедіи.

Что же дѣлалъ этотъ профессіональный адвокатскій Союзъ, созданный съ такой помпой и трескомъ, оповѣстившій о своемъ рожденіи въ «Освобожденіи», съ перечисленіемъ тамъ (по его собственной просьбѣ) именъ всѣхъ участниковъ? Я помню полезную практическую работу многихъ адвокатскихъ обществъ, консультацій, кружковъ, организацій политическихъ или уголовныхъ защитниковъ и т. д.; но въ моей памяти не осталось никакого слѣда отъ профессіональной работы *Союза.* Весь его raison d'être, ради котораго онъ создался и съ которымъ окончился — было принятіе и опубликованіе нѣсколькихъ политическихъ резолюцій. Въ нихъ были трафареты (Учредительное Собраніе, четыреххвостка), въ которыхъ заключалась вся политическая мудрость этого времени; если съ ними и спорили, то только тѣ, которые хотѣли идти еще дальше. Такъ, предложеніе вступить всѣмъ членамъ профессіональнаго адвокатскаго союза въ политическій «Союзъ Освобожденія», было отвергнуто лишь потому, что нѣкоторое изъ участниковъ уже были членами революціонныхъ соціалистическихъ партій. Помню другое предложеніе — поставить въ программу профессіональнаго союза борьбу съ капитализмомъ и собственностью, что вызвало реплику даже отъ лѣваго М. Л. Мандельштама. Всѣ подобныя предложенія носили характеръ несерьезныхъ импровизацій. Но неожиданно открывшіяся между нами разномыслія и неумѣніе ихъ примирить тѣмъ вѣрнѣе вели къ принятію всепокрывающей спасительной формулы о подчиненіи себя «волѣ народа», которая выразится въ Учредительномъ Собраніи по четыреххвосткѣ. Вѣра въ то, что Учредительное Собраніе всевѣдуще и всемогуще, что оно найдетъ для всего разумный исходъ, что оспаривать *волю народа* есть богохульство — было той мистической основой, безъ которой Освободительное Движеніе того времени невозможно понять.

Я говорилъ объ адвокатскомъ союзѣ, но съ нѣкоторыми варіантами таковы были всѣ. Всѣ они обнимали самыхъ

видныхъ членовъ профессіи, создавались какъ бы для обсужденія профессіональныхъ нуждъ, а на дѣлѣ становились простыми формами политической агитаціи. Они излагали условія, въ которыхъ ихъ профессіональная дѣятельность могла бы правильно развиваться, и заключали, что первой и необходимой предпосылкой для этого есть Учредительное Собраніе по четырехвосткѣ. Тенденціозность такихъ заключеній хорошо понимали и тѣ, кто ихъ принималъ. Но на время они создавали видимость единомыслія въ общественномъ мнѣніи. Послѣ 17 октября всѣ эти союзы умерли естественной смертью; никому они не были болѣе нужны.

Я хочу мимоходомъ здѣсь упомянуть о союзѣ, который стоялъ въ сторонѣ, о союзѣ крестьянскомъ. Что было ему дѣлать въ интеллигентской средѣ? Помню удивленіе, когда этотъ союзъ впервые заявилъ о своемъ желаніи присоединиться къ Союзу Союзовъ. Онъ не могъ называться *профессіональнымъ* союзомъ, не могъ по удѣльному вѣсу стоять на одной доскѣ съ адвокатами или профессорами. Я даже не помню теперь, былъ ли онъ принятъ формально въ центральную организацію, но это неважно.

Въ немъ, какъ въ увеличительномъ зеркалѣ, отразились всѣ свойства профессіональныхъ союзовъ. И создался онъ тѣмъ же путемъ. Организаторами его были не крестьяне, а тѣ-же интеллигенты, политики; они пришли съ готовой программой, которую оставалось только провести въ аморфной политически крестьянской средѣ. Крестьянская масса для подобныхъ вопросовъ была подготовлена еще меньше, чѣмъ выборные делегаты профессіональныхъ союзовъ, и инипіатива вожаковъ въ ней встрѣчала поэтому еще меньше сопротивленія. За то пропаганда среди крестьянъ облегчалась тѣмъ, что у крестьянъ уже были готовы тѣ ячейки для постановленій, которыя въ интеллигентской средѣ надо было еще создать; у крестьянъ было «сельское общество» и институтъ «приговоровъ». Оставалось найти людей, которые соглашались бы взять на себя иниціативу; къ отысканію ихъ

свелась дѣятельность оргаизаторовъ. Указъ 18 февраля далъ имъ для этого легальную почву. Благодаря этому крестьянскія общества получили право, котораго раньше никто изъ нихъ не имѣлъ, безнаказанно излагать властямъ свои пожеланія. Эти пожеланія у нихъ были давно; они сводились къ требованію себѣ земли своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Возможность заявлять это въ формѣ легальной, какъ будто по приглашенію самого Государя, ничѣмъ не рискуя, была такъ близка крестьянскому сердцу, что приговоры объ этомъ стали писаться десятками, безъ малѣйшаго колебанія. А потребовавъ землю, крестьяне безъ возраженій включали подсказанныя имъ пожеланія объ Учредительномъ Собраніи и о четырехвосткѣ. Это казалось дешевой платой за землю. И провести такую процедуру было ничуть не болѣе трудно, чѣмъ заставить послѣ 1917 г. прославлять Республику, III-й Интернаціоналъ, и даже «ликвидацію кулачества, какъ класса». Позднѣйшая судьба Крестьянскаго Союза была иная, чѣмъ у другихъ союзовъ: самое его присоединеніе къ нимъ было искусственнымъ. Но въ свое время оно было полезно движенію; крестьянство пріобрѣло видимость организованности и его программа, т. е. якобы подлинная народная воля, соблазнительно совпадала съ программой «Освобожденія». Впечатлѣніе отъ этого было внушительно.

Было бы легкомысленно приписывать Указу эти явленія нашей жизни. Если бы общество было довольно или по крайней мѣрѣ спокойно Указъ ничего бы не создалъ. Освободительное Движеніе родилось изъ причинъ историческихъ, приведшихъ все населеніе къ повышенному политическому интересу, къ той жаждѣ политическихъ перемѣнъ, которая бываетъ въ переломные періоды государственной жизни. Но Указъ оказалъ поддержку этому настроенію и далъ ему выходъ. Онъ профессіональные союзы превравъ «политическіе» и какъ послѣдствіе этого помогъ организовать всю русскую интеллигенцію. Люди, которые создали это движеніе, невольно поддавались сами обаянію поро-

жденной ими фикціи. Профессіональные союзы, ихъ объединяющій органъ Союзъ Союзовъ сталъ казаться выраженіемъ дѣйствительной воли народа или по крайней мѣрѣ его *безсословной интеллигенціи.* Голосъ «союзовъ» казался много внушительнѣе банкетныхъ резолюцій, или нелегальной печати.

А между тѣмъ все это было очень преувеличено. Союзы не представляли профессій, хотя присвоили себѣ право говорить отъ ихъ имени. Ни малѣйшей профессіональной работы, которая сближаетъ людей, въ нихъ *не* производилось; никакихъ общихъ *профессіональныхъ* нуждъ они не защищали. Профессіональныя нужды были только риторическимъ подходомъ, чтобы отъ имени союза придти къ заключенію, что никакая профессіональная дѣятельность не будетъ возможна, пока не будутъ осуществлены освободительные лозунги, т. е. пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Ячейки Союза Освобожденія съ готовыми лозунгами организовывали союзы, при пассивномъ или активномъ сочувствіи собравшихся; эти лозунги включали въ программу и потомъ заключали, что вся данная профессія съ этимъ согласна. Создавалась соблазнительная *видимость* единодушія.

Люди, которые близко къ дѣлу стояли, знали, что они представляютъ только *себя.* Но легкость, съ которой наше неопытное и взбаламученное общество поддавалось на интеллигентскую пропаганду, и принимало любыя постановленія, это самозванство оправдывало. Гдѣ правильнаго представительства нѣтъ, тамъ легко не только говорить за другихъ, но и быть убѣжденнымъ, что выражаешь общее мнѣніе. Долгая политика власти, которая мѣшала организаціи общества, свои плоды пожинала. Высочайшимъ Указомъ 18 февраля она «интеллигентскихъ вождей» сама превратила въ выразителей воли «народа».

Глава XIV.

АГОНІЯ САМОДЕРЖАВІЯ.

Тогда начался рѣшительный этапъ «Освободительнаго Движенія», побѣда его военной идеологіи. Этимъ гордымъ сознаніемъ проникнута статья Милюкова, въ «Освобожденіи» отъ 26 іюля 1905 года (подпись С. С.). Она называется «Россія организуется». Онъ въ ней говоритъ: «общество въ самыхъ консервативныхъ слояхъ приходитъ къ рѣшимости — взять *власть въ свои руки*. Русское общество организуется по мѣрѣ того, какъ дезорганизуется правительство». Въ чемъ видѣлъ авторъ эту общественную организацію? Не въ земствѣ, которое по роду своей дѣятельности, хотя мѣстной, но общегосударственной по объему, должно было быть основой общественнаго самоуправленія во всероссійскомъ масштабѣ. Авторъ земствомъ уже *недоволенъ*. Сочувствіе земству «затруднено извѣстнымъ чувствомъ недовѣрія и антагонизма, которе несомнѣнно существуетъ по отношенію къ земству»... «Это недовѣріе переносится и на ту земскую передовую группу (т. е. земцы-конституціоналисты), которая *начала все политическое движеніе въ земской средѣ*. На ея счетъ заносятъ всѣ тѣ *ошибки* и *безтактности*, которыя въ такомъ изобиліи совершались членами этой земской группы.» Итакъ не земство—руководители, не оно—организованная Россія, которая «приходитъ къ рѣшимости, взять власть въ свои руки». Кто же эти претенденты? «Это люди личнаго труда и свободныхъ профессій. Это положеніе и подсказываетъ имъ ихъ форму организаціи — наиболѣе для нихъ подходящую. Такой формой оказалась та форма *профессіональныхъ союзовъ*, которая такъ быстро и широко была *использована* въ послѣдніе мѣсяцы для политическихъ цѣлей». И Милюковъ добавляетъ: «что касается политиче-

скаго настроенія «союзовъ», надо было заранѣе ожидать, что оно будетъ *непохоже* на настроеніе *земскихъ* и *городскихъ* дѣятелей».

Это интересная и правильная постановка вопроса; *это* дѣйствтельно *совершалось* въ этотъ моментъ и въ этомъ была Немезида за прошлое. Обывательская Россія пошла за организованной «интеллигенціей», за ея лозунгами и руководителями. Началась явная гегемонія «военныхъ».

Ибо mutatis matandis можно было сказать, что земства были представителями гражданской идеологіи, а организованная въ Союзъ Союзовъ интеллигенція — военной.

Съ начала своего существованія земства воплощали принципъ *самоуправленія общества въ сотрудничествѣ съ государственной властью.* Они были школою для будущей конституціи, знакомились на практикѣ съ началами народоправства и создавали кадры будущихъ политическихъ дѣятелей. Конституція естественно мыслилась какъ «увѣнчаніе зданія», какъ логическое завершеніе того, что уже было въ земствѣ дано; конституція должна была быть en grand тѣмъ же сотрудничествомъ власти и общества. Пусть земства съ губернаторами боролись; борьба въ закономъ предусмотрѣнныхъ формахъ есть только форма сотрудничества. Эволюціонный путь къ конституціи шелъ именно черезъ земство; земская дѣятельность была мирнымъ теченіемъ жизни, а не «военной кампаніей».

Напротивъ того, организація профессіональной интеллигенціи произошла во время войны, и не для мирной работы, а спеціально съ военною цѣлью, т. е. для разрушенія Самодержавія. Ту часть интеллигенціи, которая подъ видомъ профессіональныхъ союзовъ организовалась въ Союзъ Союзовъ, объединялъ только этотъ лозунгъ — «долой Самодержавіе». Не интеллигенцію вообще, входившую въ обывательскую массу страны, а интеллигентское организованное меньшинство, можно уподобить той спеціальной части насе-

ленія, raison être, которой—война, т.-е.—уподобить «военному классу».

Военные существуютъ и въ мирное время, но въ это время они не господствуютъ; cedant arma togae. Но когда начинается война — роли мѣняются. Военные руководятъ войной и штатскіе имъ подчиняются. Такъ произошло и у насъ. Пока будущую конституцію видѣли въ концѣ эволюціи, въ ней видѣли увѣнчаніе «земскаго зданія». Но когда война разразилась, во главѣ военныхъ дѣйствій стала «интеллигенція». Постепенное подчиненіе ей *земскаго элемента* интересная страничка нашей исторіи.

Апогей земской популярности былъ въ ноябрѣ 1904 г., когда Земскій Съѣздъ первый потребовалъ конституціи. Если вожди интеллигенціи были имъ недовольны и открыли «банкетную кампанію», то обывательская масса свою надежду пока видѣла все-таки въ *земствѣ*. Популярность земцевъ этого времени можно сравнить съ эфемерной популярностью Государственной Думы въ 1917 году. Если бы земцы тогда побѣдили — они бы надолго сохранили первое мѣсто. Но вмѣсто побѣды послѣдовала неудача Святополкъ-Мирскаго, что было неудачей тактики соглашенія. Нужно было войну продолжать. Когда прерываются переговоры о мирѣ, слово переходитъ къ начальникамъ арміи. Въ январѣ и февралѣ выступилъ Ахеронтъ и онъ привелъ къ побѣдѣ 18 февраля.

Конечно, вліяніе земства исчезло не сразу. Но «восходящее солнце» находитъ больше поклонниковъ, чѣмъ «заходящее». Къ тому же въ самомъ земствѣ вслѣдствіе его неудачъ начинался расколъ.

Послѣ перваго ноябрьскаго Съѣзда состоялся второй въ февралѣ 1905 г. Онъ былъ собранъ на основѣ правильнаго представительства отъ губернскихъ земскихъ собраній. Это дало ему поводъ считать себя представителемъ всероссійскаго земства, или какъ Освобожденіе его величало «правильно организованнымъ конгрессомъ делегатовъ губернскихъ земскихъ собраній». Но это было самообманомъ.

Если бы Земскій Съѣздъ былъ оффиціальнымъ учрежденіемъ и выборы въ нихъ проходили въ оффиціальномъ порядкѣ, это наименованіе могло быть оправдано. Но это было не такъ. Правда, Земскіе Съѣзды уже не преслѣдовались, но остались предпріятіемъ частнымъ, только терпимымъ. Принятіе участія въ выборахъ въ такое «подозрительное» учрежденіе уже предполагало принципіальное его *одобреніе*. Съ другой стороны иниціатива выборовъ на Съѣздѣ принадлежала его фактическимъ участникамъ; они имѣли возможность проводить своихъ *единомышленниковъ*.

Поэтому, несмотря на «правильное представительство», составъ Земскаго Съѣзда не измѣнился; появились только представители нѣкоторыхъ губерній, которые раньше отсутствовали. Но если его составъ не измѣнился, то мѣнялось его настроеніе. Не новые представители на это вліяли. Съѣздъ къ несчастью получалъ отъ самого Самодержавія примѣры нагляднаго обученія; съ ноября прошло много событій. На глазахъ всѣхъ побѣждала не либеральная «дипломатія», а «революціонныя дерзанія». Наиболѣе активные земскіе элементы уже тянули налѣво, къ согласованію своей программы и тактики съ «Освобожденіемъ», съ «демократической интеллигенціей», которая послѣ 18 февраля получила возможность организоваться и выставить старые освобожденскіе лозунги, какъ программу всего русскаго культурнаго общества.

Это обнаружилось на 3-мъ апрѣльскомъ Съѣздѣ 1905 года. Тѣ земскіе дѣятели, которые на ноябрьскомъ Съѣздѣ, уступая земскимъ традиціямъ и дорожа земскимъ единствомъ уступили своему меньшинству, болѣе *не хотѣли* уступокъ. И потому передъ Съѣздомъ были поставлены самые острые вопросы; шло испытаніе на «демократичность».

Какъ и нужно было ожидать, расколъ произошелъ. Часть земцевъ, съ Шиповымъ во главѣ, со Съѣзда ушла. Правда и этотъ Земскій Съѣздъ за *Учредительное Собраніе* опредѣленно не высказался. Въ такое противорѣчіе со сво-

имъ ноябрьскимъ постановленіемъ онъ стать не хотѣлъ. Но разномысліе заключалось *не въ* опредѣленномъ пунктѣ программы или тактики; оно было въ самой идеологіи и было неважно, на какой апельсиной коркѣ это разномысліе обнаружится. Земское меньшинство осталось при земскихъ традиціяхъ и не мыслило новаго строя въ Россіи *безъ соглашенія съ исторической властью.* Нѣкоторые ради этого соглашенія мирились даже съ принципомъ Самодержавія. Этимъ я могу объяснить позицію нашихъ «прежнихъ» славянофиловъ, которые до самаго 17 октября «конституціи» не хотѣли, а затѣмъ стали конституціоналистами «по высочайшему повелѣнію», какъ острилъ Хомяковъ. Но и серьезные конституціоналисты и придворные славянофилы земскаго меньшинства одинаково хотѣли оставаться лойяльными въ отношеніи къ исторической власти, не мечтали о ея «низверженіи» и ждали сверху «реформы».

Но большинство ничего отъ Самодержавія уже не ждало. Съ нимъ оно было въ открытой войнѣ и противъ него было радо всякимъ союзникамъ. Оно не заботилось, чтобы его желанія были для *власти* пріемлемы; но за то шло на уступки, чтобы *всѣ* враги Самодержавія могли стоять на *одномъ общемъ* фронтѣ. Революція ихъ не пугала. Въ ней они напротивъ видѣли способъ установить въ Россіи «свободу и право». Была полная аналогія. Меньшинство, ища соглашенія съ *властью,* принуждено было *ей* уступать; большинство, поддерживая общій фронтъ съ *Революціей,* должно было уступать *Революціи.* Между этими двумя направленіями обнаружилась пропасть, при которой стало трудно дѣлать *общее дѣло.*

Помню тогдашніе разговоры о земскомъ расколѣ. О немъ мало жалѣли. Съ меньшинствомъ сходили съ политической сцены отсталые сторонники совѣщательныхъ правъ представительства, которыхъ Освобожденіе давно разсматривало как реакціонеровъ. Вожди большинства могли радоваться, что меньшинство имъ не будетъ мѣшать держать свой курсъ

на «демократическую интеллигенцію». Помню все же и сожалѣнія. Боялись, что расколъ земства усилитъ Самодержавіе; жалѣли, что меньшинство обрекаетъ себя на безсиліе и принуждено будетъ искать поддержки направо. Однако мало кто предвидѣлъ тогда, что отходъ меньшинства нанесетъ громадный вредъ самому *земству* въ моментъ, когда его авторитетъ будетъ нужнѣе всего, т. е. когда война съ Самодержавіемъ окончится капитуляціей и смѣнится задачей конституціоннаго устройства Россіи.

Со времени апрѣльскаго Земскаго Съѣзда руководство движеніемъ безраздѣльно переходило къ *интеллигенціи*. Но земству, какъ самостоятельной силѣ, пришлось однако *еще разъ* выступить вмѣстѣ. Это выступленіе опять показало его политическій вѣсъ. Но какъ и послѣ 1-го Земскаго Съѣзда земство этого не сумѣло использовать и всю выгоду отъ его послѣдняго выступленія получили «интеллигентскіе» руководители. Имъ оно принесло неизмѣримую пользу, чего они, конечно, не только не хотѣли признать, но за что земцевъ лишній разъ упрекали.

*

* *

Послѣднее совмѣстное выступленіе всего русскаго земства состоялось въ маѣ 1905 г. и получило характерное названіе «коалиціоннаго» Съѣзда. Такъ измѣнилось положеніе! До сихъ поръ были просто земскіе съѣзды; какъ во всѣхъ коллегіяхъ, въ нихъ могло быть большинство и меньшинство, правое и лѣвое крыло; но это было все-таки единое русское земство, т. е. то самое, которое въ ноябрѣ 1904 г. заявило единогласное требованіе народнаго представительства. Но послѣ раскола въ апрѣлѣ двѣ половины его такъ разошлись, что совмѣстное ихъ совѣщаніе называлось уже «коалиціей». Болѣе того; встрѣча этихъ двухъ половинъ, даже въ то исключительно тяжелое время, когда Россія потеряла весь флотъ, когда война казалась проигранной и когда внутренія препирательства въ земской средѣ были ея недо-

стойны — даже въ это время майскій коалиціонный Съѣздъ явился какой-то случайностью, а не естественнымъ порывомъ руководителей различныхъ группъ русскаго земства. Я въ то время былъ еще такъ далекъ отъ міра профессіональныхъ политиковъ, что на одни свои наблюденія положиться не могъ бы. Но посвященные люди тогда говорили съ усмѣшкой, что настоящимъ иниціаторомъ *этого* съѣзда былъ Н. Н. Баженовъ; это подтверждалось и тѣмъ, что онъ былъ именно тогда кооптированъ въ бюро земскихъ съѣздовъ.

Баженовъ былъ любопытной и типичной фигурой московскаго общества 90-хъ и девятисотыхъ годовъ. Харьковецъ по рожденію, онъ былъ москвичемъ по воспитанію, службѣ и всему своему облику. Очаровательный человѣкъ и, какъ всѣ очаровательные люди, исполненный противорѣчій. По профессіи докторъ, ученикъ С. С. Корсакова, главный врачъ громадной Преображенской больницы, онъ вѣчно вертѣлся въ мірѣ художниковъ, артистовъ или писателей. Обладая совершенно исключительнымъ безобразіемъ, надъ которымъ онъ самъ добродушно смѣялся, онъ былъ страстнымъ поклонникомъ женщинъ и имѣлъ среди нихъ громадный успѣхъ. Жадный къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, онъ увлекался всякими видами спорта, но, какъ самъ говорилъ, поражалъ во всѣхъ своей бездарностью. Я въ этомъ могъ убѣдиться, побывавъ одинъ разъ вмѣстѣ съ нимъ на охотѣ. Остроумный и интересный собесѣдникъ, человѣкъ высоко культурный, гостепріимный и веселый товарищъ, онъ былъ вездѣ желаннымъ сотрудникомъ; но никто его въ серьезъ не принималъ, чему онъ наивно и искренно удивлялся. Такъ было съ нимъ и въ политикѣ. Во время выборовъ въ III Государственную Думу онъ рѣшился поставить свою кандидатуру въ Москвѣ; собравъ на совѣщаніе видныхъ товарищей-докторовъ, онъ предложилъ имъ ужинъ и вопросъ на обсужденіе: не находятъ ли доктора, что было бы полезно имѣть однимъ изъ депутатовъ Москвы доктора по спеціальности? Доктора съѣли ужинъ и рѣшили, что это совсѣмъ нежелательно. Баженовъ

не унывалъ; послѣ засѣданія кадетскаго городского комитета, который намѣчалъ кандидатовъ и куда онъ поѣхалъ защищать свою кандидатуру, онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ недоумѣннымъ вопросомъ: «скажи мнѣ, почему меня въ городскомъ комитетѣ не любятъ? За меня были поданы только двѣ записки, въ томъ числѣ и моя». Всѣ такія огорченія не мѣшали ему ни къ кому не питать ни малѣйшей досады и потомъ добродушно трунить надъ своей неудачей.

Этотъ Баженовъ послѣ Цусимы счелъ нужнымъ что-нибудь сдѣлать и собралъ у себя на совѣщаніе разнообразныхъ пріятелей; тутъ были и земцы, и посторонніе люди, въ родѣ меня. Можетъ быть именно потому, что ни съ какимъ направленіемъ Баженовъ тѣсно связанъ не былъ и ни въ какомъ не имѣлъ принципіальныхъ враговъ, онъ не представлялъ себѣ трудности коалиціоннаго съѣзда. Но его идея имѣла успѣхъ. Послѣ Цусимы стало ясно, что война нами проиграна. Флотъ былъ послѣднею ставкою. Ясно стало также, что продолженіе войны для нашей прежней власти уже не по силамъ. Попытки ея упорствовать въ веденіи войны могли привести къ Революціи. А такъ какъ панацеей всѣхъ бѣдъ считалось тогда «представительство», то наступилъ моментъ, когда это должно было сказать съ ясностью. На собраніи у Баженова было рѣшено собрать вновь земскій съѣздъ, и отъ имени *всей* земской Россіи поставить Государя лицомъ къ лицу съ той отвѣтственностью, которую онъ бралъ на себя. Помню на этомъ собраніи рѣчь Н. Н. Львова, по его привычкѣ не столько рѣчь, сколько монологъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что подобное заявленіе въ этотъ моментъ прямой долгъ объединеннаго русскаго земства.

Ни одна изъ земскихъ половинъ не рѣшалась взять на себя одіумъ отказа отъ съѣзда. Бюро съѣздовъ взяло на себя инициативу и пригласило Шиповскую группу. Съѣздъ состоялся. Но обѣ стороны шли на него безъ энтузіазма. И прежде всего они своего единства уже не чувствовали. Съ ноября утекло много воды. Тогда земцы разошлись по ка-

питальному вопросу о конституціи, и это имъ все-таки не помѣшало выработать *совмѣстную* программу реформъ, *совмѣстно* ее подписать и согласиться въ дальнѣйшемъ *вмѣстѣ* работать. Сейчасъ же въ трагическую минуту Россіи имъ вмѣстѣ нечего было дѣлать. Это говорилось на съѣздѣ. «Если мы вздумаемъ разсуждать о внутренней политикѣ, говорилъ Петрункевичъ, мы тотчасъ расколемся; поэтому лучше не начинать». Ему вторили изъ противоположнаго лагеря. А между тѣмъ всѣ острые вопросы (конституція или совѣщательное представительство, четыреххвостка или цензовые выборы, Учредительное Собраніе или октроированная конституція) были внѣ обсужденія. Единственнымъ пунктомъ, которымъ съѣздъ занимался, было утвержденіе, что продолжать войну силами одного бюрократическаго Самодержавія больше нельзя. Въ этомъ *всѣ* были согласны. О чемъ же было спорить страстно и долго и не разъ подходить снова къ разрыву? Пренія обнаружили разницу идеологіи, которая раздѣляла всѣхъ на двѣ группы. Вопросъ былъ въ одномъ: продолжаютъ ли желать земцы совмѣстныхъ дѣйствій съ исторической властью, т. е. реформы сверху, или извѣрившись въ власти они съ Революціей уже примирились и желаютъ довести ее до того напряженія, чтобы власть уступила *ей* мѣсто?

Это коренное разномысліе открылось при обсужденіи адреса. Одни хотѣли убѣждать Государя, обращались къ *нему*. Другіе обращеніе къ Государю считали безцѣльнымъ и допускали адресъ только какъ пріемъ агитаціи. Практическія предложенія этихъ другихъ варьировали въ зависимости отъ темперамента. Одни хотѣли немногаго: были бы удовлетворены, если бы въ адресѣ была упомянута угроза, что это *послѣднее* обращеніе къ Государю. Другіе считали главнымъ не адресъ, а посылку *депутаціи*, которая его повезетъ. Здѣсь открывалось новое поле для дѣйствій. «Адресъ не имѣетъ значенія», говорилъ Н. Н. Ковалевскій; «надо поддержать его поѣздкой въ Петербургъ всего съѣзда in cor-

роге». Его, конечно, не примутъ. Но это будетъ сенсація. Ораторъ рисовалъ соблазнительную картину разгона: «пусть насъ хоть нагайками разгоняютъ, я не боюсь и нагайки; пусть стрѣляютъ; капли крови, которыя мы прольемъ, будутъ полезнѣе, чѣмъ рѣки крови, которыя льются на поляхъ Манджуріи». Третьи настаивали, что надо обращаться не къ Государю, а къ народу; выработать національную петицію и покрыть миллюнами подписей. Краснорѣчіе, которымъ облекались подобныя предложенія, не скрывало никчемности предлагаемыхъ мѣръ. Въ этомъ была слабость тактики земскаго большинства. Угроза поѣздки скопомъ, чтобы вызвать отказъ въ пріемѣ, агитація для массовой подписи адреса — какъ *революціонное средство* — были слабы; не лучше воззванія въ Выборгѣ. Но какъ поступокъ зрѣлой *земской* среды, которая претендуетъ на участіе въ управленіи государствомъ,—они противорѣчили цѣли. Можно было бояться, что Съѣздъ расколется на этомъ вопросѣ. Но сила земскихъ традицій, чувство реальности, которое еще сохранялось въ земской средѣ, оказались сильнѣе діалектики прямолинейныхъ политиковъ. Земцы не хотѣли себя осрамить и разойтись, не принявъ никакого рѣшенія. Они нашли компромиссъ. Этотъ компромиссъ былъ нормальнымъ. Когда люди хотятъ вмѣстѣ идти, они естественно равняются по слабѣйшему; кавалерія вмѣстѣ съ пѣхотой идетъ шагомъ, а не пѣхота бѣжитъ за ней рысью. Въ политической жизни часто бываетъ другое; передовое большинство моральнымъ насиліемъ старается навязать меньшинству *свою* волю. Земцы поступили иначе. *Большинство* уступило и пошло по линіи наименьшаго сопротивленія. Адресъ былъ принятъ. Онъ былъ рѣзокъ по формѣ; утверждалъ, что «Россія была ввергнута въ войну преступными небреженіями и злоупотребленіями совѣтчиковъ Государя», что спасеніе въ созывѣ народнаго представительства. Но правдивая рѣзкость могла быть оправдана; часъ былъ трагическій. Зато по существу адресъ не провоцировалъ Революціи, не задавался цѣлью колебать

историческую власть; онъ обѣщалъ ей поддержку русскаго земства, т. е. выражалъ идеологію земскаго *меньшинства.*

То же вышло и въ вопросѣ о депутаціи. Она выбрана была изъ наиболѣе яркихъ именъ земскаго *большинства.* Въ ея составѣ былъ не только И. И. Петрункевичъ и Ф. И. Родичевъ, опальныя и одіозныя для Государя, но зато громкія земскія имена, но даже Н. Н. Ковалевскій, гораздо менѣе извѣстный, который на майскомъ съѣздѣ особенно нетерпимо осуждалъ самую мысль объ адресѣ Государю. Единственный выбранный представитель земскаго меньшинства Д. Н. Шиповъ отъ участія въ депутаціи отказался. Но несмотря на такой составъ, депутація поѣхала все-таки не для демонстраціи, не для возбужденія населенія, не для постановки Государю ультиматумовъ; ораторомъ ея отъ имени всѣхъ былъ выбранъ кн. С. Н. Трубецкой, который сочеталъ твердыя конституціонныя убѣжденія съ полной лойяльностью къ монархіи и Монарху. Это было опять торжествомъ земскаго *меньшинства.*

Посылка депутаціи была для того времени громаднымъ по значенію «политическимъ актомъ». По нравамъ Самодержавія пріемъ ея уже былъ почти переворотомъ. Придворный міръ былъ скандализованъ составомъ депутаціи, въ которую вошли спеціально для Государя непріятные люди; онъ настаивалъ на исключеніи нѣкоторыхъ участниковъ. Ни на какія уступки депутація не пошла. Уступилъ Государь. Но за то вся депутація говорила языкомъ лойяльнаго русскаго земства. Вступительныя слова Трубецкого, въ которыхъ онъ отъ имени всѣхъ благодарилъ Государя за то, что онъ не повѣрилъ тѣмъ, кто изображалъ земцевъ крамольниками, рѣзко отмежевали земцевъ отъ *революціонной* идеологіи. Трубецкой провелъ грань между лойяльной земской средой, опорой для будущей власти, и волновавшимся Ахеронтомъ. Это была правильная и умная постановка вопроса, которую Государь оцѣнилъ. И со стороны Трубецкаго это не было «превыше-

ніемъ правъ», правымъ «уклономъ». Въ своихъ воспоминаніяхъ И. И. Петрункевичъ разсказываетъ, что Трубецкой предварительно прочелъ депутаціи свою рѣчь и она «вызывала общее удовлетвореніе и одобреніе, какъ своимъ содержаніемъ, такъ и силой и красотой формы». Вотъ каково было настроеніе даже *лѣваго земства,* когда оно было на надлежащемъ мѣстѣ, оставалось самимъ собой и освобождалось изъ подъ вліянія профессіональной интеллигенціи.

Такой языкъ естественно нашелъ откликъ и въ Государѣ. Онъ, авторъ злополучныхъ словъ о «безсмысленныхъ мечтаніяхъ», въ отвѣтѣ земцамъ торжественно обѣщалъ созвать народное представительство, просилъ ихъ «отбросить всякія въ этомъ сомнѣнія», увѣрилъ ихъ, что «самъ за этимъ дѣломъ слѣдитъ» и, что они, земцы, «отнынѣ ему въ этомъ помощники».

Петергофское свиданіе могло стать переломнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ Государя и, если не всего общества, то по крайней мѣрѣ земства. Историческая власть и избранная общественность находили почву для совмѣстной работы. Общественность отмежевалась отъ Ахеронта и готова была помогать Государю въ мирномъ преобразованіи Государства. Государь отрекался отъ прежнихъ ошибокъ и вступалъ на путь преобразованій. Свиданіе могло оказаться не только символически, но и практически важнымъ.

Но такимъ оно не оказалось. Соглашеніе вышло призрачнымъ по винѣ обѣихъ сторонъ. «Окруженіе» Государя приняло мѣры, чтобы не допустить дальнѣйшихъ уступокъ; Государь былъ склоненъ слушать свое «окруженіе»; его взглядамъ онъ въ душѣ сочувствовалъ. Безполезно это ему ставить въ вину; онъ былъ такимъ, какимъ его создали традиціи династіи и придворнаго міра. Вмѣсто упрековъ было полезнѣе съ этимъ считаться и вліянія этихъ традицій и привычекъ въ немъ не усиливать.

Но если окруженіе Государя постаралось удержать его отъ дальнѣйшаго сближенія съ земцами, то въ томъ же хло-

потали и лѣвые союзники земства — освобожденская интеллигенція. Они были недовольны пріемомъ, недовольны рѣчами и поторопились выпрямить «земскій уклонъ». Профессіональные политики возмущались Трубецкимъ за его рѣчь. Помню личныя впечатлѣнія отъ разговора съ С. Н. Трубецкимъ. Онъ охотно разсказывалъ, какъ все происходило, но я чувствовалъ, что онъ оправдывается и доволенъ, что я его не осуждаю. Осуждали его со всѣхъ сторонъ. Въ 73 номерѣ «Освобожденія», вліяніе котораго было въ то время въ своемъ апогеѣ, появилась статья, подписанныя «старый земецъ», полная негодованія на Трубецкаго. Она горько его упрекала, что онъ «стремился подчеркнуть разстояніе, которое отдѣляло его отъ Революціи (крамолы)», и забылъ, что «крамолѣ онъ былъ обязанъ возможностью говорить передъ царемъ». Такая статья была не одна и выражала общераспространенное убѣжденіе. Но было нѣчто и болѣе реальное, чѣмъ статья въ заграничномъ журналѣ. Въ началѣ іюля въ Москвѣ состоялся съѣздъ земцевъ-конституціоналистовъ, т. е. руководящаго ядра земскаго большинства. Это былъ важный и рѣшительный съѣздъ. На немъ было рѣшено начать организацію будущей к.-д. партіи, а «земцамъ-конституціоналистамъ» войти въ организацію «Союза Союзовъ». На этомъ Съѣздѣ присутствовали представители не земской общественности; земцамъ пришлось отъ нихъ выслушать много непріятныхъ вещей. Были упреки за посылку депутаціи къ Государю. И характерны были не столько упреки, сколько то, *какъ земцы* противъ нихъ защищались. Никто не рѣшился принципіально отстаивать законность «лойяльнаго либерализма», ставки на благожелательность власти. Никто не отмѣтилъ своеобразія роли, которую въ ближайшемъ будущемъ придется играть *земской средѣ* и которую для этого въ интересахъ дѣла полезно было сохранить не компрометированной. Земцы-конституціоналисты защищались только тѣмъ, что майскій съѣздъ былъ *коалиціонный*, и что они должны были съ *этимъ* считаться. Эта ихъ капитуляція предрѣшила дальнѣйшее.

Понятныя настроенія правительства и земцевъ, которыя другъ друга питали, ибо правительство знало, *что* происходитъ въ земской средѣ, и какъ мало примирительно она была настроена, вышли наружу на іюльскомъ Земскомъ Съѣздѣ 1905 года и разорвали только что установившуюся связь между Государемъ и земствомъ. И хотя въ томъ, что случилось, обѣ стороны были одинаково виноваты, старый режимъ ухитрился принять на себя одного весь одіумъ за крушеніе перемирія. Депутація была принята 15 іюня, 6 іюля созванъ былъ Съѣздъ. Петергофская встрѣча могла дать новое направленіе земской работѣ въ соотвѣтствіи съ сказанными Государемъ словами. Во всякомъ случаѣ Съѣздъ былъ естественъ послѣ встрѣчи Государя съ общественностью и обращенныхъ имъ къ депутаціи словъ. И несмотря на это, Съѣздъ оказался *запрещеннымъ* администраціей. Мало того, его оффиціально предупредили, что въ случаѣ неподчиненія Съѣздъ будетъ силой *разогнанъ*.

Живо помню обстановку этого съѣзда. Отношеніе къ нему администраціи вызывающе противорѣчило тому, что недавно говорилъ Государь. Молча подчиниться запрету съѣздъ не хотѣлъ и не могъ. Земцы рѣшили ослушаться, собрались и ждали полиціи. Но и полиція не являлась; она ждала открытія засѣданія, чтобы придти, когда будетъ corpus delicti. Была лѣтняя жара; въ домѣ кн. Долгорукихъ прекрасный садъ; въ ожиданіи прибытія властей земцы гуляли по саду. Въ примѣненіе насилія не вѣрилъ никто; но зато всѣ чувствовали, что «дѣлается исторія». Это былъ тотъ день, когда, какъ я упоминалъ, С. А. Муромцевъ констатировалъ съ грустью равнодушное отношеніе широкой публики къ тому, что дѣлаютъ земцы.

Безъ конца пережидать другъ друга становилось смѣшно. Засѣданіе наконецъ открылось подъ предсѣдательствомъ гр. Гейдена. Тотчасъ явился приставъ Носковъ. Онъ понималъ нелѣпость даннаго ему порученія. Передъ нимъ были извѣстные почтенные люди, сіялъ генеральскій

мундиръ Кузьмина-Караваева; приставъ зналъ о ласковомъ пріемѣ этихъ самыхъ людей Государемъ. Къ тому же власть не рѣшалась идти до конца. Если бы Носковъ имѣлъ полномочія разогнать силой съѣздъ, это *могло* быть исполнено и сдѣлало бы земцевъ смѣшными. Но власть не хотѣла прибѣгать къ такимъ большевистскимъ пріемамъ. Она сдѣлала ровно столько, сколько было нужно, чтобы скомпрометировать позицію «лойяльнаго либерализма» и сыграть на руку революціонной идеологіи. Все было нелѣпо. Помню сконфуженнаго Носкова, которому не приходилось еще такъ поступать съ такими людьми, смущеніе гр. Гейдена, котораго до тѣхъ поръ ни откуда силой не выгоняли. По непривычкѣ къ такимъ пріемамъ, онъ вступилъ съ Носковымъ въ неудачныя пререканія. Положеніе спасъ П. Д. Долгорукій, который въ качествѣ хозяина дома увелъ пристава въ другія комнаты для составленія протокола, а засѣданіе продолжалось. Носковъ былъ радъ, что какой-то выходъ былъ все-таки найденъ. Въ довершеніе комизма былъ еще раньше приготовленъ фотографъ, и сдѣлана вспышка въ моментъ появленія пристава. Онъ потребовалъ отдачи ему негатива. Для этого не было законныхъ основаній, его не послушали. Фотографія этой сенсаціонной сцены была потомъ напечатана въ извѣстной иллюстрированной книгѣ «Послѣдній Самодержецъ».

Но несправедливо думать, что именно эта безтактность правительства была причиной новой позиціи земства. Бюро Земскихъ Съѣздовъ задолго до появленія Носкова въ домѣ князей Долгорукихъ съ своей стороны подготовило резолюціи къ съѣзду; они не имѣли уже ничего общаго съ идеологіей петергофскаго «пріема». Онѣ явились реакціей «большинства» на сдѣланную ими на Майскомъ Съѣздѣ уступку и показали, что земцы идутъ по совершенно другой дорогѣ, чѣмъ та, о которой говорилъ Государю *отъ имени всѣхъ* князь С. Н. Трубецкой.

Главнымъ предложеніемъ бюро, которое какъ бы опре-

дѣлило новую идеологію земцевъ, было предложеніе обратиться «къ народу» съ воззваніемъ. Въ маѣ земцы обращались къ Государю съ просьбой о представительствѣ; посланная ими къ нему депутація принесла благопріятный отвѣтъ; представительство было обѣщано; цѣль майскаго съѣзда казалась достигнута. Не прошло мѣсяца, какъ земцы нашли, что они ничего не получили и рѣшили «обратиться къ народу».

Помню, какъ было принято это демонстративное предложеніе. Помню рѣчь И. И. Петрункевича участника депутаціи къ Государю; приведя много иллюстрацій того, что власти больше вѣрить нельзя, онъ закончилъ словами: «намъ нѣтъ больше смысла надѣяться на благоразуміе и добросовѣстность власти, надо обращаться не къ ней, а *къ народу*».

Это было только фразой, но она произвела громадное впечатлѣніе. Рѣчь была покрыта оглушительными аплодисментами; можно было подумать, что Петрункевичъ указалъ новый путь, на которомъ можно было чего-то добиться. Этому впечатлѣнію помогли еще правые. На этотъ съѣздъ, вѣроятно, какъ послѣдствіе принятія земской депутаціи Государемъ, впервые явились настоящіе, подлинные «курскіе» правые. Для нихъ такія рѣчи, какъ Петрункевича, были новы. И они тотчасъ по своему реагировали. Касаткинъ-Ростовскій не придумалъ ничего болѣе умнаго, какъ заявить: «Петрункевичъ зоветъ насъ къ *революціи*, ему аплодируютъ; до его рѣчи я еще сомнѣвался, *гдѣ* я, теперь вижу, и ухожу изъ собранія». За нимъ ушли и другіе.

Опасенія Касаткина-Ростовскаго были неумны, если были и искренни; но не было основаній и для большинства приходить въ восторгъ отъ предложенія Петрункевича. Въ немъ было не много болѣе конкретнаго содержанія, чѣмъ въ тѣхъ *призывахъ* «свергать большевиковъ», въ которыхъ нетерпѣливые представители эмиграціи видѣли недавно «активную» дѣятельность.

Если обращаться къ народу ему надо было сказать, *что* ему дѣлать. Воззваніе давало якобы практическій совѣтъ: «спокойно и открыто собираться, обсуждать свои нужды и высказывать свои желанія, не опасаясь, что кто-нибудь станетъ препятствовать... Если всѣ сообща рѣшатъ, что имъ дѣлать, тогда за ихъ голосами будетъ такая сила, противъ которой не устоитъ никакой произволъ и беззаконіе».

Вотъ и все, съ чѣмъ обратились къ народу. Гора родила мышь. Когда соціалъ-демократы апеллировали къ пролетаріату, они въ своемъ распоряженіи имѣли революціонные способы дѣйствій, начиная съ забастовокъ и кончая возстаніемъ. Другія революціонныя партіи для борьбы съ властью призывали къ аграрному движенію, къ индивидуальному террору. Въ распоряженіи земцевъ никакихъ революціонныхъ средствъ не было и они ихъ не хотѣли. Можно было даже подумать, что свои совѣты они давали только затѣмъ, чтобы успокоить народъ, удержать его отъ опасныхъ шаговъ; черезъ нѣсколько лѣтъ на Выборгскомъ процессѣ С. А. Муромцевъ именно *такъ* объяснялъ цѣль воззванія въ Выборгѣ. Но такое объясненіе было бы неискренно и непослѣдовательно. Предлагать народу выносить резолюціи можно было только въ томъ случаѣ, если этимъ путемъ можно воздѣйствовать на правительство. Въ противорѣчіи съ такою надеждою они заявляли, что наша власть моральнымъ воздѣйствіямъ не поддается. А съ другой стороны земцы не могли быть и такъ наивны, чтобы вѣрить въ безобидность тѣхъ средствъ, которыя они рекомендовали народу. Они знали, къ чему такіе совѣты могли привести. Если земскій съѣздъ въ Москвѣ встрѣтился съ попыткой разгона, то что могло быть въ провинціи, на фабрикахъ и въ деревнѣ? Въ условіяхъ нашей дѣйствительности обращеніе земцевъ къ народу должно было остаться или безъ всякихъ послѣдствій, какъ осталось черезъ два года воззваніе въ Выборгѣ, или явиться источникомъ смуты въ темныхъ низахъ,

гдѣ событія стали бы направляться уже не земцами, а революціонерами. Если земцы и этого не желали, то ихъ воззваніе оставалось бы только символической демонстраціей того, что они перестали надѣяться flectere superos и потому рѣшили Acheronta movere.

Но именно эта символика, единодушно принятая на Съѣздѣ, радовала земскихъ вождей. Постановленіемъ обратиться къ народу, земцы покидали тотъ лойяльный путь сотрудничества съ исторической властью, котораго они держались не только въ ноябрѣ 1904 г., но и въ маѣ 1905 г. Земцы собирались опираться не на государственную власть, а на Ахеронтъ. То, что составляло ихъ особенность, т.-е. ихъ оффиціальное положеніе въ государствѣ, ими сейчасъ добровольно откидывалось. Послѣ такой резолюціи земцы уже почти ничѣмъ не отличались отъ массы интеллигенціи и были готовы къ тому, что совершилось черезъ нѣсколько дней, т.-е. къ вступленію «группы земцевъ конституціоналистовъ» въ Союзъ Союзовъ, и въ приступѣ къ образованію *вмѣстѣ съ ними* единой политической партіи. Только одного они земцы еще произнести не рѣшились; объ Учредительномъ Собраніи они и теперь, въ іюлѣ, постановленія не принимали. Этимъ, но только этимъ, они продолжали *пока* выгодно отличаться отъ интеллигенціи Союза Союзовъ.

Другимъ предметомъ занятій былъ вопросъ о Булыгинской Думѣ. По смыслу рескрипта А. Г. Булыгину она должна была имѣть только совѣщательный голосъ. Это можно было оспаривать. Возраженія противъ совѣщательнаго безвластнаго представительства, обреченнаго на роль критика, не отвѣтственнаго за рѣшенія власти, имѣли столько за себя основаній, что земское большинство должно было ихъ сдѣлать. Объ этомъ была теоретическая литература, начиная со статей Б. Н. Чичерина; 12 декабря 1904 г. противъ *совѣщательной* Думы высказался такой практикъ, какъ Витте. Но Съѣздъ не захотѣлъ ограничиться критикой; онъ рѣшилъ представить свой контръ-проектъ. Это бы-

ло рисковано. По вопросу о конституціи въ земской средѣ не могло быть единогласія и было излишне заранѣе раскрывать свои карты. «Союзъ Освобожденія» уже опубликовалъ проектъ конституціи подъ заглавіемъ «Основной государственный законъ Россійской Имперіи». Опубликованный въ октябрѣ 904 г. еще раньше перваго земскаго съѣзда онъ предварялъ въ предисловіи, что былъ «результатомъ продолжительнаго и внимательнаго обсужденія со стороны цѣлаго ряда практиковъ и теоретиковъ». Содержаніе его не обнаруживало участія *практиковъ*. Проектъ напоминалъ «нормальный уставъ» акціонернаго общества; какъ положительный законъ, онъ не могъ бы просуществовать нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не приведя къ перевороту. Но неудовлетворительность этого проекта была небольшая бѣда; онъ былъ анонимнымъ, никого не компрометировалъ. Отъ чистыхъ *теоретиковъ* нельзя было требовать большаго. Но положеніе *земцевъ* съ ихъ проектомъ конституціи было отвѣтственнѣй. Люди долголѣтней практической дѣятельности, предназначенные къ *первой* роли при конституціонномъ устройствѣ Россіи, въ своемъ проектѣ они должны были оказаться на уровнѣ своей репутаціи земскаго опыта. Было благоразумнѣе имъ *безъ нужды* своего проекта не представлять. Тѣмъ не менѣе ихъ проектъ былъ напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», подъ заглавіемъ «Основной законъ Россійской Имперіи». Не вхожу въ детали проекта; въ немъ тоже не было видно слѣдовъ практическаго опыта земцевъ. Напримѣръ, всякое разномысліе между двумя Палатами, даже въ бюджетѣ, должно было разрѣшаться въ совмѣстномъ засѣданіи обѣихъ Палатъ большинствомъ двухъ третей. Этотъ порядокъ затормозилъ бы всю жизнь, а выхода могъ и не дать, такъ какъ ⅔ могло не набраться. Но и самыя основы проекта, какъ и проекта «Освобожденія», были четыреххвостка и парламентаризмъ. Что «ограниченіе Самодержавія» необходимо, было признано всѣми. Но сразу превратить существовавшую неограниченную власть въ «декорацію»,

отдать управленіе страной въ руки парламента, выбраннаго милліонами безграмотныхъ избирателей, было предложеніемъ, которое нельзя было обосновать *земскимъ опытомъ*. Нельзя было и надѣяться, чтобы подобную конституцію Самодержавіе могло *октроировать*. Для нея было необходимо предварительное крушеніе власти. И тѣмъ не менѣе именно *это* было проектомъ, который былъ предложенъ отъ имени *русскаго* земства. Mutatis mutandis, онъ предварялъ претензію большевиковъ въ 5 лѣтъ Европу «догнать и перегнать».

Бюро земскихъ съѣздовъ не настаивало на *принятіи* своего контръ-проекта. Оно просило только его «принципіально»» одобрить; какъ формулировалъ С. А. Муромцевъ, принять его въ *первомъ чтеніи* по терминологіи англійской процедуры. Эта ссылка была очень искусна; она не могла не польстить и не понравиться съѣзду. Но отдѣльные члены, какъ напримѣръ Е. В. де-Роберти, не воздержались и отъ оцѣнки проекта по существу. «Проектъ, заявилъ онъ, въ общемъ прекрасенъ, онъ вполнѣ отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ». Такая похвала была характерна; только о какихъ научныхъ требованіяхъ говорилъ де-Роберти? Наука права признаетъ соотвѣтствіе государственныхъ формъ культурному уровню населенія; признаетъ, «относительность» конституцій и учрежденій. Наука можетъ признать, что прогрессъ идетъ въ направленіи демократіи; что здоровая демократія прочнѣе личныхъ режимовъ. Но она знаетъ, что это бываетъ лишь при условіи, что страна и народъ подготовлены для такой демонстраціи. Тракторъ лучше сохи, но только въ рукахъ тѣхъ, кто имъ умѣетъ работать. Изъ-за того, что опытныя демократіи выдержали войну лучше монархій, не слѣдуетъ, что всякія страны, въ которыхъ будетъ введена демократія, выиграютъ отъ подобной замѣны, какъ успѣхъ тракторовъ въ Америкѣ не оправдалъ Сталинской политики въ русской деревнѣ. Сказать, что земскій проектъ хорошъ потому, что соотвѣтствуетъ наукѣ — значило

или ничего не сказать, или утверждать, что уровень культуры Россіи и ея политическій опытъ оправдываютъ примѣненіе къ ней самыхъ *сложныхъ* образцовъ конституціоннаго строя. Этого де-Роберти не утверждалъ; онъ объ этомъ просто не думалъ. Онъ забылъ, что рѣчь не о научной оцѣнкѣ, и не объ отвѣтѣ ученика на экзаменѣ по вопросу о конституціяхъ, а о примѣненіи въ данный моментъ опредѣленнаго порядка къ *нашей* странѣ. И онъ воображалъ, что его устами вѣщаетъ «наука».

Что такъ разсуждали интеллигенты, черпавшіе изъ книгъ свои убѣжденія, — было простительно. Но что такъ могла думать *земская среда* послѣ 40 лѣтъ земскаго опыта, было трагично. Если земскій слой практически былъ настолько безпомощенъ, что могло сулить Россіи народовластіе?

Таковъ былъ іюльскій съѣздъ 905 г. Политическая позиція, имъ принятая, не увеличила его авторитета среди *Ахеронта*. Земская среда не вела больше «движенія»; она теперь плелась въ хвостѣ за нимъ и не могла занимать руководящаго мѣста. Но зато съѣздъ и его резолюціи компрометировали земство въ глазахъ власти и правящихъ классовъ. Послѣ рѣчи князя Трубецкого и отвѣта, даннаго ему Государемъ, отъ земцевъ ожидали другого. Ихъ агрессивность, несерьезность и утопичность ихъ пожеланій дали поводъ смотрѣть на нихъ не какъ на опору для власти, а какъ на авангардъ Революціи. Реакція торжествовала. Позиція земскаго съѣзда, если бы ее приняли за подлинное земское настроеніе, могла сорвать всю обѣщанную Государемъ реформу. И спасло ее въ это время то, что у нея были сторонники среди самихъ бюрократовъ. *Они* ее отстояли.

Черезъ нѣсколько дней послѣ съѣзда, 19 іюля начались знаменитыя Петергофскія совѣщанія по поводу проекта Булыгинской Думы. Стенографическій отчетъ ихъ былъ тогда же добытъ и напечатанъ Освобожденіемъ. Онъ показалъ, какіе вопросы вызывали въ Совѣщаніи споры. Справа дѣлали натискъ на безсословность выборовъ, даже

и цензовыхъ; правые хотѣли сохранить ихъ сословный характеръ, т.-е. отстаивали исходное зло старыхъ порядковъ. Отражать этотъ натискъ пришлось нашей культурной *бюрократіи.* Она его отразила. Но для защиты безсословности выборовъ ей было невозможно дѣлать ссылку на «земское мнѣніе». Мнѣніе земцевъ въ связи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось на Съѣздахъ, было выгодно только для противниковъ всякой реформы; для либеральной бюрократіи земцы оказались опаснымъ союзникомъ. Сторонники безсословности должны были искать другихъ аргументовъ, по существу часто очень сомнительныхъ, а не апеллировать къ авторитету русскаго земства. Единственный представитель нашей общественности В. О. Ключевскій, который имъ въ этомъ помогъ, и по индивидуальности, и по аргументамъ былъ далекъ отъ нашей земской и вообще интеллигентской общественности. То-же самое было съ другими либеральными, но для Самодержавія одіозными пунктами. Такъ, обязательное возвращеніе министрамъ законопроектовъ, забракованныхъ квалифицированнымъ большинствомъ Совѣта и Думы, не безъ основанія толковалось какъ «ограниченіе Самодержавія». Либеральные бюрократы и этотъ пунктъ *отстояли* очень тонкими и спорными доказательствами. Такъ позиція земцевъ лишила ихъ вліянія на ходъ реформы, помѣшала оказать помощь тѣмъ, кто вмѣсто нихъ отражалъ натискъ реакціи.

Глава XV.

КАПИТУЛЯЦІЯ САМОДЕРЖАВІЯ.

Съѣздъ ничему не помогъ, но событія развивались уже по инерціи. 6-го августа было опубликовано Положеніе о Булыгинской Думѣ. Этотъ актъ вызвалъ бы удовлетвореніе, если бы появился въ декабрѣ 904 года. Теперь въ обществѣ никто его не принялъ всерьезъ, какъ правительство

не приняло всерьезъ конституцій ни «земской», ни «освобожденской». Въ сентябрѣ былъ вновь Земскій Съѣздъ. Правительство не хотѣло повторить скандала съ его запрещеніемъ. Остановились на компромиссѣ. На Съѣздъ былъ командированъ правитель концеляріи Генералъ-губернатора, бывшій товарищъ прокурора А. А. Воронинъ, погибшій позднѣе при Столыпинскомъ взрывѣ. Это былъ человѣкъ порядочный и разумный; онъ ничему не мѣшалъ, а своимъ присутствіемъ за особымъ столикомъ придавалъ съѣзду полу-офиціальный характеръ. На этомъ съѣздѣ можно было воочію видѣть, насколько съ Совѣщательной Думой было опоздано. Ея ролью не интересовался никто, хотя эта Дума была все-таки не «Лорисъ-Меликовская конституція». Единственный вопросъ, которымъ занялся Земскій Съѣздъ, — былъ вопросъ о бойкотѣ или объ участіи въ выборахъ. Тактика бойкота представлялась вообще болѣе лѣвой, непримиримой, рѣшительной; въ этомъ для многихъ была ея привлекательность. Но земцы имѣли преимущественную возможность быть выбранными, и бойкотъ имъ не улыбался. Бюро предлагало участвовать въ выборахъ. Однако и сторонники *этой* тактики не предполагали лойяльно исполнять обязанности, которыя на членахъ Булыгинской Думы лежали. Бойкоту они противополагали хожденіе въ Думу съ тѣмъ, чтобы «*взрывать ее изнутри*». Никто въ то время не рѣшался доказывать, что Булыгинская Дума представляетъ громадное улучшеніе прежняго Самодержавія, что положеніе 6-го августа можно поэтому честно использовать. «Освобожденіе» развивало теорію «взрыва». «Государственная Дума, писало оно въ № 77, въ настоящемъ ея видѣ, есть учрежденіе совершенно негодное для функціонированія въ качествѣ постояннаго органа государственнаго самоуправленія; но та же самая Дума... есть могущественное и грозное орудіе борьбы съ существующимъ режимомъ въ цѣляхъ расчищенія пути для истиннаго народнаго представительства». Это была *иная* постановка вопроса. Самодер-

жавная власть создавала Думу въ надеждѣ, что Дума *поможетъ* ей управлять на пользу Россіи; общественные дѣятели шли въ Думу только затѣмъ, чтобы ставить Самодержавіе въ *новый тупикъ*.

Булыгинская Дума оказалась мертворожденной. Правые ея не хотѣли, ибо она ослабляла Самодержавіе. Перепечатавъ безъ комментарій Манифестъ 6-го августа, «Московскія Вѣдомости» меланхолически добавили: «Боже Царя Храни». Слѣва въ нее шли съ тѣмъ, чтобы мѣшать ей работать. Мысль о томъ, чтобы попробовать лойяльно использовать это учрежденіе для проведенія преобразованій въ Россіи никому въ голову не приходила. Эту еретическую мысль русской общественности пришлось выслушать отъ англичанина.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву Вильямъ Стэдъ. Для него, какъ для знатнаго иностранца, было устроено собраніе избранной русской общественности. Стэдъ сдѣлалъ докладъ, выступивъ *защитникомъ* Булыгинской конституціи. Онъ доказывалъ, что, несмотря на ея недостатки изъ нея можетъ вырости настоящая конституція, что не только бойкотъ, но даже попытки взрыва Булыгинской Думы изнутри плохая политика. Помню эту спокойную рѣчь стараго англичанина, знавшаго по опыту своей великой страны, что не все сразу дается, что практика вкладываетъ въ старыя формы новое содержаніе, что жизнь и работа научатъ всѣхъ и всему. Его доводы не доходили до разума общества. Стэда обдали потоками искренняго и краснорѣчиваго негодованія. Помню на рѣдкость удачную рѣчь Ф. И. Родичева, кончавшуюся словами: «мы идемъ въ Государственную Думу, какъ въ засаду, приготовленную намъ нашимъ врагомъ». Помню остроумное, въ легкомъ жанрѣ, выступленіе Григорія Петрова, — еще бывшаго въ то время священникомъ; онъ сравнивалъ Булыгинскую конституцію съ сапогами классической интендантской заготовки, когда нужны хорошіе сапоги. Было краснорѣчіе, подъемъ, остроуміе, которые призналъ и самъ

Стэдъ; они тонули въ аплодисментахъ, которые общество само себѣ раздавало, не думая, какъ невелика та среда, которая себѣ рукоплещетъ, какъ мало въ Россіи людей, которые понимаютъ серьезно, что такое Дума и конституція. Никто не думалъ тогда, что воспитанная на деспотизмѣ страна не сумѣетъ защищаться отъ демагогіи, что конституція не панацея, которая лѣчитъ отъ *всякихъ* болѣзней, что роль тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ власть звала на помощь себѣ, станетъ ничтожной, когда вмѣсто легальнаго сотрудничества съ властью они окажутся во главѣ революціи. Общество радовалось словесной побѣдѣ надъ Стэдомъ, какъ будто этимъ оно побѣдило Самодержавіе.

Эти несерьезныя настроенія были плодомъ искусственнаго устраненія общества отъ практической дѣятельности; оно не научилось понимать трудностей управленія государствомъ. Даже уроки, которые жизнь стала давать въ это переходное время, ему глазъ не раскрыло. Однимъ изъ первыхъ безплодныхъ уроковъ былъ опытъ университетской автономіи.

Учащаяся молодежь, ея волненія, форма волненій, т.-е. забастовка учащихся — нервировали общество и смущали правительство. Общественность заявляла, что путь репрессій безсиленъ; только академическая свобода, университетское самоуправленіе вернутъ порядокъ въ высшую школу. Можно было надѣяться, что въ спеціальной средѣ учащейся молодежи, культурной и немногочисленной, при извѣстныхъ уступкахъ, можетъ раньше, чѣмъ въ другихъ, наступить отрезвленіе. И если гдѣ-либо опытъ уступокъ могъ быть сравнительно безопасенъ, то именно здѣсь. 27 августа 905 г. неожиданно объявлена была университетская автономія.

Люди близкіе къ сферамъ могли бы разсказать, кто именно этотъ указъ посовѣтовалъ. Въ большой публикѣ его приписали Д. Трепову. Если это вѣрно, это было бы лишней чертой въ одной изъ загадочныхъ фигуръ эпохи паденія старой Россіи. Общественность наклеила на Трепова, какъ

ярлыкъ, его злополучную фразу «патроновъ не жалѣть». Такими упрощенными этикетами общественность хоронила тѣхъ, кого не любила. Но личность Д. Трепова повидимому была сложнѣе, чѣмъ считала общественность. Онъ кое-что понималъ. На Петергофскомъ Совѣщаніи о Булыгинской Думѣ онъ не говорилъ длинныхъ рѣчей, но съ полной отчетливостью установилъ необходимость принципіальныхъ уступокъ. Когда споръ шелъ о статьѣ 50-й, которая преграждала доступъ къ Государю мнѣнію отвергнутому Совѣтомъ и Думой, либеральная бюрократія старалась доказывать, что въ этомъ ничего новаго нѣтъ, что такъ и прежде дѣлали въ старомъ Государственномъ Совѣтѣ. Одинъ Треповъ сказалъ грубую *правду:* «предложеніе о возвращеніи министру отклоненныхъ проектовъ несомнѣнно представляетъ *ограниченіе* Самодержавія, но ограниченіе, исходящее отъ Вашего Величества и полезное». Если Треповъ могъ такъ говорить въ іюлѣ 905 г., то въ августѣ онъ могъ посовѣтовать сдѣлать опытъ университетскаго самоуправленія, какъ въ 906 г. онъ же рекомендовалъ попробовать «кадетское министерство».

Указъ 27 августа носилъ отпечатокъ крайней поспѣшности. Въ этомъ онъ былъ схожъ съ позднѣйшимъ Манифестомъ 17 октября. Онъ объявлялъ новый *принципъ.* Для ректоровъ и декановъ устанавливалось *выборное* начало. Совѣтамъ передавалась обязанность «поддерживать правильный ходъ учебной жизни въ университетѣ, принимая для этого соотвѣтствующія мѣры». И только. Гдѣ предѣлъ новыхъ правъ? Что совѣты могутъ и чего не могутъ? Въ какой степени ихъ мѣры должны быть сообразованы съ инструкціями Министра и Попечителя, не говоря о законѣ? Объ этомъ не было рѣчи. Была объявлена «диктатура» профессорской коллегіи подъ угрозой отвѣтственности за поддержаніе правильнаго хода учебной жизни. Это путь скользкій. Когда позднѣе мнѣ пришлось участвовать въ процессѣ Одесскаго Университета, я могъ видѣть опасность, которую представляютъ подобныя полномочія, не со-

гласованныя съ началами нашего строя и въ минуту паники о существованіи законовъ забывшія. Профессора, добросовѣстно толкуя новый уставъ, нарушали формальный законъ, безъ протеста со стороны существующей власти; а потомъ въ эпоху реакціи власть за эти нарушенія ихъ потянула къ отвѣту.

Либеральные профессора послѣ Указа сдѣлались властью, получили возможность строить жизнь на началахъ, о которыхъ мечтали. *Правая* профессура въ лучшемъ случаѣ оставалась нейтральной, въ худшемъ злорадствовала. Во главѣ университетскихъ хозяевъ, отвѣтственныхъ за новый порядокъ, стали тѣ, которые до сихъ поръ за новыя начала боролись. Первымъ выборнымъ ректоромъ въ Москвѣ сдѣлался С. Н. Трубецкой.

Тогда-то профессорамъ и всему обществу пришлось увидѣть, что такое свобода, которая объявляется въ моментъ ослабленія власти, и что такое разбушевавшійся Ахеронтъ, который общество призывало на помощь себѣ. Они могли увидать, какой это опасный союзникъ и каково съ нимъ бороться. Они могли увидать, какую картину представляютъ учрежденія, которыя хотятъ использовать не для прямого ихъ назначенія, а для дальнѣйшей борьбы, какъ для этого собирались использовать Булыгинскую Думу. Все, что повторилось потомъ послѣ 17 октября въ широкомъ масштабѣ, было предварено Университетами послѣ ихъ автономіи.

Если студенты смотрѣли на свою борьбу какъ на борьбу не за академическіе свои интересы, а за цѣли всего «Освободительнаго Движенія», то Указъ 27 августа не позволялъ имъ этой борьбы прекратить. Какъ могли студенты остановиться лишь потому, что университетскіе Совѣты стали теперь автономны? Въ полной гармоніи съ освобожденческой психологіей студенты рѣшили «использовать» университетскій Уставъ для дальнѣйшей борьбы съ Самодержавіемъ.

Университетскія власти естественно посмотрѣли иначе.

Они теперь вспомнили, что у Университета есть цѣли, которымъ «политика» мѣшать не должна. Но студенческому Ахеронту это уже казалось измѣной. Они не задумались поставить вопросъ: почему они обязаны профессорамъ повиноваться? Автономія добыта не профессорами, а студентами; ихъ забастовки, «жертвенность и дѣйственность» эту автономію вырвали. Почему власть оказалась у профессоровъ, а не у нихъ? Если обязательна 4-хвостка, если у всѣхъ равное право на управленіе государствомъ, то въ чемъ преимущество профессоровъ передъ студентами для управленія Университетомъ?

«Воля» студентовъ *такъ* рѣшила этотъ вопросъ. Автономія была ими принята, какъ возможность превратить аудиторію въ удобное мѣсто для продолженія политической борьбы. Благоразумная часть студенчества была въ меньшинствѣ и безсильна съ этимъ бороться; слово «академическій» считалось «реакціей». Конфликтъ профессуры со студентами на этомъ вопросѣ, понятное нежеланіе университетскихъ властей прибѣгать къ тѣмъ мѣрамъ строгости, которыя раньше они осуждали, невозможность иначе добиться порядка, вело новыхъ университетскихъ хозяевъ къ безсилію. Въ результатѣ университеты превратились въ мѣсто для митинговъ. Роль университетской автономіи въ Революціи получила компетентную оцѣнку въ рѣчи Хрусталева-Носаря на процессѣ Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ: «Зародышъ Совѣта, сказалъ онъ, лежитъ въ сентябрьскихъ дняхъ, когда «автономія» высшихъ учебныхъ заведеній сдѣлала возможнымъ захватъ десятковъ тысячъ рабочихъ «митинговой лавой» («Право», 8 октября 1906 г.). Занятіе Московскаго университетскаго зданія вооруженными дружинами студентовъ, которое предшествовало 17 октября, было преддверіемъ возстанія, которое разразилось въ Москвѣ въ декабрѣ 905 г.

Судьба университетской автономіи могла бы раскрыть глаза общественности на то, что ей предстояло; она должна

была бы понять, насколько для нея было полезно, чтобы старая власть не исчезла, не была замѣнена новой импровизированной, полагавшейся только на довѣріе къ себѣ населенія. Но общественность не сдѣлала этого вывода. Она рѣшила, что причина анархіи въ томъ, что правительство уступило слишкомъ мало и что автономіей пользуются только учебныя заведенія. Въ этомъ была доля правды: трудно строить жизнь части страны въ противорѣчіи съ принципами, на которыхъ построено цѣлое; свободный Университетъ въ деспотическомъ государствѣ есть аномалія. И общественность съ удвоенной энергіей стала добиваться распространенія университетскихъ порядковъ на всю Россію.

Такъ создалось настроеніе, при которомъ Самодержавіе чувствовало себя въ тупикѣ. Никто ему помогать не хотѣлъ; ни одна реформа ему не удавалась. Лучшія его начинанія обращались противъ него. Частичныя уступки только нервировали общество и вносили новое разстройство въ налаженную жизнь. Возникали явленія все болѣе страшныя. Начались движенія національныхъ меньшинствъ. Заколебалось крестьянство, грозная сила, которая удерживалась въ порядкѣ традиціоннымъ страхомъ передъ существующей властью и своей неорганизованностью. Крестьянамъ тоже становилось ясно безсиліе власти; оно перестало бояться; а его неорганизованность открывала просторъ вліянію демагогіи. Въ крестьянствѣ не только усилились движенія противъ помѣщиковъ, но появились дѣйствія, направленныя и противъ властей; требованія золотомъ вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. Увеличился терроръ, бравшій мишенью безобидныхъ низшихъ чиновъ администраціи. Надвигался призракъ разложенія и анархіи. А общественность все-таки не смущалась; она отказывала Самодержавію хотя бы въ моральной поддержкѣ; на всѣ призывы она отвѣчала: *при Самодержавіи порядка не будетъ и при Самодержавіи мы его не хотимъ.* Всѣ желавшіе мирнаго преобразованія Рос-

сіи отъ Самодержавія отходили; съ нимъ оставались только сторонники старой идеологіи сословной Россіи, безпрекословнаго повиновенія Монарху Божіей Милостію, идеологіи Николая I. Представители этихъ взглядовъ винили власть за уступчивость, рекомендовали ей грозныя мѣры, совѣтовали показать, что Самодержавіе перестало шутить. Противъ общаго недовольства оно рекомендовало только репрессіи. Но о какихъ репрессіяхъ можно было мечтать, когда самое орудіе репрессій — войско становилось ненадежнымъ? Когда начинались военные бунты, въ родѣ Потемкина, когда пораженная и обиженная своей неудачей армія на Востокѣ возвращалась назадъ не какъ союзникъ власти, а какъ ея обличитель? Таково было общее настроеніе; выхода не было. Какъ въ настоящей войнѣ наступаетъ моментъ, когда аттака рѣшаетъ кампанію, такъ рѣшительная аттака на власть разразилась въ формѣ всеобщей забастовки.

Очевидно, кто-то ее организовывалъ. Но на обывательскій глазъ движеніе разросталось само собой, подстрекаемое общимъ сочувствіемъ. Началось съ фабрикъ, потомъ остановились желѣзныя дороги, почта, газеты, электричество, водопроводы и т. д. Населеніе въ паникѣ запасалось водой и провизіей. Толпы забастовавшихъ фабричныхъ скопами слонялись по улицамъ. Жандармы, казаки, военная власть, полицейскіе выбивались изъ силъ, ихъ разгоняя. Они разбѣгались и потомъ вновь собирались. Ночью Москва была погружена въ темноту; заревомъ свѣтился университетъ, гдѣ забарикадировались студенты и жгли на дворѣ сложенныя въ костры скамейки и лавки. Зловѣщіе слухи ползли среди обывателей. Нервы всѣхъ были напряжены до крайней степени и не выдерживали. Это расширяло движеніе. На моихъ глазахъ адвокаты какъ-то увидали въ окно зданія Судебныхъ Установленій, что на Красной площади жандармы съ обнаженными палашами разгоняли толпу. Поднялся визгъ, крики, истерика; адвокаты бросились силой снимать засѣданія, и судъ поневолѣ забастовалъ. Об-

щественность одобряла забастовку; наступала послѣдняя схватка съ Самодержавіемъ, оставаться въ сторонѣ было нельзя.

Въ эти дни въ домѣ Долгорукихъ происходилъ Учредительный Съѣздъ кадетской партіи; вырабатывались ея программы и тактика. Эта тема была далеко отъ интересовъ момента; но мы оказались въ центрѣ вниманія, сама жизнь къ намъ врывалась. Меня пригласили предсѣдательствовать на митингѣ банковскихъ служащихъ, которые тоже собрались объявить забастовку. Я не имѣлъ къ нимъ отношенія, но не могъ отказаться. Къ тому же это было интересно и поучительно. Помню это засѣданіе гдѣ-то на Бронной; нѣсколько стеариновыхъ свѣчей едва разгоняли мракъ громаднаго зала; въ темнотѣ трудно было наблюдать за порядкомъ; предсѣдательствовать можно было только диктаторски. Забастовка была рѣшена. Этого показалось все-таки мало. Какой-то ораторъ выступилъ съ предложеніемъ вступить всѣмъ въ составъ соціалъ-демократической партіи. Это дикое предложеніе не прошло лишь потому, что соціалъ-революціонеръ сдѣлалъ аналогичное предложеніе вступить въ соціалъ-революціонную партію. Въ такой сумасшедшей атмосферѣ тогда ставились и рѣшались вопросы. Такихъ собраній было много. Помню собраніе въ Городской Думѣ, о которомъ я уже говорилъ. Городская Дума почувствовала не только безсиліе *власти*, но и *свое* безсиліе справиться съ движеніемъ. Она пригласила на совѣщаніе самыхъ различныхъ общественныхъ дѣятелей. Ничего полезнаго она отъ нихъ не услышала. Никто изъ приглашенныхъ не помышлялъ о водвореніи спокойствія и порядка; одни видѣли въ наступавшей анархіи способъ для сверженія Самодержавія, другіе именно въ этой анархіи видѣли новый порядокъ. Забастовочный комитетъ требовалъ немедленной сдачи ему Городскимъ Управленіемъ городскихъ денегъ и власти. Такое требованіе обезпокоило гласныхъ, и они рѣшились въ немъ отказать. Этотъ от-

казъ привелъ въ негодованіе. Представители забастовочныхъ и революціонныхъ организацій вопили: горе вамъ, горе вамъ! А к. д. съѣздъ, узнавъ про это, выносилъ похвалу сдержанности и достоинству рабочаго класса.

Такъ шло дѣло въ *нашемъ* лагерѣ. А правительство все бездѣйствовало. Скептики подозрѣвали, что съ его стороны это сознательная тактика; что возникнутъ эксцессы толпы, грабежи по ночамъ, что эти безчинства раздражатъ обывателя, который начнетъ вздыхать о городовомъ и радостно встрѣтитъ репрессіи. Даже наиболѣе оптимистичные москвичи, въ родѣ Н. Н. Щепкина, начинали сомнѣваться въ томъ, что московскій обыватель выдержитъ. Говорили, что недовольство растетъ и направляется противъ самихъ забастовщиковъ; утверждали, что провокаторы организуютъ эксцессы и этимъ путемъ сорвутъ забастовку; въ непонятномъ бездѣйствіи правительства видѣли подтвержденіе этихъ предположеній. Какъ говорилъ Гинденбургъ, побѣждаетъ тотъ, у кого крѣпче нервы; русское общество этимъ не отличалось. Власть могла его «пересидѣть». Но мы ошибались. Въ средѣ власти бездѣйствіе было не хладнокровнымъ расчетомъ, а паникой и колебаніемъ. Нервы у нея въ тотъ моментъ сказались не сильнѣй, чѣмъ у общества.

Тамъ, наверху, съ грубой рѣзкостью стала диллема: или репрессіи, и тогда неумолимыя, или уступки, но тогда уже полныя. Былъ ли шансъ на побѣду репрессій? Если посмотрѣть на то, что произошло черезъ 2 мѣсяца, а потомъ послѣ роспуска I-ой Государственной Думы, наконецъ, на то, что сейчасъ дѣлаютъ большевики надъ Россіей — успѣхи голой репрессіи не кажутся невозможными. Матеріальной силы у власти было достаточно противъ «народа». Но у нея не хватало рѣшимости, вѣры въ себя; лучшіе представители власти понимали ошибки правительства и въ своей правотѣ усумнились. Витте, который не исключалъ этого пути репрессій, самъ отъ него отказался, рекомендовавъ призвать для него людей *другого* типа. Великій Князь Ни-

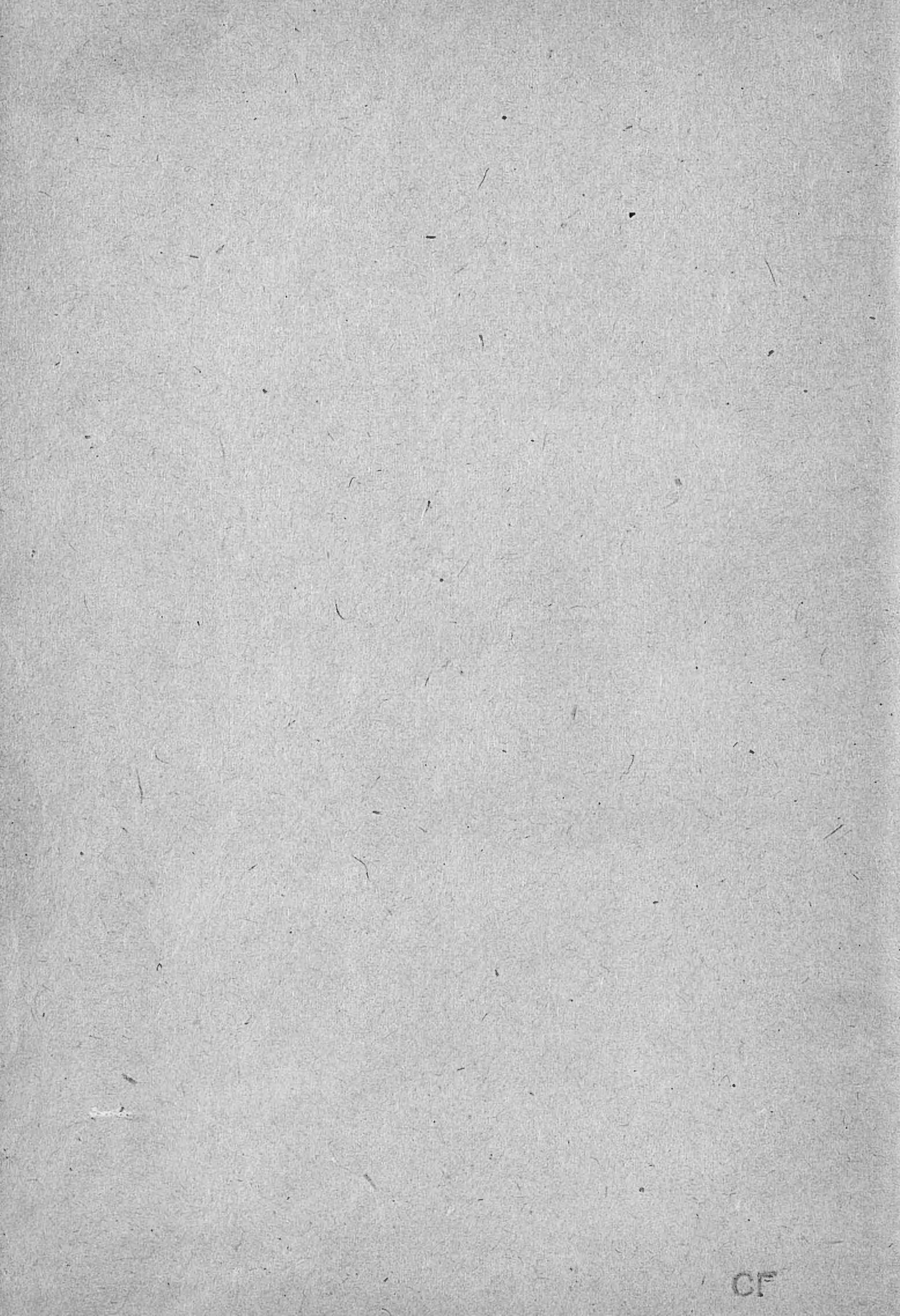
колай Николаевичъ, въ которомъ всѣ видѣли проводника подобной политики, «на колѣняхъ» умолялъ Государя согласиться на конституцію. Продолжать политику пассивнаго выжиданія становилось опаснымъ. Какъ въ 917 г., тѣ люди, которымъ Государь вѣрилъ, не рѣшались совѣтовать ему бороться до конца. У Государя другого выхода не было, и онъ уступилъ.

Въ Москвѣ продолжался нашъ съѣздъ. Но общее вниманіе было не здѣсь, не въ преніяхъ о партійной программѣ. Всѣ съ тревогой ждали, какъ *все это* кончится. Будетъ ли правительство упорствовать въ своей тактикѣ выжиданія? Или начнетъ контръ-аттаку и объявитъ военное положеніе? Мнѣнія раздѣлялись. Вдругъ вечеромъ прибѣжалъ сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей» И. А. Петровскій и задыхающимся отъ волненія голосомъ началъ читать какую-то бумагу. Это былъ Манифестъ. Тогда наступилъ моментъ такой радости, которая послѣ не повторялась. Сѣдой, какъ лунь, живописный старикъ М. П. Щепкинъ, бывшій въ юности ученикомъ и другомъ Грановскаго, сказалъ проникновенную рѣчь на тему «нынѣ отпущаеши». С. А. Котляревскій требовалъ отъ собранія, чтобы оно поклялось «не отдавать конституціи». Говорили другіе ораторы. Во время войны эта сцена к.-д. съѣзда мнѣ приходила на память, когда мнѣ пришлось наблюдать... неожиданное паденіе Перемышля. Армія генерала Селиванова была несравненно менѣе численна, чѣмъ австрійская, засѣвшая въ Перемышлѣ. Мы опасались прорыва. Когда генералу Селиванову заявили о прибытіи парламентеровъ для сдачи крѣпости, онъ не вѣрилъ ушамъ. Манифестъ 17 октября въ тотъ моментъ явился для насъ такой же неожиданной и полной побѣдой. Не мы побѣдили; противникъ палъ духомъ и сдался, какъ въ Перемышлѣ. Самодержавіе себя упраздняло. Но причина побѣды казалась въ тотъ моментъ безразлична. Препятствіе, мѣшавшее примиренію власти съ обществомъ, было тогда устранено. Ближайшей цѣли Освободительное Дви-

женіе достигло. Все, что въ нашей тактикѣ могло казаться ошибкой, что маловѣрные осуждали, показалось теперь правильнымъ и глубокимъ разсчетомъ. Популярность вождей возросла. Ихъ непримиримость, ихъ отказъ договариваться съ Самодержавіемъ раньше полной побѣды, ихъ несправедливость къ умѣреннымъ и осторожнымъ, общій фронтъ съ Ахеронтомъ, котораго они не побоялись, привели Россію къ побѣдѣ и Самодержавіе свергли. Они оказались правы и побѣдителей не судять. Они съ своей военной тактикой побѣдили. Если въ жизни всякаго политическаго дѣятеля, а можетъ быть всякаго человѣка есть полоса, когда нужна и полезна именно та идея, которую онъ выражаетъ, когда для него наступаетъ апогей успѣха, то 17 октября было апогеемъ для П. Н. Милюкова. Свою военную кампанію онъ провелъ превосходно. Но теперь начиналась совершенно новая глава русской исторіи.

КОНЕЦЪ 2-Й ЧАСТИ.

———

CF

СГ64

